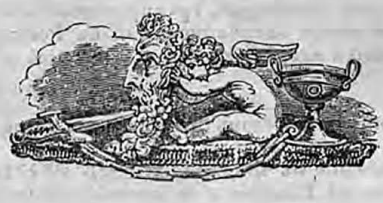
№ 1841 8.

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.



Часть третья.

Издатель В. Поляковъ. САНКТПЕТЕРБУРГЪ. Редакторъ Ѳ. Кони.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

предпринятъ съ тою цѣлію, чтобы доставить публикѣ чтеніе легкое, пріятное, разнообразное и въ тоже время вполнѣ знакомящее съ развитіемъ, ходомъ и настоящимъ состояніемъ драматическаго искусства, музыки, живописи и другихъ искусствъ въ Россіи и во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы.

Пантеонъ заключаетъ въ себѣ слѣдующаго рода статьи:

I. *Отдѣльныя піесы въ стихахъ и прозѣ*, извѣстныхъ *русскихъ* и *иностранныхъ писателей:* трагедіи, драмы, комедіи, оперы, и только *лучшіе* водевили. Въ составъ этаго отдѣленія входятъ піесы, *игранныя на сценѣ* и *неигранныя*, замѣчательныя по своему созданію и изложенію.

II. *Исторія театра:* взглядъ на развитіе сценическаго и драматическаго искусствъ, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ.

III. *Панорама всѣхъ современныхъ театровъ:* отчетъ о всѣхъ новостяхъ сцены, музыки, и другихъ художественныхъ явленіяхъ въ Европѣ и другихъ странахъ свѣта.

IV. *Біографическіе и характеристическіе очерки* знаменитѣйшихъ русскихъ и иноземныхъ драматическихъ писателей и артистовъ.

V. *Отдѣльныя сцены*—историческія и взятыя изъ частной жизни, въ стихахъ и прозѣ.

VI. *Повѣсти и разсказы*, могущія подать мысль для драмы, комедіи и водевиля.

VII. *Забавные куплеты и стихотворенія.*

VIII. *Библіографическіе обзоры сочиненій*, относящихся къ искусствамъ сценическому и драматическому и во всѣхъ другихъ родахъ.

IX. *Смѣсь:* анекдоты; замѣчанія на декораціи, костюмы и музыку значительныхъ піесъ; острыя слова; каламбуры и театральные слухи.

X. Кромѣ того при каждой книжкѣ *Пантеона* будетъ прилагаться нумеръ Текущаго *Репертуара Русской Сцены*, состоящій изъ лучшихъ водевилей оригинальныхъ или переводныхъ, имѣвшихъ успѣхъ на русскихъ театрахъ, и критическіе отчеты о всѣхъ піесахъ, представляемыхъ на московской и петербургской сценахъ.

Словомъ *Пантеонъ* есть полный сборникъ литературно-художественныхъ статей, который, слѣдя безпрерывно за ходомъ искусствъ и театровъ, не можетъ быть изданъ вдругъ и потому выходитъ *выпусками* или книжками, отъ пяти до десяти листовъ компактной печати, въ два столбца, и раздѣляется на *четыре части*. При каждомъ выпускѣ выдается по одному и по два художественныхъ приложенія, состоящихъ: *изъ портретовъ знаменитыхъ писателей и артистовъ; картинокъ театральныхъ, маскерадныхъ и модныхъ костюмовъ; забавныхъ сценъ, декорацій*, гравированныхъ на стали, на мѣди, или литографированныхъ и раскрашенныхъ за границею или въ Россіи, и изъ *музыки*, народной, или заимствованной изъ новыхъ оперъ, балетовъ, водевилей и танцевъ, аранжированныхъ для *форте-піано*.

Редакціею *Пантеона* завѣдуетъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони.

Подписная цѣна на все изданіе въ 1841 году: СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ, *съ пересылкою* во всѣ города Россійской Имперіи и *съ доставленіемъ* на домъ въ С. Петербургѣ.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ издателя, *книгопродавца Полякова*, въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной линіи, подъ № 17. Иногородныя особы благоволятъ адресоваться въ *Газетную Экспедицію* Санктпетербургскаго Почтамта.

Издатель. С. Петербургскій книгопродавецъ Василій Поляковъ.

СГАНАРЕЛЬ,

ИЛИ

МНИМЫЙ РОГОНОСЕЦЪ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

Соч. Мольера.

Перев. Н. Филимонова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Горжибусъ, парижскій мѣщанинъ.

Селія, дочь его.

Леонъ, влюбленный въ Селію.

Гро-Рене, слуга Леона.

Сганарель.

Жена его.

Вильбрекинъ.

Служанка Селіи.

Родственникъ жены Сганареля.

Дѣйствіе въ Парижѣ.

СГАНАРЕЛЬ,

или

МНИМЫЙ РОГОНОСЕЦЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Горжибусъ, Селія и служанка ея.

селія, выходитъ въ слезахъ, за нею отецъ.

Нѣтъ, не надѣйтесь никогда,
Чтобъ я на это согласилась.

горжибусъ.

Ну что ты тутъ ворчишь? что ты разговорилась!
Причины всѣ твои—негодны никуда.
Ты въ голову взяла преглупую идею —
Противиться всегда желанью моему;
Какъ будто надъ тобой я власти не имѣю!
И твоему ль не зрѣлому уму—
Уму отцовскому давать свои уставы?
Скажи мнѣ, кто изъ насъ изъ двухъ имѣетъ право
Предписывать законъ?
Чей голосъ, мой иль твой, быть долженъ предпочтенъ?
Умнѣе кто изъ насъ, не ты ль умнѣе стала?
Кто лучше, ты иль я—умѣю разсудить
Въ чемъ польза для тебя, въ чемъ нѣтъ ея ни мало.
Но, чортъ возьми! страшись меня ты разсердить,
Я потерять готовъ терпѣнье,
И отъ меня тогда не жди ужъ снисхожденья.
А лучше бы всего,
Когда бъ, упрямица, ты вышла за того,
Кто для тебя назначенъ мною;
И я бъ доволенъ былъ тобою.
Не знаю, говоришь, какого права онъ,
Понравится иль нѣтъ. Когда кто надѣленъ
Такимъ, какъ нашъ женихъ огромнымъ состояньемъ,
Тотъ право полное имѣетъ на вниманье,
И надо ль узнавать о чемъ нибудь другомъ?
Нѣтъ, должно дорожить подобнымъ женихомъ!
Вѣдь капиталомъ онъ огромнѣйшимъ владѣетъ,—
И, чтобъ любимымъ быть тобой,
Въ другихъ приманкахъ онъ и нужды не имѣетъ.
Съ такимъ имѣніемъ ручаюсь головой,
Что онъ честнѣйшій малой.

селія, со вздохомъ.

Ахъ!...

горжибусъ, перебивая ее.

Что за ахъ? скажи ты мнѣ пожалуй!
Прошу покорно «ахъ»! изволитъ ахать смѣть!
Когда я разсержусь и выду изъ терпѣнья,
То «ахъ» твой иначе заставлю я пропѣть.

Вотъ слѣдствіе того, что ты всегда за чтеньемъ,
Что за раманами изволишь ты сидѣть.
Вотъ плодъ твоихъ занятій!
Вѣдь эти глупости опаснѣе чумы,
И портятъ завсегда незрѣлые умы!
Возьми свои романы безъ изъятій
И брось въ огонь ты ихъ;
Но вмѣсто вздорныхъ книгъ такихъ,
Читай священныя «Пибрака поученья»,
«Таблицы съ притчами» совѣтника Матьё,
И книгу мудрую «Всѣмъ грѣшнымъ наставленья».
Вотъ чтеніе должно какое быть твое.
Когда бъ подобнаго читала ты поболѣ,
То покорялась бы всегда отцовской волѣ!

СЕЛІЯ.

Конечно, батюшка, власть ваша надо мной,
Но можно ль требовать, чтобъ вовсе позабыла
Къ Леону дружбу я? Я бъ дурно поступила;
Когда бъ располагать взялась сама собой,
Тогда какъ дали вы—Леону обѣщанье!

ГОРЖИБУСЪ.

Не отопрусь отъ словъ своихъ.
Но послѣ этого представился женихъ,
Котораго почище состоянье,
И сталъ не нуженъ твой Леонъ.
Конечно, статенъ онъ,
Но знай, что надо прилагать старанье,
Пріобрѣсти себѣ большое состоянье;
Чрезъ золото дурнымъ дается красота
И средство нравиться; все прочее мечта!
Быть можетъ, что Валеръ тебя не занимаетъ;
Но онъ съумѣетъ мужемъ быть,
Ты и тогда его успѣешь полюбить,
Любовь всегда плодомъ супружества бываетъ.
Но что тутъ разсуждать, по праву моему,
Я приказать могу, итакъ что медлить дольше:
Конецъ упрямству твоему;
И жалобъ отъ тебя, чтобъ я не слышалъ больше.
А вечеромъ придетъ къ намъ будущій мой зять,
Лишь только смѣй его неласково принять;
Замѣчу я сейчасъ, съ веселой ли улыбкой
Ты примешь; если жъ нѣтъ, то я взбѣшуся шибко.
Повѣрь, что не шучу,
И больше говорить съ тобою не хочу.
(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Селія и служанка ея.

СЛУЖАНКА.

Зачѣмъ, сударыня, съ жестостью такою
Отказываться вамъ такъ долго отъ того,
Чего другія бы желали всей душою,
И не давать на бракъ согласья своего?
Ну, для чего, вамъ было
На предложеніе слезами отвѣчать,
И медлить *да* сказать,
Которое такъ мило?
Ахъ, если бы не васъ,
Меня бы замужъ выдавали,
Я согласилась бы сейчасъ.
Ужъ попусту бъ меня упрашивать не стали:
Безъ отговорокъ «да» сказала бъ я въ отвѣтъ,
Не только «да» одно, двѣнадцать даже разомъ,—
Бѣды вѣдь въ этомъ нѣтъ.
Зачѣмъ пускать съ отказомъ?
Намъ братца вашего учитель говоритъ,
Какъ о земныхъ вещахъ начнетъ судить построже:
Что женщина и плющь, почти одно и тоже:
Когда вкругъ дерева плотнѣе плющь обвитъ,

Тогда лишь и хорошъ, тогда растетъ красиво,
Но все теряетъ мигомъ онъ,
Когда съ товарищемъ бываетъ разлученъ.
Такое мнѣніе ужасно справедливо.
Я это, грѣшница, узнала по себѣ;
О Боже! упокой покойника Мартына!
Я славно съ нимъ жила, благодаря судьбѣ;
Была полна, бѣла, румяна, какъ картина,
Съ весельемъ на лицѣ, съ покойною душой.
А нынче, что со мной?
Въ негрѣтой комнатѣ, бывало въ зимней стужѣ
Спокойно я лежу;
А нынче ужъ не то: въ каникулы дрожу.
Что значитъ быть безъ мужа!
И наконецъ, повѣрьте мнѣ,
Что въ свѣтѣ ничего не можетъ быть милѣе,
Какъ съ мужемъ быть на единѣ
Вечернею порой, и даже попозднѣе.
Хотя бы для того
Имѣть его,
Чтобы вамъ, когда чихнуть случится,
Онъ поспѣшилъ бы поклониться,
Желаю здравствовать изволилъ бы сказать.

СЕЛІЯ.

Какъ можешь ты такой совѣтъ мнѣ предлагать,
Нельзя жъ, чтобъ я любить Леона перестала...

СЛУЖАНКА.

Мнѣ кажется, что вашъ Леонъ
Не стоитъ вовсе васъ. Я думаю, что онъ
Не любитъ васъ ни мало;
И въ путешествіи онъ долго такъ своемъ,
Что даже и оно быть можетъ убѣжденьемъ,
Что многое теперь не то ужъ стало въ немъ.

СЕЛІЯ, показывая ей портретъ.

Не огорчай меня ты горестнымъ сомнѣньемъ,
Всмотрись внимательнѣй ты въ милыя черты,
И убѣдишься вѣрно ты,
Что все еще любовь ко мнѣ онъ сохраняетъ.

СЛУЖАНКА.

Вы правы! Да, черты его обозначаютъ,
Что въ немъ любовнаго не мало есть огня,
Онъ стоитъ быть любимъ, какъ любите вы сами.

СЕЛІЯ.

Однакожъ надобно... ахъ поддержи меня...
(Лишается чувствъ и роняетъ портретъ).

СЛУЖАНКА.

Сударыня, что съ вами?
И что причивой, Боже мой!
Такого случая дурнаго?
Вѣдь въ обморокъ она совсѣмъ упасть готова.
Эй.... кто нибудь.... скорѣй.... сюда....
Ахъ... грѣхъ какой!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Сганарель.

СГАНАРЕЛЬ.

Ну, что тутъ?.. Вотъ и я... кто это призываетъ?

СЛУЖАНКА.

Ахъ, барышня моя бѣдняжка умираетъ!

СГАНАРЕЛЬ.

Какъ, только-то всего?
Я думалъ, Богъ вѣсть что; кричитъ изъ ничего.
Однакожъ подойдемъ... Эй, умерли вы что ли?
Ого, сударыня, не хочетъ говорить!

СЛУЖАНКА.

Теперь ей до того ли!
Вы потрудитесь съ ней побыть;
Пойду за кѣмъ нибудь, чтобъ снесть ее отсюда.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Селія, Сганарель, потомъ жена его.

Сганарель, приложивъ руку къ груди Селіи.

Что сдѣлалося съ ней? она вся холодна!
Не знаю, дышетъ ли она?
Вѣдь дѣло, право, худо!..
Но, кажется, еще въ ней жизни есть не много.

Жена Сганареля, смотря въ окно.

Что вижу? мужеекъ въ объятіяхъ ея!
Онъ измѣняетъ мнѣ, скажите, рали Бога!
Пойду сама туда, его накрою я.

Сганарель.

Но надо ей помочь и дать собраться съ силой,
А то вѣдь очень жалко бъ было,
Когда бы ей пришлось такъ рано умереть.
Оставить втотъ свѣтъ есть глупость пребольшая:
Когда здѣсь хорошо, начто намъ жизнь другая.

(Относитъ Селію съ помощію человѣка, приведеннаго служанкою).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Жена Сганареля, одна.

Отсюда быстро какъ успѣлъ онъ улетѣть?—
И потому его измѣна очевидна;
Я не нашла его! Вотъ страхъ обидно!
Теперь и удивлять холодность не должна,
Какою платитъ онъ любви моей невинной,
Для слабости постыдной
Всѣ ласки, вся любовь его сбережена.
Не въ первый уже разъ онъ этакъ поступаетъ;
И нѣжностью жены
Онъ женъ чужихъ питаетъ.
Ужъ видно такъ мужья природой созданы,
Ихъ поведеніе почти такое вѣчно:
Что имъ дозволено, то скучно ужъ для нихъ,
Хоть милымъ кажется, въ началѣ для самихъ;
А тамъ и поступать начнутъ безчеловѣчно,
И страсть своей жены имъ послѣ ни-вочто,
Прескоро надоѣстъ, когда ужъ все знакомо,
И по другимъ мѣстамъ они разносятъ то,
Что оставлять они должны всегда бы дома.
Ахъ, какъ досадно мнѣ, что намъ запрещено,
Мѣнять своихъ мужей, какъ и бѣлье мѣняютъ
Какъ это было бы удобно и умно!
Не только я хочу!.. и многія желаютъ.

(Поднимаетъ портретъ, который Селія уронила).

Но что это за вещь послала мнѣ судьба?
И какъ она сюда попалась?
Эмаль прекрасная, отличная рѣзьба,
Откроемъ...

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сганарель и жена его.

Сганарель, думая, что онъ одинъ.

Думали, что дѣвушка скончалась,
Анъ вышли пустяки, бѣды нисколько нѣтъ.
Но я дражайшую встрѣчаю половину.

Жена Сганареля, думая, что она одна.

Что вижу? Боже мой! да это вѣдь портретъ
Прекраснаго мужчины;
И такъ изображенъ, что кажется живымъ.

Сганарель, въ сторону, смотря черезъ плечо жены.

Что со вниманіемъ такимъ
Она разсматривать изволитъ?
Меня не въ шутку безпокоитъ...
Мужской портретъ въ рукахъ у ней.
Я изъ того добра предвижу очень мало,
И подозрѣніе кипитъ въ душѣ моей.

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ, не видя мужа.

Прелестнѣй ничего я съ роду не видала.
Дороже золота одна работа въ немъ.
(Нюхаетъ).
И пахнетъ какъ прекрасно.

СГАНАРЕЛЬ, въ сторону.

Ай... ай... и поцѣлуй!.. Нѣтъ это ужъ опасно!

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ, продолжая.

И согласиться надо въ томъ,
Что очень можно бъ быть довольной и счастливой,
Когда бъ такой и статный, и красивый
Мужчина захотѣлъ намъ страсть свою открыть;
Когда бъ рѣшился онъ внушить къ себѣ влеченье,
То очень трудно бы избѣгнуть искушенья,
Нельзя бъ его не полюбить!
Ахъ, для чего мой мужъ не такъ хорошъ собою!
Напротивъ дуренъ, глупъ.... Ай, ай!..

СГАНАРЕЛЬ, вырывая у жены портретъ.

Ага, негодница! засталъ я невзначай
Тебя виновной предо мною?
Ты новосить мою рѣшилась честь!
Какъ будто бы я—васъ, сударыня, не стою!
Да, что жъ во мнѣ дурнаго есть?
И лучшей партіи желать вамъ нѣтъ причины,
Вѣдь надо поискать подобнаго мужчины...
И въ чемъ осудите меня?
Съ моей красивою фигурой и осанкой
Я быть могу любовною приманкой;
Въ лицѣ моемъ довольно есть огня,
Оно любовь ко мнѣ внушаетъ всѣмъ и всюду...
Красавицъ тысячи за мною... будто тѣнь,
И обо мнѣ всегда, вздыхаютъ ночь и день.
Лишь только я для васъ не лакомое блюдо,
И чтобъ насытить вашъ огромный аппетитъ—
Вамъ къ мужу надобно приправу волокитъ.

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Въ намекѣ я твоемъ насмѣшку понимаю,
Ты средствомъ думаешь такимъ...

СГАНАРЕЛЬ, перебивая.

Разсказывай о томъ, пожалуйста, другимъ,
И такъ ужъ все я знаю.
Я уличить могу тебя въ дурныхъ дѣлахъ,
И доказательство держу теперь рукахъ.
И знай, что отъ меня твоя вина не скрыта.

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Ахъ, не бѣси меня, и такъ ужъ я сердита,
Хоть больше ты меня не обижай,
И эту вещь отдай.
Подумай...

СГАНАРЕЛЬ.

Думаю... о томъ, что не мѣшало
Тебя бы удушить, когда бъ оригиналъ
Мнѣ въ руки точно такъ попалъ,
Какъ копія попала!

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Для чего?

СГАНАРЕЛЬ.

Да... такъ... мой другъ прекрасный,
Предметъ любезнѣйшій для сердца моего!
За тѣмъ, что я дуракъ ужасный,
Что слѣпо такъ я вѣрилъ вамъ.
(Смотря на портретъ).
Такъ вотъ онъ, вотъ онъ самъ,
Тотъ человѣкъ пустой, ничтожный, просто пешка,
Огня твоей любви несчастной—головешка;
Такъ вотъ онъ негодяй,
Съ которымъ... я могу...

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Съ которымъ... продолжай!

СГАНАРЕЛЬ.

Съ которымъ поступлю... досадно мнѣ ужасно!
Горю, какъ на огнѣ.

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Что этотъ пьяница сказать желаетъ мнѣ?

СГАНАРЕЛЬ.

Ты понимаешь очень ясно.
Не Сганарелемъ впредь меня ужъ будутъ звать,
Мнѣ будетъ ото всѣхъ ужъ новое прозванье,
Ужъ рогачемъ меня всѣ станутъ величать,
Черезъ твое старанье.
Но знай, что добрая мнѣ слава дорога,
И за мои рога,
Съ тобой раздѣлаться во мнѣ большое рвенье.

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Какъ смѣешь мнѣ сказать?

СГАНАРЕЛЬ.

Какъ смѣешь штуки ты такія отливать?

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Какія штуки?...

СГАНАРЕЛЬ.

Да...

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Ахъ, сдѣлай одолженье,
Скажи ты мнѣ простѣй!

СГАНАРЕЛЬ.

И жаловаться трудъ напрасный вамъ, ей, ей.
Оленья шапка мнѣ отъ васъ вознагражденье:
Ужъ есть на что взглянуть, не дурно украшенье!

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Зачѣмъ такъ обижать, мою порочить честь,
Обида — въ женщинѣ всегда возбудитъ месть.
Ты самъ нанесъ мнѣ оскорбленье,
И смѣешь быть сердитъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Подумаешь, смотря на этотъ гордый видъ,
Что эта женщина съ отличнымъ поведеньемъ.

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Ступай, ступай скорѣй,
Къ своей красавицѣ, бранись какъ хочешь съ ней,
Ласкайся или нѣтъ,
А мнѣ отдай портретъ,
И болѣе со мною
Ты не шути.

(Вырываетъ у него портретъ и убѣгаетъ).

СГАНАРЕЛЬ, бѣжитъ за ней.

Ты думаешь уйтти,
Такъ я же догоню и справлюся съ тобою.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Леонъ и Гро-Рене.

ГРО-РЕНЕ.

Вотъ наконецъ мы здѣсь,
И путь нашъ конченъ весь.
Но замѣчаніе сказать вамъ небольшое
Позвольте.

ЛЕОНЪ.

Что такое?

ГРО-РЕНЕ.

Похвастать можно вамъ натурою своей,
Ужъ нѣтъ ли бѣса въ вашемъ тѣлѣ?
Какъ послѣ всѣхъ трудовъ еще вы не въ постели?
Вѣдь цѣлыхъ восемь дней
Безъ отдыха мы мчались...
Проклятая ѣзда!... досталось намъ отъ ней!...
Всѣ кости, какъ въ мѣшкѣ, во мнѣ переломались.
Я право не шучу,
А что всего больнѣй. .. о томъ я умолчу.
Пріѣхавши сюда, вы ходите прекрасно,
Совсѣмъ неотдохнувъ, не скушавъ ничего.

ЛЕОНЪ.

Я осужденія не стою твоего,

Ты знаешь, Селію всегда любилъ я страстно,
И бракъ ея,
Судьбы моей рѣшенье,
Такъ огорчилъ меня, что самъ рѣшился я
Подробно разузнать объ этомъ приключеньи.

ГРО-РЕНЕ.

Все такъ... по вамъ обѣдъ
Теперь бы нуженъ былъ, чтобъ узнавать о дѣлѣ,
И подкрѣпить себя къ перенесенью бѣдъ.
Когда есть сила въ тѣлѣ,
И сердце самое способнѣй перенесть
Судьбы удары, если надо.
Когда ужъ въ чемъ нибудь мнѣ неудача есть,
То вдвое болѣе беретъ меня досада,
Когда я голоденъ; но ежели поѣмъ,
Тогда душа моя твердѣетъ;
Не огорчаюсь я ничѣмъ:
И несчастье надо мной ужъ силы неимѣетъ.
Накушайтесь же вы, да выпейте вина
Бокаловъ двадцать, всѣ до дна,
То горе овладѣть ужъ вами не посмѣетъ,
Все расположитъ васъ къ добру...

ЛЕОНЪ.

Но ѣсть я не могу .. не говори мнѣ вздора.

ГРО-РЕНЕ, въ сторону.

Ну если такъ... то я умру!...
(Громко).
А впрочемъ, вамъ обѣдъ поспѣлъ бы очень скоро.

ЛЕОНЪ.

Молчать, велю тебѣ.

ГРО-РЕНЕ.

Жестокой вашъ приказъ меня введетъ въ разстройство.

ЛЕОНЪ.

Не голодъ чувствую въ себѣ,
А только безпокойство.

ГРО-РЕНЕ.

Во мнѣ жъ, при голодѣ моемъ
И безпокойство есть о томъ,
Что вамъ одна любовь теперь всего важнѣе.

ЛЕОНЪ.

Оставь меня, чтобъ обо всемъ
Я могъ узнать вѣрнѣе.
И если хочетъ ѣсть—ступай.

ГРО-РЕНЕ.

Я противъ этого не смѣю
Вамъ возражать;
Что баринъ мнѣ велитъ, я долженъ исполнять.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЛЕОНЪ, одинъ.

Напрасно я надежды не имѣю,
Отецъ мнѣ слово далъ, чего жъ страшиться вновь?
Дочь доказала мнѣ не разъ свою любовь...

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Леонъ и Сганарель.

СГАНАРЕЛЬ, не видя Леона и держа въ рукѣ портретъ.

Теперь посмотримъ мы на рожу негодяя,
Меня покрывшаго стыдомъ,
Что онъ за невидаль такая?
(Смотритъ).
Да онъ мнѣ вовсе не знакомъ.

ЛЕОНЪ, въ сторону, смотря на портретъ.

Что вижу, Боже мой! что мнѣ подумать должно?
Вѣдь это мой портретъ, не вѣрю я себѣ!

СГАНАРЕЛЬ, не видя Леона.

О бѣдный Сганарель! тобой вертятъ безбожно!
И даже честь твоя подверглась злой судьбѣ.
(Увидѣвъ Леона, отворачивается въ другую сторону).

ЛЕОНЪ, въ сторону.

Но получить портретъ иначе невозможно,
Какъ только лишь изъ рукъ, принявшихъ отъ меня!

СГАНАРЕЛЬ, въ сторону.

И надобно же такъ... чтобъ съ нынѣшняго дня,
Ужъ на меня всѣ пальцами казали.
Меня въ стихахъ и пѣсняхъ помѣщали;
Бросали бъ, встрѣтившись, насмѣшки прямо въ носъ,
По милости жены позоръ на лбу приросъ.

ЛЕОНЪ, въ сторону.

Своими ль слышу я ушами?

СГАНАРЕЛЬ, въ сторону.

Негодница! Какая дерзость въ ней,
Меня заставить быть съ рогами,
Во цвѣтѣ юности моей.
И кто жъ... жена такого мужа,
Который красотой и разумомъ беретъ,
Который милъ, хорошъ, ничѣмъ ея не хуже...
И только... надобно жъ, чтобъ коршунъ и уродъ...

ЛЕОНЪ, въ сторону, смотря на свой портретъ.

Да, я не ошибаюсь,
Сомнѣнья больше нѣтъ.

СГАНАРЕЛЬ, поворотясь къ Леону спиною.

Какъ любопытенъ онъ.

ЛЕОНЪ, въ сторону.

Смотрю и удивляюсь.

СГАНАРЕЛЬ, въ сторону.

Ну чей бы это былъ портретъ?

ЛЕОНЪ, въ сторону.

Начну съ нимъ разговоръ, въ томъ нѣтъ еще дурнаго.
(Громко).
Могу ль...
(Сганарель хочетъ уйти).
Пожалуйста, одно лишь только слово.

СГАНАРЕЛЬ, въ сторону, удаляясь.

Что хочетъ онъ сказать?

ЛЕОНЪ.

Нельзя ли мнѣ отъ васъ узнать,
Какъ къ вамъ рисуночекъ попался этотъ въ руки?

СГАНАРЕЛЬ, въ сторону.

Къ чему вывѣдывать? Ужъ вѣрно тутъ есть штуки.
Постойка, посмотрю, вглядуся я въ него.
(Разсматриваетъ Леона и портретъ).
Ну, замѣшательство не странно мнѣ его,
Не удивительно его мнѣ удивленье.
Вотъ онъ, господчикъ мой... не мой... моей жены...

ЛЕОНЪ.

Я умоляю васъ, избавьте затрудненья,
Скажите, какъ попалъ...

СГАНАРЕЛЬ.

А... вы затруднены...
Я понялъ, слава Богу,
Узналъ я сей же часъ,
(Показывая на портретъ).
Что это списокъ съ васъ,
И сходства очень много.
Вы видите, что съ той, кому былъ данъ портретъ,
Всѣ ваши отношенья,
И къ вамъ ея любовь, и ваши ощущенья,
Для насъ ужъ больше не секретъ.
— Извѣстенъ ли я вамъ, мнѣ это неизвѣстно;
Но я, сударь, прошу любовьсвою забыть,
Для мужа всякаго она не интересна.
Привязанность жены никакъ нельзя дѣлить.
Такъ кончить надо все вамъ съ ней, ужъ какъ хотите.

ЛЕОНЪ.

Скажите, почему жъ?
Неужли та... о комъ вы говорите....

СГАНАРЕЛЬ.

—Моя жена, а я ей мужъ.

ЛЕОНЪ.

Какъ мужъ?...

СГАНАРЕЛЬ.

Который огорченъ, готовъ бѣжать со свѣта;

Причину этому должны вы сами знать,
Къ ея роднымъ пойду все это разсказать.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ЛЕОНЪ, ОДИНЪ.

Ахъ, что услышалъ я? неужли правда это,
Чтобъ это былъ ей мужъ, дурнѣйшій изо всѣхъ,
Который возбуждать лишь только можетъ смѣхъ?
Но, еслибъ не было всѣхъ клятвъ и увѣреній
Изъ вѣроломныхъ устъ, на вѣкъ меня любить,
Я бъ могъ ее забыть;
Теперь одно презрѣнье
Ей будетъ отъ меня за это предпочтенье.
Неблагодарная!—Но, Боже! что со мной?
Я весь ослабъ, я самъ не свой;
Едва удерживаютъ ноги
Она, съ усталостью дороги,
Мнѣ нанесла ударъ такой...

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Леонъ и жена Сганареля.

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Постой
Измѣнникъ мой!
(Увидѣвъ Леона).
Но, Боже мой! что съ вами?

ЛЕОНЪ.

Внезапно сдѣлалось со мной...

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Я право такъ боюсь, въ такомъ вы положеньи,
Что можете упасть; но вотъ вамъ предложенье,
Войдите вотъ сюда и силы вновь придутъ,
Какъ отдохнете тамъ...

ЛЕОНЪ.

На нѣсколько минутъ
Приму я ваше одолженье.

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сганарель и родственникъ жены его.

РОДСТВЕННИКЪ.

Что безпокоитъ васъ,
То мнѣ уважить должно;
Но не обдумавши, за дѣло сей же часъ
Приняться не возможно.
И все, что слышалъ я
Отъ васъ, противъ нея
Не можетъ убѣдить въ томъ, что она преступна;
Безъ доказательства намъ дѣло недоступно...
Нельзя и обвинять.

СГАНАРЕЛЬ.

Такъ значитъ мнѣ все надо разузнать?

РОДСТВЕННИКЪ.

Поспѣшность лишняя введетъ насъ въ заблужденье...
Кто знаетъ, отъ кого попался къ ней портретъ
И этотъ человѣкъ знакомъ ей или нѣтъ?
Узнайте жъ обо всемъ, увѣрьтесь въ обвиненьи,
И если болѣе не будетъ въ томъ сомнѣнья,
Мы первые ее рѣшимся наказать.
(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

СГАНАРЕЛЬ, ОДИНЪ.

Умнѣй никакъ нельзя придумать и сказать.
Вѣдь тише ѣдешь; будешь дальше,
Онъ правду говоритъ, быть можетъ, что и вздоръ

И нѣтъ ни малой фальши.
И даже мой позоръ
И рогоносныя видѣнья
Созрѣли у меня въ одномъ воображеньи!
Онъ научилъ меня добру;
Такъ постараемся жъ о всемъ узнать въ началѣ...

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Сганарель, жена его, выходитъ изъ дверей вмѣстѣ съ Леономъ.

СГАНАРЕЛЬ, увидя ихъ, въ сторону.

Ай, ай, что вижу!.. я умру!..
Ужъ это не портретъ, тутъ вещь въ оригиналѣ.

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Но, для чего, сударь, спѣшите слишкомъ вы?
И если выдете,—на мѣсто облегченья,
Къ вамъ возвратится вновь круженье головы.

ЛЕОНЪ.

Благодарю за попеченье,
Которое вы мнѣ рѣшились оказать,
Благодарю за вашу ласку.

СГАНАРЕЛЬ, въ сторону.

Еще учтивости надѣть онъ хочетъ маску.
(Жена Сганареля входитъ въ домъ).

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

Сганарель и Леонъ.

СГАНАРЕЛЬ, въ сторону.

Посмотримъ, что-то онъ мнѣ вздумаетъ сказать?

ЛЕОНЪ, въ сторону.

Какое чувствую въ душѣ моей волненье!
(Показывая на Сганареля).
Все мужъ причиною страданью моему.
Но должно усмирить такое ощущенье,
И не приписывать несчастья никому,
Какъ только лишь одной судьбѣ несправедливой.
Когда все рѣшено и мы разлучены,
Лишь позавидую его любви счастливой.
(Приближаясь къ Сганарелю).
Счастливецъ мужъ такой жены!

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Сганарель и Селія, въ окнѣ, видитъ уходящаго Леона.

СГАНАРЕЛЬ, про себя.

Ужъ не двусмысленно мнѣ это объясненье!
Такія странныя слова,
Оставили во мнѣ такое впечатлѣнье,
Какъ будто у меня съ рогами голова.
(Смотритъ въ ту сторону, куда ушелъ Леонъ).
Не честно, кажется, такое поведенье...

СЕЛІЯ, входя, говоритъ въ сторону.

Леонъ сейчасъ ушелъ, и съ этой стороны.
Но отъ меня скрывать зачѣмъ же возвращенье?

СГАНАРЕЛЬ, не видя Селіи.

«Счастливецъ мужъ такой жены!»
Нѣтъ, несчастливецъ мужъ, такой жены виновной,
Которая ему обиду нанесла
Своею страстію любовной
Къ сопернику его, и до того дошла,
Что лобъ украсила рогами.
И ужъ когда на мнѣ прикрасы завелись,
Я со сложенными руками
Такъ остаюся, какъ Жокрисъ.
По крайней мѣрѣ должно бъ было
Хоть шляпу сбросить мнѣ съ него,
Хоть кампемъ шаркнуть, что есть силы,
Забрызгать грязью плащъ его;
Хоть утолить свой гнѣвъ бранчивыми словами,
И караулъ кричать, поднять большой соломъ.
(Въ продолженіи монолога Сганареля, Селія мало по малу приближается и слушаетъ, ожидая конца его изступленія).

СЕЛІЯ, Сганарелю.

Скажите, тотъ, кто былъ здѣсь съ вами
И говорилъ, какъ вамъ знакомъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Со мною у него знакомства нѣтъ ни мало,
А онъ знакомъ женѣ моей.

СЕЛІЯ.

Но что васъ взволновало?

СГАНАРЕЛЬ.

Не ужли жъ въ траурѣ я долженъ быть по ней?
Оставьте ужъ меня въ несчастномъ положеньи,
Пусть никому меня не жаль.

СЕЛІЯ.

Но отчего жъ такое огорченье,
Такая сильная печаль?

СГАНАРЕЛЬ.

Когда я огорченъ, такъ вѣрно не словами;
Готовъ дѣлиться я печалію своей
Съ несчастными мужьями:
Вы видите во мнѣ образчикъ тѣхъ мужей.
И мнѣ ли
О томъ не горевать,
Что честь хотятъ у Сганареля
И имя доброе отнять.

СЕЛІЯ.

Какъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Этотъ щеголь, онъ причиною страданья
И горести моей, скажу я больше вамъ:
У нихъ, съ моей женой есть тайныя свиданья.
Я это видѣлъ самъ.

СЕЛІЯ.

Тотъ самый, что сейчасъ...

СГАНАРЕЛЬ.

Ну, да, онъ обожаетъ
Мою жену, да и она
Въ него ужасно влюблена.

СЕЛІЯ.

Такъ для того-то онъ пріѣздъ свой и скрываетъ.
Все это хитрость лишь одна!
Такъ онъ влюбленъ... такое поведенье
Теперь понять не мудрено.
И все мнѣ служитъ убѣжденьемъ,
Что это точно быть должно.

СГАНАРЕЛЬ.

Вотъ душу добрую нашелъ сверхъ ожиданья.
Вы заступаетесь съ такою добротой,
Что не найти нигдѣ такого состраданья
И добродѣтели такой.
Тогда какъ многіе, узнавъ мое несчастье,
На мѣсто должнаго участья,
Смѣялись только надо мной.

СЕЛІЯ.

Онъ заслужилъ отъ всѣхъ презрѣнье;
Поступка этого, что можетъ быть чернѣй,
И можно ль выдумать достаточное мщенье?
Не стоитъ жизни онъ своей;
И наказаніе должно быть безпримѣрно...
Но вѣрно ль это все и можно ль не грѣша...

СГАНАРЕЛЬ.

Ахъ! для меня ужъ слишкомъ вѣрно.

СЕЛІЯ.

Съ двуличною душой ты былъ злодѣй, невѣрный!

СГАНАРЕЛЬ.

Вотъ добрая душа!

СЕЛІЯ.

И въ самомъ адѣ нѣтъ мученій,
Которыя бъ твоихъ
Достойны были преступленій,
Поступковъ варварскихъ такихъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Вотъ сказано прекрасно!

СЕЛІЯ.

И противъ доброты, невинности такой
Такъ поступать безбожно и ужасно!

СГАНАРЕЛЬ, громко вздыхая.

Да.

СЕЛІЯ.

Сердце разтерзать, въ которомъ никакой
И мысли не было порочной!
Дать сердцу этому лишь горести однѣ...

СГАНАРЕЛЬ.

Да, это правда точно!

СЕЛІЯ.

Которому не грезилось во снѣ,
Чтобъ умереть съ печали.

СГАНАРЕЛЬ.

Когда бы всѣ во мнѣ такое принимали
Участіе, какъ вы,
Тогда бы не сносить злодѣю головы.
Но не сердитеся, несчастнымъ положеньемъ
Моимъ расторгались вы такъ,
Что право я и самъ расплачусь, какъ дуракъ.

СЕЛІЯ.

Но не надѣйся ты, злодѣй, на снисхожденье,
Не думаешь ли ты смѣяться безъ вреда?
Прощенія тебѣ не будетъ никогда.
Да, сердце у меня найдетъ тебѣ отмщенье!
Я побѣгу, сейчасъ его свершить,
Не можетъ ужъ ничто меня остановить!

—

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Сганарель, одинъ, вслѣдъ Селіи.

Да будетъ надъ тобой небесъ благословенье!
Великодушнѣе никто не можетъ быть!
Какое сильное стремленье
Въ ней за меня, несчастнаго, отмстить.
И въ этомъ случаѣ такое повелѣнье,
И справедливый гнѣвъ ея
Научитъ и меня, что долженъ дѣлать я.
Нѣтъ, нѣтъ, спускать ему не должно,
Я съ нимъ раздѣлаюсь путемъ,
Сносить такихъ вещей въ молчаньи невозможно,
Не бывши дуракомъ.
Отыщемъ же его, не медливши ни мало,
Докажемъ, что нельзя прощать такихъ обидъ;
Что смѣлости у насъ на то довольно стало,
Чтобы отмстить ему за свой позоръ и стыдъ.
Пусть не посмѣетъ онъ смѣяться такъ надъ нами
И надѣлять мужей рогами.
(Идетъ и возвращается, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ).
Конечно, выдумка такая хороша,
Да нѣсколько опасна;
Сейчасъ замѣтилъ я, что онъ наглецъ ужасный,
Преподлая душа!
Да, нелегко напасть на этого дѣтину,
Пожалуй, онъ еще прибавитъ стыдъ къ стыду,
И такъ же какъ мой лобъ, отдѣлаетъ мнѣ спину,
То мнѣ же будетъ ко вреду.
— Я не терплю людей горячихъ, безпокойныхъ,
Такъ точно какъ люблю и кроткихъ и пристойныхъ;
И самъ я оттого
Боюсь итти на драку,
Чтобъ не пришлось ему прибить и самаго
Меня, начавшаго атаку.—
Мой нравъ ужасно тихъ, готовъ я перенесть
Большія оскорбленья;
А все таки за честь
Должно быть отомщенье!—
Но брошу я его!—Пусть чортъ его возьметъ;
Когда свяжуся съ нимъ, то онъ еще пожалуй,
Проколетъ мнѣ животъ;
И если слухъ о томъ по городу пройдетъ,
То честь моя жирнѣй не будетъ ужъ ни мало;
Вѣдь жизнь еще мнѣ дорога;
Пусть гробъ — спокойное для всѣхъ уединенье,
А я такого мнѣнья,
Что лучше ужъ носить рога,
Отъ женнина бездѣлья,
Чѣмъ быть на этомъ новосельѣ;
Пускай ихъ и пошу, такъ что мнѣ оттого?

Вѣдь я не сдѣлаюся хуже!
Кто это выдумалъ, чтобъ чортъ побралъ его,
Что мстить за этотъ вздоръ обязанность есть мужа;
И у честныхъ людей, то честью называть,
Что такъ легко женѣ вертушкѣ потерять;
Что преступленіе тутъ всякое доступно,
Лишь только бы свою насытить месть?
Къ чему жъ тутъ наша честь?
Она тутъ въ сторонѣ и вовсе непреступна.
За дѣйствія другихъ
На насъ самихъ
Кладется осужденье.
Мы отвѣчать должны во всемъ за женъ своихъ,
За ихъ дѣла и поведенье;
За глупость этихъ женъ,
Мы сами быть должны глупцами.
Ахъ, лучше еслибъ былъ порядокъ заведенъ,
Чтобъ не безславились своими мы женами,
Не возбуждали бъ толковъ никакихъ,
Вѣдь мало ли что есть для сплетней: ссоры, тяжбы,
Болѣзни всѣхъ родовъ, къ тому же голодъ, жажда,
И много случаевъ другихъ —
Такъ бросимъ это заблужденье,
Прочь слезы и печаль!.. А ежели жена
И впала въ преступленье,
Такъ пусть и плачется она.
Зачѣмъ же плакать мнѣ? пускай ее страдаетъ,
Вѣдь я не виноватъ.
Притомъ не я одинъ... и то ужъ утѣшаетъ,
Что нашей братьей свѣтъ богатъ.
Не будемъ выводить мы важности изъ вздора,
Пусть подлипать къ женѣ начнутъ и такъ, и сякъ.
— И какъ изъ-за того итти мужьямъ на ссору
Что въ самомъ дѣлѣ есть бездѣлица, пустякъ.
Пускай же на меня, какъ будто бы на чудо,
Какъ на глупца начнутъ смотрѣть,
Я драться не хочу. Быть можетъ это худо,
Но въ драку не пойду затѣмъ, чтобъ умереть.
(Положа руку на грудь).
Однакожъ чувствую, что можетъ желчь разлиться,
Она, какъ въ шутку надо мной,
Велитъ съ врагомъ моимъ сразиться,
И гнѣвъ усиливаетъ мой.
Нѣтъ, трусомъ низко быть... нѣтъ... имъ ужъ я не буду;
И даже до того — къ виновнымъ я жестокъ,
Что въ гнѣвѣ я бѣгу разсказывать повсюду,
Что онъ съ моей женой ужъ слишкомъ коротокъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Горжибусъ, Селія и Служанка ея.

СЕЛІЯ.

Ужъ видно такъ назначено судьбою,
Противорѣчить вамъ не буду я никакъ;
Распологайте вы, по вашей волѣ мною,
Велите—подпишу условіе на бракъ.

ГОРЖИБУСЪ.

Мой другъ, я восхищенъ разумными словами,
Я только этого желалъ;
Отъ радости бъ я такъ и заплясалъ,
Когда бы хохотать не вздумали надъ нами.

Но подойди... чтобъ я тебя поцѣловалъ!
(Цѣлуетъ ее).

—

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Селія, Служанка.

СЛУЖАНКА.

Поступокъ вашъ меня ужасно удивляетъ!
Что васъ рѣшиться заставляетъ
На предложеніе его?

СЕЛІЯ.

Когдабъ ты знала, отчего
Я поступила такъ, со мною бы навѣрно
Согласна ты была.

СЛУЖАНКА.

Конечно, можетъ быть.

СЕЛІЯ.

Узнайже, что меня невѣрный
Леонъ могъ позабыть;
Онъ не спѣшилъ къ своей невѣстѣ;
Былъ здѣсь и не далъ знать...

СЛУЖАНКА.

Онъ самъ идетъ сюда.

—

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же и Леонъ.

ЛЕОНЪ.

Пока не удалюсь отсюда навсегда,
Все высказать хочу — сейчасъ, на этомъ мѣстѣ.

СЕЛІЯ.

Вы смѣете еще со мною говорить?

ЛЕОНЪ.

Я въ томъ согласенъ съ вами,
Что смѣло нѣсколько я вздумалъ поступить.
И хоть теперь все кончено межъ нами,
Но долженъ я сказать, что выборъ вашъ такой,
Какого быть не можетъ хуже.
Забудьте вы, что я былъ преданъ вамъ душой,
Живите счастливо съ такимъ достойнымъ мужемъ,
Который озаритъ васъ славою своей.

СЕЛІЯ.

Довольна я судьбой моей,
И для меня одно лишь наслажденье
Нанесть вамъ этимъ огорченье.

ЛЕОНЪ.

За вашъ жестокой гнѣвъ обязанъ я кому?

СЕЛІЯ.

Хитритъ... какъ будто бы не знаетъ преступленья.

—

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Селія, Леонъ, Сганарель, вооруженный съ головы до ногъ, Служанка Селіи.

СГАНАРЕЛЬ.

Война! война на смерть! разбойнику тому,
Который дьявольски со мною поступая,
Причиной сдѣлался безчестья моего.

Селія, Леону, показывая на Сганареля.

Вамъ стоитъ посмотрѣть лишь только на него,
Хоть ничего не отвѣчая.

ЛЕОНЪ.

Ахъ!.. вижу я его!

СЕЛІЯ.

Не правдаль этого довольно,
Чтобъ больше говорить со мною вамъ не смѣть.

ЛЕОНЪ.

Взглянувши на него, вамъ должнобъ покраснѣть.

СГАНАРЕЛЬ, (въ сторону).

Мой гнѣвъ завлекъ меня невольно!

И храбрость вознеслась надъ самой головой!
Да; гдѣбъ ни встрѣтился теперь противникъ мой,
Такъ тутъ ему и отомщенье!
Онъ мною осужденъ... я больше не стерплю
И при моемъ ожесточеньи,
Гдѣ только лишь найду, на мѣстѣ изрублю!
(Вынимаетъ шпагу до половины и приближается къ Леону).
Я проколю его, вотъ вся моя надежда...
Не скроюсь отъ него...

ЛЕОНЪ, поворотясь къ нему.

Кого вамъ надобно?

СГАНАРЕЛЬ, струсивъ.

Не надо никого.

ЛЕОНЪ.

Къ чему жъ оружіе?

СГАНАРЕЛЬ.

Нѣтъ... это такъ... одежда.
Я отъ дождя надѣлъ.
(Въ сторону).
Когдабъ убить скорѣй!
Вотъ былобъ хорошо! Ну что жъ... смѣлѣй!.. смѣлѣй!..

ЛЕОНЪ, опять къ нему поворотясь.

Что?

СГАНАРЕЛЬ.

Я не сказалъ ни слова.
(Въ сторону, надававъ себѣ пощечинъ, для возбужденія смѣлости).
Трусишка и подлецъ!.. вотъ храбрость хороша,
Ну что боишься изъ пустова...
Куриная душа!

СЕЛІЯ, Леону.

Вотъ этотъ человѣкъ обиженъ очень вами,
И надоль, чтобъ онъ самъ васъ въ этомъ уличалъ?

ЛЕОНЪ.

Невѣрностью меня обидѣли вы сами
Такъ, какъ никто обиженъ не бывалъ.

СГАНАРЕЛЬ, въ сторону.

Когда бы смѣлости еще мнѣ хоть немного!

СЕЛІЯ, Леону.

Ахъ перестаньте, ради Бога,
Надоѣдать мнѣ дерзостью своей!

СГАНАРЕЛЬ, (въ сторону).

Ну Сганарель, смѣлѣй, смѣлѣй!
Ты видишь за тебя она пошла на ссору,
И съ нимъ бранится не шутя,
Смѣлѣй, мое дитя!
Да будь неустрашимъ, чего боишься? — вздору!
Хвати его теперь, какъ онъ къ тебѣ спиной.

ЛЕОНЪ, (сдѣлавъ два или три шага безъ намѣренія, повертываетъ Сганареля, который приблизился къ нему, чтобъ его убить).

Вамъ стало разговоръ не нравится со мной.
То пусть ничто васъ не тревожитъ,
Чтобъ выборъ вашъ хвалить, похлопать я готовъ.
(Хлопаетъ въ ладоши).

СЕЛІЯ.

Да выборъ мой таковъ,
Какого лучше быть не можетъ.

ЛЕОНЪ.

Вотъ это хорошо, что защищать его
Вы сами взяли попеченье.

СГАНАРЕЛЬ.

Да, точно хорошо, безъ всякаго сомнѣнья.
Я въ этомъ страннаго не вижу ничего!
Но вы, сударь... на васъ
Я жаловаться смѣю;
Буль разсудительнымъ я менѣе сейчасъ,
Чемъ быть я честь имѣю —
Ужасная дуэль была бы здѣсь у насъ.

ЛЕОНЪ.

За что же на меня гоненье и досада?

СГАНАРЕЛЬ.

Довольно поренесъ я, кажется, обидъ,
Объ этомъ, сударь, мнѣ вамъ сказывать не надо;

И совѣсть ваша все поставитъ вамъ на видъ:
Жена, сударь, моя—есть принадлежность мужа,
Вы согласитесь вѣрно въ томъ,
И поживляться вамъ отъ насъ чужимъ добромъ,
Вѣдь значитъ поступать, какъ быть не можетъ хуже.

Леонъ.

И низко, и смѣшно
Такое подозрѣнье,
Но безпокоить васъ оно бы не должно,
Я къ ней не чувствую—ни страсти, ни влеченья!
Пусть ваша ужъ она; мнѣ право все равно!

Селія.

Ахъ, Богъ мой! до чего онъ можетъ притворяться!

Леонъ.

Нисколько я его не думалъ оскорбить,
И нѣтъ причинъ ему такъ много обижаться.

Селія.

Поговорите съ нимъ, онъ можетъ изъяснить...

Сганарель, Селіи.

Вы защитить меня хотите смѣло,
Умнѣе даже чѣмъ я самъ,
Уловкой объяснить стараясь это дѣло.
Я благодаренъ очень вамъ.

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Селія, Леонъ, Сганарель, Жена его, Служанка.

Жена Сганар. Селіи.

Сударыня, хоть я не въ томъ расположеньи,
Чтобы смѣшить здѣсь ревностію васъ,
Но я не такъ проста, совсѣмъ не въ заблужденьи,
Что дѣлается здѣсь, я вижу все, сей часъ.
У васъ въ любви одно дурное...
Такъ лучшебъ вы взялись за что нибудь другое,
Чѣмъ сердце развращать,
Которое лишь мнѣ должно принадлежать.

Селія.

Какъ откровенно объясненье!

Сганарель, женѣ.

Смотри, не выводи меня ты изъ терпѣнья,
Изволила притти и вышла изъ себя
За то лишь, что меня здѣсь взяли подъ защиту.
Боишься ты, чтобъ у тебя
Не вздумали отнять такого волокиту.
(Показываетъ на Леона).

Селія.

Не думайте, чтобъ я
Отнять у васъ хотѣла.
(Оборотясь къ Леону).
Вы видите, теперь что правда же моя.

Леонъ.

Что хочете сказать? — Я не пойму въ чемъ дѣло.

Служанка.

Ахъ, Боже мой, не знаю я,
Чѣмъ кончиться должна у васъ галиматья,
Вникаю въ разговоръ; постичь его желаю,
Чѣмъ больше слушаю, тѣмъ меньше понимаю!
И вижу, что въ него вмѣшаться я должна.
(Становится между Леономъ и Селіею).
(Леону).
Скажите въ чемъ она
Виновна передъ вами?

Леонъ.

Въ томъ, что, невѣрная, за всю любовь мою
Рѣшилась вытти за другаго.
Я признаюсь не ждалъ предательства такого.
Когда о бракѣ я по слуху узнаю,
Скачу сюда, лечу и что же застаю?
Нарушены ея и клятвы, и обѣты!
Я прискакалъ сюда затѣмъ,

Чтобы узнать, что мнѣ помочь нельзя ничѣмъ,
Что за-мужемъ она...

СЛУЖАНКА.

Какъ за-мужемъ? за кѣмъ?

ЛЕОНЪ, показывая на Сганареля.

За нимъ.

СЛУЖАНКА.

За нимъ?

ЛЕОНЪ.

Ну, да.

СЛУЖАНКА.

Но ктожъ сказалъ вамъ это?

ЛЕОНЪ.

Онъ самъ сказалъ.

СЛУЖАНКА, Сганарелю.

Такъ онъ отъ васъ узналъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Да, я ему отвѣтилъ,
Что точно, дискать, такъ, я мужъ моей жены.

ЛЕОНЪ.

Вы были очень смущены;
И я тогдажъ замѣтилъ
У васъ въ рукахъ портретъ, который поларенъ...

СГАНАРЕЛЬ, (показывая портретъ).

Да, правда, вотъ и онъ.

ЛЕОНЪ, Сганарелю.

Вы также мнѣ сказали,
Что мой портретъ,
Изъ рукъ своей жены вы взяли.

СГАНАРЕЛЬ.

Сомнѣньяъ этомъ нѣтъ.
И повторяю передъ ними,
Что отнялъ у нея.
(Показывая на жену).
А безъ того бъ не зналъ и о грѣхѣ ея.

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Ахъ! какъ ты надоѣлъ съ упреками своими. —
Въ моихъ поступкахъ нѣтъ дурнаго ничего:
На этомъ мѣстѣ я нашла портретъ его.
Когда же отъ твоей я брани убѣжала,
(Показываетъ на Леона).
Увидѣла потомъ, что этотъ господинъ
Лишился чувствъ и былъ одинъ;
Чтобъ отдохнуть ему, я къ намъ просила въ залу,
И даже сходства въ немъ съ портретомъ не узнала.

СЕЛІЯ.

Такъ этотъ медальонъ
Причиной сдѣлался такого приключенья;
Какъ я лишилась чувствъ, мной былъ потерянъ онъ;
И въ домъ отнесена (*Сганарелю*) я вашимъ попеченьемъ.

СЛУЖАНКА.

Вы сами видите, безъ помощи моей
Вы до сихъ поръ еще все былибъ въ заблужденьи.

СГАНАРЕЛЬ, въ сторону.

Приходится и мнѣ повѣрить также ей,
Что все окончилось пристойно;
Мой лобъ остался цѣлъ, во всей красѣ своей;
А все душа не такъ спокойна!

ЖЕНА СГ.

Въ подобныхъ случаяхъ мой страхъ
Не скоро пропадаетъ.
Вѣдь правда можетъ быть лишь только на словахъ.

СГАНАРЕЛЬ, женѣ.

Повѣримъ же и мы, когда насъ увѣряютъ.
Рискую болѣе тутъ я добромъ моимъ,
Чѣмъ ты своимъ.
Ну миръ, такъ миръ скорѣй, я руку предлагаю.

ЖЕНА СГАНАРЕЛЯ.

Ну, такъ и быть ужъ миръ, и вотъ рука моя.
Но берегися, если я
О чѣмъ нибудь узнаю!

СЕЛІЯ, Леону, поговоривъ съ нимъ тихо.

Что дѣлать, Боже мой!
Что сдѣлалось бы съ нами!
Подумавъ, что была обижена я вами,
Хотѣла вамъ отмстить покорностью одной;

И приняла сей часъ на бракъ я предложенье,
Который отвергать старалась я всегда.
Тогда въ отчаянномъ была я положеньи!
Но вотъ и батюшка, онъ самъ идетъ сюда.

ЛЕОНЪ.

Начну съ нимъ разговоръ.

—

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Горжибусъ, Селія, Леонъ, Сганарель, Жена его, Служанка.

ЛЕОНЪ.

Мое, сударь, почтенье!
Я сердца своего послѣдовалъ влеченью
Спѣшилъ сюда скорѣй,
И пламенной любви своей
Я навсегда остался вѣренъ,
Что слово сдержите, я былъ вполнѣ увѣренъ.
Конечно, честь вамъ дорога...

ГОРЖИБУСЪ.

Мое, сударь, почтенье!
Такъ вы увѣрены, что честь моя строга;
И сердца своего послѣдовавъ влеченью,
Вы поспѣшили къ намъ скорѣй.
И пламенной любви своей
Вы до сихъ поръ все вѣрны были,
Но, кажется, что вамъ надежды измѣнили.
Конечно, честь мнѣ дорога...
А все таки я вашъ покорнѣйшій слуга!

ЛЕОНЪ.

Неужели обманъ для васъ, сударь, возможенъ?

ГОРЖИБУСЪ.

Да, сударь, оттого
И не могу сдержать я слова моего,
Что выполнить свою обязаность я долженъ.

СЕЛІЯ.

Обязанность моя — вамъ, батюшка, сказать,
Что данное ему сдержать готова слова.

ГОРЖИБУСЪ.

Возможно ль дочери такъ дерзко отвѣчать?
Ты вздумала противиться мнѣ снова!
Вѣдь за Валера ты итти была готова.
Но вотъ отецъ его идетъ,
Чтобъ кончить наше дѣло.

—

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Вильбрекинъ, Горжибусъ, Селія, Леонъ, Сганарель, Жена его, служанка.

ГОРЖИБУСЪ.

Позвольте васъ спросить, что васъ сюда ведетъ?

ВИЛЬБРЕКИНЪ.

Ахъ, тайна важная не кстати подоспѣла;
И только лишь узналъ сегодня я объ ней:
Мой сынъ нарушилъ вдругъ мной данное вамъ слово
И выполнить его нѣтъ средства никакова;
Ужъ онъ давно женатъ, живетъ съ женой своей:
Онъ обманулъ меня: со всѣмъ сверхъ ожиданья
Попался я въ просакъ;
А какъ жена его имѣетъ состоянье,
То и причины нѣтъ разрушить этотъ бракъ.

ГОРЖИБУСЪ.

Оставимъ это такъ.
Когда безъ вашего совѣта,
Вашъ сынъ женился на другой,
Не буду я скрывать, что кстати новость эта,
И что въ томъ нѣтъ бѣды большой.
И дочь моя давно обѣщана Леону,
Достоинствъ истинныхъ богатство у него;
И трудно было бъ мнѣ безъ всякаго резону
Другаго жениха избрать, а не его.

ВИЛЬБРЕКИНЪ.

И выборъ вашъ хорошъ, я въ немъ беру участье.

ЛЕОНЪ.

Я ужъ и ждать не смѣлъ себѣ такого счастья!

ГОРЖИБУСЪ.

Пойдемте, свадьбы день назначить намъ пора.

СГАНАРЕЛЬ, ОДИНЪ.

Я, признаюся, въ томъ совсѣмъ не ждалъ добра.
Быть можетъ многіе, какъ я воображаютъ,
И кажутся инымъ рога не такъ легки;
Но вѣдь наружность такъ обманчива бываетъ:
Что думаешь — бѣда, анъ выдутъ пустяки.
Да вотъ примѣръ мой передъ вами,
Послѣдуйте ему;
Хоть даже что нибудь увидите и сами,
Не вѣрьте ничему!

ЛИЛА.

Сочиненіе Гёте.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Г. Леонтьева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

1. говорящія:

Баронъ Штерниталь.
Графъ Альтенштейнъ.
Софья, } сестры Лилы.
Люція, }

2. говорящія и поющія:

Лила, жена барона Штерниталя.
Маріанна, его сестра.
Графъ Фридрихъ, сынъ графа Альтенштейна.
Ферацію, докторъ.

3. поющія:

Хоръ Фей.
Хоръ Парокъ.
Хоръ Заколдованныхъ.

4. танцующія:

Огеры.
Демонъ.
Феи.
Парки.
Заколдованные.

Дѣйствіе происходитъ въ помѣстьи барона Штерниталя.

СЦЕНА I.

Нѣсколько молодыхъ людей и дѣвушекъ танцуютъ. Графъ Фридрихъ подходитъ къ нимъ.

Фридрихъ. Дѣти, дѣти, тише! Развѣ позволено вамъ шумѣть? Все семейство въ печали, а вы танцуете и прыгаете.

Люція. Развѣ это грѣхъ? Болѣзнь сестрицы и насъ печалитъ; но неужели же намъ совсѣмъ оставить танцы, къ которымъ мы такъ привыкли? Прежде у насъ только и было, что пѣнье, праздники, да веселье, и пока мы молоды...

Софья. Болѣзнь сестрицы намъ непріятна, только мы объ этомъ много не безпокоимся. Да хотя бы она насъ и слишкомъ безпокоила, все же намъ нужно танцовать, чтобъ, покрайней мѣрѣ, развеселить сколько-нибудь другихъ.

Фридрихъ. А давно вы видѣлись съ сестрицей?

Люція. Мы и не смѣемъ. Намъ не велѣно ходить въ ту часть парка, гдѣ живетъ она.

Софья. Однажды только она встрѣтилась со мной, и я едва, едва могла удержаться отъ слезъ. Кажется, она сомнѣвалась — сестра ли я ей. Смотрѣла на меня долго, то серьезно, то весело, и потомъ вдругъ оставила, какъ-будто что нибудь оттолкнуло ее отъ меня.

Фридрихъ. Въ томъ-то и болѣзнь ея.

Точно такой же случай былъ и со мной. Съ тѣхъ поръ, какъ грустныя мечты разстроили умъ ея, она ничему невѣритъ, всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей, и даже мужа своего, считаетъ призраками и привидѣніями. Какъ же теперь убѣдить ее въ дѣйствительности, когда дѣйствительность она считаетъ пустымъ призракомъ?

Софья. Всѣ старанія докторовъ не могутъ помочь ей.

Люція. Всякой день приходитъ какой нибудь новый лекаришка, а ни одинъ не можетъ исполнить нашихъ надеждъ и желаній.

Фридрихъ. Будьте спокойны, — мы уже ни одного не станемъ слушать.

Софья. Вотъ это хорошо. А то сегодня еще приходилъ какой-то новый... И увѣряю васъ—хоть вы тотчасъ же отсылали прежнихъ лекарей съ ихъ негодными лекарствами, — этотъ успѣетъ васъ перехитрить. Онъ смотритъ такою лисой.

Фридрихъ. А, а! Онъ нравится вамъ? сколько вы ни горды, какъ ни стараетесь показать, что не обращаете вниманія ни на что въ свѣтѣ, однако замѣчаете, что ракъ, что рыба.

Люція. Онъ лекарь, и этого довольно, чтобъ не любить его. Впрочемъ, онъ добръ, но за то ужъ и хитеръ. Когда мы просили у него лекарствъ, такъ онъ хотя и видѣлъ, что они намъ не нужны, а все таки далъ каждой изъ насъ по пріему вкусныхъ пилюль.

Софья. А мнѣ еще далъ совѣтъ... Ахъ, какъ онъ разсердилъ меня...

Фридрихъ. Какой?

Люція. И еще пожелалъ...

Софья. Нѣтъ, нѣтъ!... Не скажу... (*Она идетъ къ другимъ молодымъ людямъ, находящимся на другой сторонѣ залы, которые потомъ мало по малу совсѣмъ уходятъ со сцены*).

Люція, (*подходя къ ней*). Скажи же, Софья? (*Входитъ Маріанна*).

Фридрихъ (*идетъ къ ней*). Милая Маріанна, вы, вѣрно, не участвуете въ легкомысленныхъ забавахъ этихъ беззаботныхъ существъ?

Маріанна. Неужели вы думаете, графъ, что я могу быть весела и беззаботна теперь хоть на минуту? Во все это время я недотрогивалась даже до фортепьяно. Какъ мнѣ трудно укрощать пылкой характеръ моего брата, котораго такъ безпокоитъ судьба его супруги!

Фридрихъ. Ахъ! отъ счастья этой милой особы зависитъ счастье столькихъ людей! И наше то же, милая Маріанна? Вы не хотите оставить своего брата; онъ не можетъ остаться безъ васъ, пока его супруга находится въ такомъ сомнительномъ положеніи; а я между тѣмъ долженъ молчать о моей любви. О, я очень несчастливъ!

Маріанна. Новый докторъ подаетъ надежду. Ахъ, если бы онъ помогъ нашему горю! Милый графъ, какъ я была бы счастлива!

Фридрихъ. Точно, Маріанна?

Маріанна. Да, да.

(*Входитъ докторъ Фераціо*).

Фридрихъ. Чѣмъ вы обрадуете насъ, любезный докторъ?

Фераціо. Пока ни чѣмъ. Баронъ и слышать не хочетъ объ лекарствахъ.

Фридрихъ. Впрочемъ, докторъ, вы изъ за этого насъ неоставите?

Фераціо. Ну, да, я ужъ кое-что замѣтилъ. Впрочемъ, увидимъ! Сюда идетъ баронъ. (*Входитъ баронъ Штерталь*).

Фераціо. Если для васъ непріятно мое посѣщеніе, то прошу извинить, что я до сихъ поръ еще здѣсь. Сюда скоро будетъ графъ Альтенштейнъ. Онъ возьметъ меня съ собой, какъ скоро увидитъ, что его рекомендація ни къ чему не послужила.

Баронъ. Докторъ, извините меня... надѣюсь, что и графъ меня извинитъ. Это совсѣмъ не равнодушіе къ его участію, совсѣмъ не недовѣрчивость къ вашему искусству, а недовѣрчивость къ соб-

ственной моей судьбѣ. Послѣ столькихъ неудачныхъ попытокъ поправить ея здоровье, каждый новый опытъ для меня мученіе. Въ состояніи ли я устоять подъ тяжестью такого несчастія, когда столько блаженства я ожидалъ отъ ея любви? Я не стану роптать на судьбу, но съ терпѣніемъ жду отъ неба, чего не могли мнѣ дать люди.

Фераціо. Я уважаю ваши чувства. Только мнѣ непріятно, что вы скрываете отъ меня ея болѣзнь и не позволяете даже взглянуть на вашу супругу. Вы этимъ стѣсняете мои опыты, и препятствуете мнѣ употребить именно такія средства, которыя бы прямо помогли ей.

Софья (*къ прочимъ*). Пожалуй, и этотъ то же захочетъ дѣлать свои опыты надъ бѣдною сестрицей. Онъ такой же, какъ и прежніе.

Люція. О, да, какъ скоро имъ приведется анатомировать, электризовать, такъ они всегда смотрятъ какую рожу скорчитъ ихъ паціетъ, и потомъ увѣряютъ, что они это предвидѣли.

Баронъ, (*который говорилъ въ это время съ Фридрихомъ и Фераціо*). Вы терзаете меня!

Фераціо. Всякой, кто только сознаетъ въ себѣ довольно силъ дѣлать другимъ добро, кажется вамъ духомъ-мучителемъ. Онъ не станетъ ждать, пока позовутъ, онъ не долженъ обращать вниманія на то, что его гонятъ. Ему необходимы мужество и терпѣніе гомеровскихъ героевъ; онъ долженъ быть похожъ на муху, которую отпугнутъ съ одной стороны, а она нападаетъ на человѣка съ другой.

Софья. По крайней мѣрѣ этотъ честенъ и довольно вѣрно описываетъ шарлатановъ.

Фераціо. Не смѣйтесь, сударыня!... Погодите, и вы попадетесь мнѣ въ руки.

Софья. У него уши какъ у чародѣя.

Фераціо. Сколько могъ я замѣтить изъ нашихъ глазъ...

Софья. Пойдемте, намъ нечего здѣсь дѣлать... прощайте!

Всѣ. Прощайте, прощайте!

Софья. А вѣдь онъ хорошій физіогномистъ! (*Уходятъ*).

Фридрихъ. Выслушайте только, братецъ.

Баронъ. Да, это было со мной ужъ много разъ... Насъ легко убѣдить. Наши надежды и мечты, такъ дѣтски легковѣрны, что для нихъ и невозможное кажется возможнымъ.

Фераціо. Но кому вы тогда довѣрялись?

Баронъ. Такъ говоритъ каждый изъ васъ о своемъ предшественникѣ. И удивительно, до чего мы можемъ быть доведены постепенно, когда воображеніе наше настроено къ тому! Мнѣ теперь страшно и подумать о тѣхъ средствахъ, какія употребляли для ея леченья... И я заранѣе боюсь тѣхъ ужасныхъ ощущеній, къ какимъ вы меня склоняете, и едва было не склонили. Нѣтъ, любовь ко мнѣ была причиною ея сумасшествія; моя любовь должна покрайней мѣрѣ хранить ея страдальческую жизнь.

Фераціо. Я принимаю сердечное участіе въ вашей печали, и хорошо понимаю положеніе, въ какомъ вы находились, увидѣвъ вашу супругу въ такомъ несчастномъ состояніи, сами едва только избѣжавъ отъ смерти.

Фридрихъ. Вотъ идетъ батюшка.

(*Графъ Альтенштейнъ. Прежніе*).

Графъ Альтенштейнъ. Здравствуй, братъ! Доброе утро, докторъ! Что у васъ хорошаго? Не правда ли, что я прислалъ къ вамъ отличнаго человѣка?

Баронъ. Хорошо, что вы пришли. Благодарю васъ за знакомство, которое вы мнѣ доставили. Мы въ короткое время сдѣлались друзьями, только еще не во всемъ согласны.

Графъ Альтенштейнъ. Отъ чего же? Неужели ты не имѣешь къ нему довѣрія?

Баронъ. Большую, какъ и къ вашему расположенію ко мнѣ, только...

Графъ Альтенштейнъ. Если бы ты послушалъ его третьяго дни, когда онъ все разсказалъ и объяснилъ мнѣ. Все было такъ понятно, все казалось такъ ясно, что, признаюсь, я уже самъ думалъ заняться леченіемъ, такъ все было просто. Если бы только упомнить все!

Фридрихъ. Это, къ вамъ батюшка, такъ же пристало, какъ мнѣ или кому нибудь изъ насъ быть проповѣдникомъ.

Графъ Альтенштейнъ. Гдѣ жена твоя?

Баронъ. Она обыкновенно всегда бываетъ въ задней части парка; днемъ спитъ въ хижинѣ, которую мы построили для нея; бѣгаетъ отъ всѣхъ, а по ночамъ бродитъ, о чемъ-то мечтая. Нѣсколько разъ я старался подслушать ее, и увѣряю васъ, что нужно много мужества, чтобы не сойти съума, когда видишь, какъ она съ распущенными волосами, при лунномъ свѣтѣ, невѣрными шагами ходитъ взадъ и впередъ, кланяется звѣздамъ, становится на колѣна, обнимаетъ деревья, потомъ исчезаетъ въ кустахъ, какъ духъ... о!..

Графъ Альтенштейнъ. Успокойся, братъ, успокойся. Выслушай лучше предположенія доктора.

Фераціо. Позвольте. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я почти совершенно одного мнѣнія съ барономъ. Кажется, что нѣтъ нужды прибѣгать къ операціямъ, или по крайней мѣрѣ нужно быть осторожнымъ. Какъ давно супруга ваша находится въ такомъ положеніи?

Графъ Альтенштейнъ. Дайте вспомнить... Во вторникъ будетъ десять недѣль. Точно; въ тотъ день въ городѣ была ярмарка, и вечеромъ еще, воротившись домой, я разговаривалъ съ нею. Тогда пришло проклятое письмо съ извѣстіемъ о твоей смерти. Она упала въ обморокъ, и всѣ сдѣлались какъ сумасшедшіе. Послушай, я схожу на минуту въ конюшню. Какова твоя бѣлая лошадь?

Баронъ. Я принужденъ отослать ее назадъ, любезный дядюшка.

Графъ Альтенштейнъ. Жаль такой лошади! право, жаль! (*Уходитъ*).

Фераціо. Откуда пришла эта ложная вѣсть? Кто имѣлъ неосторожность писать?

Баронъ. Вы знаете, что есть старыя, политическія кумушки, которыя ведутъ корресподенцію съ цѣлымъ свѣтомъ, и всегда найдутъ написать что нибудь новое, хоть бы для того только, чтобы не напрасно было установлено брать вѣсовыя деньги за письма. И въ самомъ добрѣ какъ много скрывается зла!.. А всякой человѣкъ гораздо легче придумываетъ что нибудь худое, чѣмъ хорошее; отсюда и выходятъ эти непріятныя новости. И вотъ одна изъ нихъ...

Фридрихъ. Не будьте такъ злы. Это былъ другъ...

Баронъ. Чортъ бы взялъ его! Какая была ему нужда до того, живъ ли я, или убитъ? Я былъ раненъ и объ этомъ всякой зналъ — и жена моя и вы всѣ. Если онъ былъ вѣрный другъ, такъ зачѣмъ же первый счелъ мою рану смертельною?

Фераціо (*Фридриху*). Вы были здѣсь?

Фридрихъ. Я живу здѣсь ужъ нѣсколько мѣсяцовъ. Во время отсутствія мужа, она постоянно была печальна. Любовь ея къ нему всегда увеличивала тѣ опасности, какимъ онъ подвергался. Мы дѣлали все, что только могли. Наши и сосѣднихъ домовъ дѣвицы всегда были при ней; ни на минуту не оставляли ее наединѣ, одно ничто не спасало ее отъ меланхоліи.

Баронъ. Я не могъ терпѣть въ ней меланхоліи. Она такъ мало живетъ мыслями на землѣ.

Фридрихъ. Мы всегда танцовали при ней, пѣли, веселились...

Баронъ. И влюбились другъ въ друга, какъ я замѣтилъ, воротившись домой.

Фераціо. Ну и это также относится къ дѣлу.

Фридрихъ. Мы сами въ этомъ признались. — Все, кажется, увеличивало ея печаль. Наконецъ пришло извѣстіе, что вы ранены. Тогда ужъ невозможно было сладить съ ней: цѣлый день бывало ходитъ она взадъ и впередъ: то захочетъ ѣхать, то опять вздумаетъ остаться дома. Съ каждою почтой нужно было отправлять письмо; съ каждою почтой она ждала письма, хотя бы ей представляли, что это не возможно. Наконецъ она перестала всѣмъ вѣрить; думала, что у насъ есть непріятныя вѣсти, которыя мы хотимъ скрыть, и такую-то вѣсть принесло одно письмо.

Фераціо. Не замѣтили ли вы въ ней тогда чего нибудь?

Фридрихъ. Кажется, съ того времени и началось ея безуміе; легко отличить его отъ той глубокой меланхоліи, какой она подвержена была прежде. Даже и послѣ испуга, который причинило это несчастное письмо, пролежавъ нѣсколько дней въ ужасной лихорадкѣ, она, казалось, нисколько не перемѣнилась; въ глазахъ сдѣлалась замѣтна какая-то пугливость или робость; она какъ будто всякаго боялась, или не замѣчала. Ей хотѣлось надѣть трауръ; и когда мы стали утѣшать ее невѣрностью слуховъ, она нехотѣла слушать; собирала всѣ чорные лоскутки и привѣшивала ихъ къ своему платью.

Баронъ. Не растравляйте моей раны своими разсказами. Довольно, что такъ случилось... Г. докторъ! Она неузнала меня; она убѣгаетъ меня, какъ призрака; всякое пособіе напрасно. И я вѣчно буду упрекать себя, если поручу ее, хотя на короткое время, какому нибудь шарлатану, который умѣлъ понравиться мнѣ.

(*Уходитъ*).

Фридрихъ. Да, точно, она отъ этого впала въ сумасшествіе; убѣжала въ рощу, и тамъ стала скрываться. Напрасны всѣ попытки вывести ее оттуда, и теперь баронъ совсѣмъ отказался отъ нихъ. Для ней тайно построили небольшую хижину, гдѣ она скрывается по днямъ, и куда тайно приноситъ ей пищу горничная, единственное существо, которому она довѣряетъ. Такъ у насъ проходитъ день за днемъ въ томительномъ ожиданіи. Всѣ родные наши, которые до сихъ поръ все время проводили въ танцахъ, пѣніи, праздникахъ и удовольствіяхъ, бродятъ, какъ привидѣнія, и право, не будетъ никакого чуда, если они всѣ сойдутъ съ ума.

Фераціо. Послѣ всего, что вы мнѣ говорили, я имѣю надежду. (*Къ нимъ подходятъ графъ Альтенштейнъ и баронъ*).

Графъ Альтенштейнъ. Послушайте, докторъ. Мнѣ разсказали удивительныя вещи.—Что-то вы скажете на это? Лила довѣрила своей горничной подъ клятвой молчанія, что она сама знаетъ, гдѣ она находится; будтоей открыто, что супругъ ея не убитъ, а заколдованъ злыми духами, которые стараются отнять свободу и у нея, а потому она должна теперь тайно скитаться, пока не найдетъ средствъ и случая освободить его.

Баронъ. Тѣмъ хуже. Она разсказывала Анютѣ исторію о заколдованныхъ феяхъ, людоѣдахъ, демонахъ, и что она должна выдержать, чтобы снова получить меня!

Фераціо. Гдѣ эта Анюта?

Графъ Альтенштейнъ. Здѣсь.

Фераціо. Это заставляетъ меня рѣшиться на одно средство, которое я долго отвергалъ. Хотите ли выслушать мои предложенія.

Баронъ. Съ удовольствіемъ.

Фераціо. Теперь нѣтъ нужды говорить

о медикаментахъ: они безполезны. Если-бы намъ удалось фантазіей вылечить фантазію, такъ мы сыграли бы славную штуку.

Баронъ. И изъ сумасшествія привели-бы ее въ полное безуміе.

Графъ Альтенштейнъ. Дай ему высказать свои предположенія.

Фераціо. Музыка, танцы и забавы не были ли досихъ-поръ вашимъ постояннымъ занятіемъ? Не ужли же послѣ этого вы думаете, что мертвая тишина, въ какой вы теперь живете, принесетъ какую нибудь пользу вамъ и вашей больной? Разсѣяніе — вотъ единственное, золотое средство, которое, хотя на короткое время, заставляетъ людей забывать свое несчастіе; радость и забавы снова исцѣлятъ васъ, какъ родной воздухъ, который вдругъ отгоняетъ и скуку и болѣзнь.

Баронъ. И мы должны дурачиться — когда она несчастна? И для чего? для того только, чтобы показать будто мы веселы.

Фераціо. Мы избавимъ васъ отъ этого. Позвольте только намъ разыграть для вашей супруги исторію ея мечтаній. Вы должны представлять фей, людоѣдовъ и демоновъ, а я постараюсь подойти къ ней въ видѣ какого нибудь мудреца, чтобы узнать ея состояніе. Изъ вашихъ разсказовъ я вижу, что здоровье ея поправляется само собой; она уже несчитаетъ васъ убитымъ, надежда видѣть васъ опять живетъ въ ней; она думаетъ даже при терпѣніи и постоянствѣ снова найти своего супруга. Если только музыка и танцы избавятъ ее отъ этой мрачной задумчивости, если нечаянное явленіе чудовищныхъ привидѣній укрѣпить ее въ надеждахъ и мечтательности, — что непремѣнно будетъ,—то этимъ ужъ мы выиграемъ много. Но я пойду еще дальше. Впрочемъ, за чѣмъ заранѣе обѣщать и подавать надежды...

Графъ Альтенштейнъ. Намѣреніе такъ прекрасно, такъ натурально, что я непонимаю даже, какъ оно не пришло намъ въ голову. И такъ, докторъ, вы надѣетесь, что мы успѣемъ, если будемъ льстить ея фантазіи.

Фераціо. Мечта и дѣйствительность должны наконецъ встрѣтиться. Когда она снова увидитъ супруга въ своихъ объятіяхъ, сама, такъ сказать, его завоюетъ, тогда повѣритъ, что это дѣйствительно онъ.

Графъ Альтенштейнъ. Она говоритъ, что людоѣды хотятъ лишить ее свободы. Я буду представлять огера; все ужасное идетъ ко мнѣ; а фей, прелестныхъ фей, у насъ довольно. Пойдемте и тотчасъ же начнемъ.

Фераціо. Приготовьте, что для этого нужно; о прочемъ я позабочусь.

Баронъ. Я не знаю... дайте подумать.

Графъ Альтенштейнъ. Думай себѣ, а мы будемъ приготовляться. Докторъ, теперь пойдемте къ Анютѣ. Фридрихъ, ступай на верхъ, и собери маски. У насъ ихъ такое множество и старыхъ и новыхъ, что станетъ нарядить цѣлый кабинетъ фей. Сзови сюда всѣхъ, у кого есть руки, ноги и языкъ. Отыщи музыку и дѣлай пробу.

Фридрихъ. Да у насъ, какъ бы волшебствомъ выдетъ прекрасное impromptu.

Графъ Альтенштейнъ. И такъ за дѣло!

Фераціо. Ступайте, а мы еще подумаемъ объ этомъ; не очень торопитесь.

Фридрихъ. Въ танцорахъ и пѣвицахъ, вѣрно, недостатка не будетъ.

—

СЦЕНА. II.

Романтическая сторона парка.

Лила. Отрадная смерть! сладкая смерть! приди и положи меня въ холодный гробъ! Она со мною, сладкая мелодія смерти даже и въ ту минуту, когда я полна надеждъ, когда я спокойна. Отчего это такъ часто рождается въ душѣ моей об-

манчивая мысль, будто я уже несуществую? Я блуждаю среди тѣней, я больше не живу въ мірѣ. (*Показывая на голову и сердце*). Такъ мнѣ говоритъ иной умъ, иное сердце! Я немогу сдѣлать, чтобы я хотѣла, чего бы желала. Не говоритъ ли мнѣ голосъ сердца: «Онъ на вѣки похищенъ у тебя,— терпи! — Онъ снова будетъ твой.» Потомъ опять находитъ на меня какой-то совъ, обморокъ.

Я не помню себя, — забываюсь,
Я невѣрю себѣ,—сомнѣваюсь,
Даже въ томъ — моя жизнь
Лживый сонъ, или жизнь...
Я лишилась тебя,
Мой безцѣнный супругъ!
Что жъ и жизнь для меня
Безъ тебя, милый другъ?..
О, пробей надо мной
Смерти часъ роковой!

(*Она идетъ на сцену, между тѣмъ выходитъ Магъ*).

Магъ. Васъ, которые носитесь на летающихъ звѣздахъ и ниспосылаете намъ свои милости, васъ, духи, благодарю я за то, что вы собираете ко мнѣ слабыхъ дѣтей земли! Назначенные къ высшимъ цѣлямъ, они выйдутъ изъ моихъ рукъ благороднѣе, дѣятельнѣе, обогащенные дарами мудрости и поддерживаемые вашимъ содѣйствіемъ!..

Лила. Какъ попалъ сюда этотъ старикъ? Что за травы онъ собираетъ здѣсь. Добрый ли это человѣкъ, или шпіонъ, который вьется около меня для того только, чтобы узнать, какъ бы удобнѣе нанесть мнѣ вредъ?—Такъ, въ этомъ мірѣ надо сомнѣваться во всемъ!—Бѣжать ли мнѣ отъ него?

Магъ, (*про себя, громче*). Успокойте своимъ присутствіемъ и эту несчастную, которая блуждаетъ здѣсь! Воодушевите ея сердце, чтобы она не медлила больше на пути къ великой послѣдней цѣли, къ которой стремится душа ея!

Лила. Горе мнѣ! Онъ знаетъ меня, знаетъ мои мысли.

Магъ. Не бойся, несчастная смертная! И на землѣ много друзей у насъ. Только несчастный бываетъ подозрителенъ и невѣритъ ни въ добродѣтель людей, ни въ счастіе.

Лила, (*подходя къ нему*). Кто бы ты ни былъ, но вѣрно подъ такою благородною наружностью не скрывается измѣна. Сильнымъ неприлично лгать, а могучимъ притворяться; но иногда боги даютъ не правосуднымъ силу, и коварнымъ счастіе.

Магъ. Ничему не вѣрить, какъ и вѣрить всему, не хорошо.

Лила. Твои слова, твой голосъ влекутъ меня къ тебѣ.

Магъ. Если ты хочешь довѣриться тому, кто любитъ тебя, то скажи: каково ты себя чувствуешь?

Лила. Хорошо; но мнѣ грустно; однако при одной мысли, что я могла бы снова быть весела, я трепещу, какъ предъ большимъ несчастіемъ.

Магъ. Не будь сама весела, но другихъ сдѣлай веселыми.

Лила. Можетъ ли сдѣлать это несчастный.

Магъ. Это первое его утѣшеніе. Не убѣгай ни отъ кого, кто встрѣтится съ тобой; тогда ты легко найдешь, кому можешь помочь, найдешь и того, кто поможетъ тебѣ.

Лила. Моя душа ищетъ тишины, уединенія.

Магъ. Хорошо ли слѣдовать всякой склонности?

Лила. Что жъ мнѣ дѣлать?

Магъ. Добрые духи тебя окружаютъ и могутъ тебѣ помочь. Они явятся тотчасъ, какъ только позоветъ ихъ твое сердце.

Лила. И они такъ близки ко мнѣ?

Магъ. Да, покровительство ихъ близко, ихъ помощь недалека отъ тебя. Они знаютъ много, потому что ничѣмъ не заняты; они съ любовью заботятся о другихъ, потому что у нихъ нѣтъ страстей.

Лила. Ахъ, сведи меня къ нимъ.

Магъ. Они сами придутъ. Ты подумаешь, что всѣ они знакомы тебѣ, и не ошибешься.

Лила. О, я понимаю это коварство! Злые духи, желая завлечь насъ въ свои сѣти, принимаютъ на себя видъ милыхъ намъ особъ.

Магъ. Прочь эту недовѣрчивость! Нѣтъ, милая, духи не имѣютъ никакого вида; каждый видитъ ихъ глазами своей души, подъ знакомыми формами.

Лила. Чудно!..

Магъ. Не прикасайся къ нимъ, иначе они разлетятся въ воздухѣ, глаза обманываютъ, неслѣдуй ихъ совѣту. Что ты схватишь, что будешь держать въ своихъ рукахъ, то уже не мечта, а дѣйствительность. Ступай своею дорогою; ты снова найдешь своихъ, снова будешь возвращена имъ.

Лила. Иду! И хотя бы мнѣ привелось притти къ тихой рѣкѣ смерти, я и тогда спокойно войду въ челнокъ.

Магъ. Возьми эту стклянку; и когда тебѣ нуженъ будетъ покой, намажь этою жидкостью свои виски. Въ каплях ея живетъ душа, родная нашей, душа, любящая нашу душу; она помогаетъ ей въ ту минуту, когда намъ нужно дѣйствовать, и между тѣмъ мы не имѣемъ силъ.

(*Лила медлитъ*).

Магъ. Если не вѣришь, такъ, пожалуй, брось ее.

Лила. Вѣрю и благодарю.

Магъ. Не пренебрегай успокоеніемъ: оно необходимо для смертной. Феи обладаютъ тѣмъ, что только можетъ выбрать человѣкъ самаго лучшаго для своего наслажденія. Онѣ будутъ приносить тебѣ кушанья,—не пренебрегай ими.

Лила. Мнѣ всякая пища непріятна.

Магъ. Но та тебя восхититъ. Она также легка, какъ и вкусна, и столь же вкусна, какъ здорова.

Лила. Не счастной не прилично быть за богатымъ обѣдомъ.

Магъ. Ужели ты думаешь принесть себѣ пользу и служить богамъ, воздерживаясь отъ того, чего требуетъ сама природа для поддержанія жизни? Милая, опытъ научитъ тебя, что ты сама себя не можешь спасти. А кто требуетъ помощи, тотъ не долженъ слѣдовать своимъ прихотямъ.

Лила. Твои слова даютъ мнѣ мужество. Но едва только успѣю подумать, какъ снова трепещу при грустномъ голосѣ сердца.

Магъ. Будь смѣла и все тебѣ удастся.

Лила. Что жъ мнѣ нужно?

Магъ. Не много! не стѣсняй своей воли.

Знай — вздохи и слезы,
Проклятья, угрозы,
И грусть и тоска
Тебя никогда
Отъ бѣдъ неспасутъ,
И счастья тебѣ не дадутъ.
И такъ на враговъ,
На адскихъ духовъ,
Боязни не зная,
Врага презирая,
Отважно иди;
А въ помощь боговъ призови.

(*Уходитъ*).

Лила (*одна*). Онъ уходитъ. Мнѣ не хотѣлось бы съ нимъ разстаться. Его присутствіе вливаетъ въ мое сердце мужество и надежду! Зачѣмъ онъ спѣшитъ отсюда? зачѣмъ онъ не останется здѣсь?—Съ помощію его я могла бы итти на встрѣчу моимъ желаніямъ. Нѣтъ, больше я небуду оставаться одна, я хочу наслаждаться удовольствіями въ обществѣ, которое меня окружаетъ. Не медлите добрыедухи! явитесь ко мнѣ! явитесь мнѣ, знакомые образы!

(*Хоръ фей, сначала въ отдаленіи, потомъ ближе, наконецъ подходитъ къ ней, впереди всѣхъ Альмаида*).

ХОРЪ.

Какъ легкія тѣни,
Воздушныя феи,

Вы въ садъ поспѣшайте,
Свой долгъ исполняйте!
Вамъ мѣсяца лучь
Блеснулъ изъ за тучь,
И блещутъ огни
Въ долинѣ — вдали.

(*Во время этой пѣсни одна часть хора начинаетъ танецъ; Лила выходитъ и начинаетъ разговаривать съ Альмандой*).

Лила. Простите несчастной, которая прерываетъ вашъ танецъ. Я послана къ вамъ; ваше явленіе есть знакъ для меня, что вы меня примете. Я покоряюсь вашей волѣ, отдаюсь подъ вашу защиту. Если бы вы были смертныя, я стала бы называть васъ своими подругами, любила бы васъ, и желалабъ быть любимою вами. Не обманите сердца, которое отъ васъ ждетъ помощи.

АЛЬМАНДА.

Грусть и слезы забудь!
Намъ подругою будь!
Съ нами въ счастьи живи,
Съ нами горе дѣли.
Мы во мракѣ ночей,
Не смыкая очей,
Стройнымъ хоромъ летаемъ.
Мы васъ любимъ, ласкаемъ,
Мы для смертныхъ совсѣмъ неопасны!

(*Въ глубинѣ сцены открывается прекрасная, освѣщенная бесѣдка; въ ней столъ съ кушаньями и подлѣ него два стула*).

Грусть и слезы забудь!
Намъ подругою будь.
Съ нами въ счастіи живи,
Съ нами горе дѣли.

(*Феи принуждаютъ Лилу сѣсть за столъ, Альманда садится противъ нея. Танцующія феи прислуживаютъ имъ, между тѣмъ остальныя раздѣляются по сторонамъ театра*).

ХОРЪ.

Мы во мракѣ ночей,
Не смыкая очей,
Стройнымъ хоромъ летаемъ,
Мы васъ любимъ, ласкаемъ,
Мы для смертныхъ совсѣмъ неопасны.

(*Лила встаетъ и вмѣстѣ съ Альмандой выходитъ*).

Альманда. Ты довольствуешься не многимъ, милая подруга. Теперь ты почти можешь кружиться вмѣстѣ съ нами, легкими феями, для которыхъ свѣтлая роса цвѣтовъ обыкновенная пища.

Лила. Свобода жизни не возвратитъ мнѣ покоя, грусть отнимаетъ у меня даже охоту къ пищѣ.

Альманда. Увидѣвъ насъ, ты уже больше не будешь несчастна. Одинъ взглядъ на истиннаго счастливца дѣлаетъ и насъ счастливыми.

Лила. Мой духъ воскресаетъ и снова упадаетъ.

Альманда. Дѣйствуй, и онъ будетъ итти все выше и выше, иногда останавливаясь, но никогда не отступая назадъ. Смѣлѣй, моя подруга!

Лила. Что ты мнѣ совѣтуешь?

Альманда. Узнай! твой супругъ — живъ.

Лила. О боги! и такъ я необманывалась.

Альманда. Но онъ во власти коварнаго демона, который опутываетъ его сладкими грезами и удерживаетъ въ плѣну.

Лила. Такъ мнѣ и сердце говорило.

Альманда. Онъ не пробудится, пока ты не разбудишь его.

Лила. Онъ не умеръ? Точно не умеръ? Онъ покоится на мягкомъ ложѣ, а не въ гробѣ? величественный сводъ небесный разстилается надъ спящимъ? Тихо подойду я къ нему, полюбуюсь имъ, во время сна его, упьюсь его присутствіемъ. Обо мнѣ ли онъ мечтаетъ? — Тогда я скажу ему тихо, тихо: милый другъ, пробудись! Встань, милый мой! Будь снова моимъ. Встань, услышь мой голосъ, голосъ своей возлюбленной! — Услышитъ ли онъ, когда я буду звать его?

Альманда. Да, услышитъ.

Лила. О, проведи меня въ то мѣсто, гдѣ склонилъ онъ свою голову!.. И если онъ не пробудится тотчасъ же; я

дотронусь до него, буду шевелить его тихо, медленно, а потомъ покрѣпче и скажу снова: пробудись!—Не правдали, вѣдь онъ спитъ глубокимъ сномъ?

Альманда. Глубокимъ, волшебнымъ сномъ, который впрочемъ изчезнетъ отъ одного твоего присутствія.

Лила. Не будемъ же медлить.

Альманда. Мы не можемъ тотчасъ же притти туда, гдѣ онъ покоится; тутъ много опасностей, много препятствій!

Лила. О, небо!

Альманда. Отъ твоей медленности опасности и препятствія увеличились. Этотъ демонъ мало по малу завлекъ въ свои сѣти всѣхъ твоихъ родныхъ и друзей; и если еще будешь медлить, онъ обманетъ и тебя; ему хочется заманить еще тебя къ себѣ.

Лила. Какъ я пойду противъ него? Какъ мнѣ освободить ихъ? Пойдемъ, помоги мнѣ, пойдемъ со мною!

Альманда. Я не могу итти съ тобой, не могу помочь тебѣ. Человѣкъ лучшій себѣ помощникъ. Чтобы найти свое счастіе, онъ самъ долженъ итти впередъ, самъ долженъ стараться поймать его; благое провидѣніе только ведетъ насъ къ счастію. Напрасно нерадивый ждетъ себѣ счастія. Да, оно обратится ему въ наказаніе, если бы и досталося.

Лила. И такъ, прощайте! я пойду одна по этому мрачному пути.

Альманда. Помедли вынѣшнюю ночь. Съ наступленіемъ веселаго утра счастливый путь тебѣ.

Лила. Нѣтъ, теперь, теперь! На самомъ пути смерти теперь я ничего не боюсь!

Альманда. Послушай меня!

Лила. Голосъ изъ гроба слаще для меня, чѣмъ твой голосъ.

Альманда, (*про себя*). О, горе! она слабѣетъ. Я ужъ много сказала. (*Громко*). Здѣсь въ бесѣдкѣ приготовлена для тебя постель. Поди, успокойся, а мы между тѣмъ совершимъ свои таинства. Мы будемъ защищать тебя отъ холода ночи, отъ утренней росы, мы будемъ съ любовію заботиться о тебѣ, благословимъ твои предпріятія.

Лила. Все напрасно. Я немогу воспользоваться вашими предложеніями. Ваша любовь, ваша доброта, какъ свѣтлая вода, протекаютъ чрезъ мои руки.

Альманда (*про себя*). Несчастная, чего еще можно надѣяться для нея? (*Громко*). Ты должна остаться съ нами!

ЛИЛА.

Я чувствую вашу ко мнѣ доброту,
Но выразить чувства я вамъ не могу...
Простите разстройству, простите печали.
Я стражду, надеждой и страхомъ томлюсь,
Мечтою куда-то впередъ все стремлюсь,
Кудаже? того и сама я не знаю.

Альманда. Она скрывается въ кустарникѣ. Впрочемъ, далеко не уйдетъ. Сестрицы, начнемте пѣсню, чтобы звукъ отрады проникъ въ ея сердце.

АЛЬМАНДА СЪ ХОРОМЪ.

Мы помощь подать
Готовы всегда, —
Всегда мы отъ васъ недалеко.
Зоветъ ли къ себѣ
Насъ бѣдный въ бѣдѣ
При немъ мы въ мгновеніе ока.

—

СЦЕНА III.

Дикій лѣсъ, въ глубинѣ сцены пещера.

Альманда и Магъ.

Магъ. Божественная фея! твой разсказъ не удивляетъ меня. Успокойся. Такіе припадки недолжны насъ безпокоить. Природа, выходя, такъ сказать, изъ большаго состоянія, должна останавливаться, чтобы отдохнуть отъ напряженія. Для меня ни одинъ сумасшедшій не кажется столь опаснымъ, какъ тотъ, который вдругъ становится умнымъ. Мы недолжны унывать: намъ придется еще увидѣть подобныя сцены. На первый разъ довольно и того, что она приняла пищу, и убѣдилась въ

томъ, что отъ нея зависитъ ваше спасеніе. Теперь нужно опасаться только, чтобы не счесть ее здоровою прежде времени и недопускать къ ней ея супруга прежде, чѣмъ она будетъ въ состояніи вынесть его присутствіе. Поспѣшимъ же скорѣе на свои мѣста. Она идетъ сюда.

(*Уходятъ*).

Лила, (*съ стклянкою въ рукѣ*). Я была несправедлива къ тебѣ, благородный старецъ! Безъ твоего бальзама мнѣ было бы трудно итти по этой дикой дорогѣ. Благодѣтельныя божества удалились отъ меня. Темная ночь обхватила меня. Звѣзды скрылись; только бурный, вѣщій вѣтеръ шумитъ вокругъ меня.

Хоръ очарованныхъ (за сценой). Кто насъ спасетъ?

Лила. Чей это жалобный голосъ раздается изъ пещеры?

Хоръ, (*извнутри*). Горе! горе!

Лила. Впредь, на встрѣчу врагу, робкое сердце! Ты такъ несчастна и еще трепещешь.

ХОРЪ, ИЗЪ ПЕЩЕРЫ.

Сжальтесь! сжальтесь!
Для несчастныхъ
Нѣтъ дней ясныхъ!

Лила. Къ тебѣ эти мольбы о помощи, мольбы несчастныхъ, твоихъ родныхъ. О, боги! они заключены здѣсь! Здѣсь заколдованы! Я не выдержу больше, чего бы мнѣ это ни стоило. Я увижу ихъ, утѣшу и спасу, если можно. (*Заколдованныя выходятъ въ цѣпяхъ, танцами выражаютъ свою несчастную судьбу. При взглядѣ на Лилу они показываютъ изумленіе, и пантомимами подаютъ знаки, чтобы она удалилась*).

Лила. Нѣтъ, вы не заставите меня остановить васъ. Можетъ быть я назначена судьбой освободить васъ и сдѣлать счастливыми, небо часто соединяетъ несчастныхъ для того, чтобы прекратить несчастіе обоихъ.

Фридрихъ (выходитъ впередъ). Кто ты, дерзкая, что осмѣливаешься приблизиться къ жилищу тоски и печали? Небо! моя племянница!—Лила, ты ли это?

Лила. Фридрихъ! вѣрить ли мнѣ глазамъ своимъ?

Фридрихъ. Да, Лила, это я.

Лила. Ты? (*она схватываетъ его*). Да, точно ты, своими руками я держу тебя!— Но въ такомъ состояніи?..

Фридрихъ. Нужно ли говорить тебѣ, и увеличить печаль твою? Я, всѣ мы въ такомъ состояніи изъ за тебя.

Лила. Изъ за меня?

Фридрихъ. Помнишь ли ты, какъ я недавно встрѣтился съ тобой не далеко отсюда?

Лила. Я подумала тогда, что вижу не тебя, а тѣнь твою.

Фридрихъ. Въ томъ-то и бѣда. Я протянулъ къ тебѣ руку—съ умоляющимъ видомъ, а ты оставила меня. Ахъ, въ эту-то самую минуту меня преслѣдовалъ ужасный люлюѣдъ. Если бы ты подала мнѣ руку,—онъ не имѣлъ бы надо мной никакой власти: мы были бы свободны и вмѣстѣ старались бы освободить твоего мужа.

Лила. Горе мнѣ!

Фридрихъ. Лила, тебѣ знакомы всѣ, кого ты видишь теперь. Вотъ веселый Карлъ, плутишка Генрихъ, вѣрный Францъ, услужливый Людвигъ, добрые ваши сосѣди; но ты знаешь ихъ всѣхъ. Поцѣлуйте ея руку! Будьте веселы при ней! (*Нѣкоторые изъ заколдованныхъ подходятъ къ ней, пантомимами изъявляютъ свою радость и цѣлуютъ ея руку*).

Лила. Это вы! здравствуйте, здравствуйте! Я снова вижу васъ, но вижу въ цѣпяхъ, добрые друзья мои! Но все таки вижу. Теперь мы опять всѣ вмѣстѣ. Какъ давно мы не видались! Какъ же мнѣ спасти васъ? (*Она смотритъ на нихъ съ изумленіемъ, молчитъ; потомъ взоръ ея становится неподвиженъ*). Горе мнѣ, я не могу здѣсь остаться; мнѣ нужно васъ оставить.

Фридрихъ. Что? За чѣмъ? вмѣсто того, чтобы съ нами вмѣстѣ подумать, какъ бы помочь общему горю, ты бѣжишь отъ насъ!

Лила. Ахъ, это не робость, но какое-то непонятное чувство. Ваше присутствіе, ваша любовь мучатъ меня. Это не страхъ передъ какимъ нибудь чудовищемъ. Пусть оно явится — и вы увидите, что у Лилы нѣтъ боязни. Ваша любовь, которой я не могу заслужить, гонитъ меня отсюда. Вашъ голосъ, ваше состраданіе ко мнѣ тяготятъ меня больше, чѣмъ самая участь ваша. Что еще сказать вамъ. Оставьте меня, оставьте меня!

ФРИДРИХЪ.

Ахъ погоди и будь спокойна! —
Постой! Ты насъ теперь спасешь:
Минута эта такъ удобна —
Другой подобной не найдешь.

ЛИЛА.

Нѣтъ, нѣтъ, ужъ мнѣ не суждено
Здѣсь въ жизни благомъ наслаждаться:
Знать тамъ на небѣ рѣшено —
Мнѣ вѣкъ несчастной оставаться!

ФРИДРИХЪ.

Въ любви найдемъ мы счастье и покой.

ЛИЛА.

Нѣтъ, скрылась отъ меня любовь!

ФРИДРИХЪ.

Знай, Лила, другъ твой молодой —
Супругъ безцѣнный, дорогой,
Онъ живъ, и твой онъ будетъ вновь.

ЛИЛА.

За чѣмъ ласкать себя мечтой,
Что живъ мой другъ, что будетъ мой?
Ужъ близокъ мой могильный кровъ...

(*Лила удаляется. Фридрихъ и другіе задумчиво смотрятъ на нее*).

Магъ. Не ходите за ней! не удерживайте ее! Я наблюдалъ за нею и за вами, и больше не сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Я одинъ пойду за ней, постараюсь ободрить ее и она снова придетъ сюда. Теперь такое время, когда людоѣдъ возвращается съ охоты. Если она не слушаетъ голоса любви, такъ посмотримъ не будутъ ли имѣть власти надъ ея мечтательностью сила и несправедливость.

(*Магъ удаляется*).

(*Людоѣдъ возвращается съ охоты, и любуется своею добычей. Заколдованные служатъ ему; начинаютъ танецъ; а онъ входитъ въ пещеру*).

Лила (*нѣсколько времени медлитъ въ сторонѣ, потомъ выходитъ*). Признаюсь, какое-то тайное предчувствіе сердца влечетъ меня въ это ужасное мѣсто. Да я хочу, я должна, я обязана сдѣлать это. Друзья мои!

Фридрихъ. Что хорошаго несешь намъ, Лила?

Лила. Себя. Единственное средство спасти васъ — раздѣлить съ вами вашу судьбу.

Фридрихъ. Какъ такъ?

Лила. Мнѣ открыто, что я должна сердить людоѣда; вызывать его на битву, —бѣгать. Если никакое оружіе не поможетъ мнѣ побѣдить его, и покорить, тогда для меня пріятны будутъ и цѣпи, которыя соединятъ насъ.

Фридрихъ. Ты отваживаешься на многое.

Лила. Будьте спокойны. Я теперь похожа на вѣдро, которое судьба бросаетъ въ колодезь съ тѣмъ, чтобы васъ вытащить оттуда. (*Людоѣдъ выходитъ и смотритъ на Лилу*).

Лила. Чудовище, подойди ближе! Мой голосъ—голосъ боговъ. Освободи ихъ, или жди на голову свою мщенія всеблагихъ небесъ. (*Людоѣдъ при началѣ пѣнія слѣдующей аріи, показываетъ презрѣніе къ слабости Лилы; онъ приказываетъ своимъ подвластнымъ принесть цѣпи, которыя и налагаютъ на нее*).

ЛИЛА.

Я тебя не страшусь!
Богъ — надежда моя —
Защититъ онъ меня.
Лила страха не знаетъ;
Лила гнѣвомъ пылаетъ:
Ты мой врагъ, и съ тобой
Я готова на бой.

(*Людоѣдъ удаляется*).

Фридрихъ. Теперь, когда ты показала такое мужество, я могу открыть тебѣ тайну, о которой прежде не смѣлъ и упомянуть. Да, этимъ ты можешь спасти всѣхъ насъ. Только не удаляйся отъ насъ.

Лила. Точно?

Фридрихъ. Совершенная правда. Демонъ усилилъ теперь своихъ враговъ; онъ сковалъ тебя въ знакъ своей побѣды, и чрезъ это внесъ въ собственный домъ огонь, который истребитъ все его царство.

Лила. Говори! — Но я вижу здѣсь только мужчинъ, — гдѣ жъ мои сестры, племянницы, подруги?

Фридрихъ. Онѣ заколдованы самымъ чуднымъ образомъ. Ежедневное ихъ занятіе — прясть; а наше — работать въ саду и прислуживать въ замкѣ. Ты увидишь ихъ.

Лила. Я горю нетерпѣніемъ.

Фридрихъ. Этого нельзя намъ сдѣлать безъ помощи духовъ; они явятся и мы попросимъ ихъ совѣта.

(*Альманда, хоръ Фей*).

Альманда. Милая сестрица! Тебя ли я вижу?

Лила. Ты видишь меня и въ радости и въ горѣ, заколдованную съ милыми сердцу. Ихъ присутствіе утѣшаетъ меня и оживляетъ во мнѣ надежду.

Альманда. Не печалься, не грусти больше понапрасну. Иди впередъ и достигнешь своихъ желаній.

Лила. Помоги мнѣ скорѣе достичь цѣли моихъ надеждъ.

Альманда. Ступай! Никто тебя не удержитъ. Выслушай только нашъ совѣтъ.

Лила. О, какъ охотно я выслушаю его, съ какою радостью исполню!

Альманда. Когда войдешь въ садъ, то не медля поспѣши къ колодцу и умой тамъ лицо и руки; послѣ этого цѣпи вмигъ спадутъ съ рукъ твоихъ. Потомъ ступай въ ту бесѣдку, что окружена кустами розъ. Тамъ ты найдешь новое платье; надѣнь его, сними свой трауръ, и нарядись, какъ прилично побѣдительницѣ. На голову надѣнь покрывало: оно спасетъ тебя отъ власти демона. Вотъ все, что мы можемъ сдѣлать для тебя, — остальное твое дѣло.

Лила. Скажите мнѣ, что еще я найду?

Альманда. Эти друзья все объяснятъ тебѣ. Твой духъ научитъ тебя, что и какъ нужно дѣлать. Ну, веселѣе же! Ну скорѣй! Твой супругъ, твой милый не далеко.

ЛИЛА.

О скорѣй возвратите
Вы мнѣ счастье мое,
И вновь супругѣ подарите
И супругъ и друга ее!
Среди насъ
Сей же часъ
Пусть увижу его.
Да, мнѣ сердце твердитъ, что любовь
Отъ волшебныхъ оковъ
Скоро, скоро избавитъ его.

Фридрихъ и Альманда съ хоромъ фей и заколдованныхъ.

Робкихъ мыслей бѣги, будь смѣла —
И побѣда твоя.
Тайны рока мы знаемъ
И тебя увѣряемъ,
Сей же часъ
Среди насъ
Ты увидишь его.
Не робѣй — и любовь
Отъ волшебныхъ оковъ
Скоро, скоро избавитъ его.

—

СЦЕНА IV.

Лѣсъ.

Альманда и Фридрихъ.

Фридрихъ. Одну минуту, моя милая! Какъ мучительно быть такъ близко къ тебѣ и не сказать тебѣ ни слова. Не смѣть сказать, какъ пламенно я люблю тебя! Ахъ, это единственное утѣшеніе для меня! Если же и его отнимутъ...

Альманда. Удалитесь, мой другъ! Насъ могутъ замѣтить.

Фридрихъ. Что жъ они увидятъ, кромѣ того, что имъ давно извѣстно: они зна-

ютъ, что наши сердца соединены на вѣки.

Альмаида. Старайтесь избѣгать всякаго оскорбительнаго для насъ подозрѣнія.

Фридрихъ. Я оставлю тебя... Руку, моя безцѣнная! (*Онъ цѣлуетъ ея руку*).

(*Входитъ Магъ*).

Магъ. Вы опять вмѣстѣ, мои друзья. А развѣ не обѣщали быть на своихъ мѣстахъ? Графъ, графъ! Надобно бы вести себя благоразумнѣе. Вы знаете, что баронъ не всегда бываетъ въ хорошемъ расположеніи духа, что онъ иногда ревнуетъ.

Фридрихъ. Не упрекайте меня! Вы не знаете, какъ страждетъ мое сердце.

О, долго, долго я хранилъ молчанье.
Ахъ, не ужели и теперь не ввѣрить ей
Томительной тоски моей.

КЪ МАГУ.

Иду, иду, мой повелитель:
Ты нашъ владыка и властитель.

КЪ АЛЬМАИДѢ.

По гробъ останусь вѣренъ я тебѣ.

КЪ МАГУ.

Скажи одно мнѣ слово въ утѣшенье!
Къ тебѣ я чувствую почтенье,
Но прочь сухія наставленья:
Они на волосъ не помогутъ мнѣ.

ПРО СЕБЯ.

Искусно онъ ее лечилъ —
Разсудокъ шуткой воротилъ,
Да безъ ума пришлось остаться мнѣ.

(*Въ одну сторону уходитъ Фридрихъ; въ другую Магъ съ Альмаидою*).

(Поднимается задній занавѣсъ. Видѣнъ прекрасный садъ, въ глубинѣ котораго зданіе съ семью галлреями; въ каждую галлерею ведетъ особенная дверь, къ срединѣ которой прикрѣплены пряльки и веретено; подлѣ пряльки въ дверяхъ сдѣланы два отворстія такой величины, что можно просунуть обѣ руки. Все украшено романтически. Хоръ заколдованныхъ занимается садовою работой; танцующій хоръ составляетъ балетъ. Входятъ графъ Фридрихъ и Магъ. Магъ прекращаетъ разговоръ съ графомъ и тотчасъ же удаляется въ сторону. Фридрихъ подаетъ знакъ хорамъ. Они становятся по обѣимъ сторонамъ).

ФРИДРИХЪ.

Ну, скорѣй пробудитесь отъ сна!
Къ вамъ взываютъ друзья!
Стройнымъ звукамъ внемлите!
Въ руки пряльки берите!

ХОРЪ.

Ну жъ, скорѣй пробудитесь отъ сна!
Къ вамъ взываютъ друзья...

ХОРЪ ЖЕНЩИНЪ, ИЗНУТРИ.

Не тревожьте вы насъ, не тревожьте вы насъ!
О, друзья, умоляемъ мы васъ!
Впрочемъ, пусть голосовъ вашихъ звукъ
Обольщаетъ, чаруетъ нашъ слухъ!
Не тревожьте вы насъ,
Умоляемъ мы васъ!

ХОРЪ МУЖЧИНЪ.

Пробудитесь отъ сна!
Къ вамъ взываютъ друзья!
Ну, за дѣло спѣшите —
Въ руки пряльки берите!
Пробудитесь отъ сна —
Къ вамъ взываютъ друзья!

(*Изъ отверстій показываются руки, которыя берутся за пряльки и веретена, и начинаютъ прясть.*

ХОРЪ МУЖЧИНЪ.

Прядите, прядите
Живѣе, быстрѣй:
Окончить спѣшите
Работу скорѣй.

ХОРЪ ЖЕНЩИНЪ, ИЗЪ ВНУТРИ.

Въ надеждѣ пріятно
За прялкой сидѣть,
И ждать такъ отрадно
Спасенья себѣ...
Но увидѣть ли намъ вновь
И родныхъ и друзей?

ХОРЪ МУЖЧИНЪ.

Прядите, прядите,
Живѣе, быстрѣй!
Окончить спѣшите
Работу скорѣй!

(Всѣ семь дверей отворяются. Изъ средней выходитъ Маріанна безъ маски; изъ двухъ ближайшихъ Софья и Люція. За ними въ порядкѣ оттуда же выходятъ поющій и танцующій хоры. Поющій хоръ женщинъ уходитъ въ сторону къ хору мужчинъ, Маріанна къ Фридриху, оба танцующіе хора соединяются въ балетъ; между тѣмъ поютъ).

ХОРЪ МУЖЧИНЪ И ЖЕНЩИНЪ.

Дѣти! танецъ начните
Круговой — хоровой!

Какъ идетъ онъ, взгляните,
Къ молодежи живой!
Пряжки прочь! только въ руки
Чуть работу возьмешь —
И въ минуту со скуки
Утомишься, уснешь...
Лучше танцы начните —
Оживите въ нихъ кровь!
Вновь надѣйтесь, любите!
Пусть цвѣтетъ вѣкъ любовь!

Лила, (*которая въ продолженіе предыдущаго танца показывалась нѣсколько разъ, при послѣдней строфѣ вступаетъ въ середину танцующихъ и поющихъ. Она одѣта въ бѣлое платье, украшенное цвѣтами и яркими красками*). И такъ я нахажу васъ вмѣстѣ! Какъ долго я была лишена этого удовольствія! Смѣю ли я надѣяться, что сила демона скоро прекратится?

Софья. Она ужъ прекратилась отъ твоего присутствія. Здравствуй, сестрица!

Лила. Здравствуй, Софья! Люція, здравствуй! Маріанна, ты ли это?

Маріанна. Обними меня, милая подруга! (*Всѣ привѣтствуютъ ее, обнимаютъ и цѣлуютъ ея руки*).

Лила. Какъ странно вы одѣты!

Люція. Мы надѣемся скоро избавиться отъ этихъ платьевъ, отъ этихъ тяжелыхъ украшеній.

Лила. Что за странное явленіе подходитъ сюда?

Магъ. Неужели ты не узнаешь меня, моя милая?

Лила. Скажите мнѣ—гдѣ я: все и даже сама себѣ я кажусь странной. Развѣ это не нашъ садъ! Развѣ это не нашъ павильонъ? Что за маскарадъ среди бѣлаго дня? Если я не ошибаюсь, такъ ты моложе, чѣмъ какимъ кажешься. Эта борода не пристала къ твоему подбородку.

Магъ. Чрезъ нѣсколько минутъ ты снова увидишь меня. Ты ужъ близь цѣли: между своими домашними; скоро исполнится и послѣднее твое желаніе: ты обнимешь своего супруга.

(*Уходитъ*).

ЛИЛА.

Я знаю,
Ужъ близко мой милый,
И васъ умоляю,
Небесныя силы —
О, дайте обнять,
О, дайте мнѣ къ сердцу прижать
Кого я любила,
Въ комъ рай находила...
О, дайте мнѣ счастіе снова узнать.

(*Входятъ: баронъ, графъ Альтенштейнъ, Фераціо — въ обыкновенномъ платьи*).

Баронъ. Не удерживайте дольше меня! Любезный докторъ, если ваши средства подѣйствовали, такъ теперь ужъ время увѣрить ее въ дѣйствительности!—Лила, милая! супруга моя!

Лила. О, небо! мой супругъ! Откуда ты? столько ожидаемый и такъ неожиданно! Дядюшка! Друзья мои! супругъ мой! (*Во время изъявленія радости при свиданіи хоръ поетъ*).

ХОРЪ.

Лила! онъ твой!
Добрые духи его оживили,
Снова тебѣ возвратили
Прежній покой, —
Вмѣстѣ съ тобою и намъ,
Близкимъ твоимъ и друзьямъ...
Лила скорѣй
Въ объятья друзей!

ФРИДРИХЪ.

Снова въ лобзаньяхъ его оживи,
Снова увѣруй въ блаженство любви:
Что прежде мечта отняла у тебя,
То снова тебѣ возвращаетъ она!

ХОРЪ.

Лила! онъ твой!
Добрые духи его оживили,
Снова тебѣ возвратили
Прежній покой.

МАРІАННА.

Сколько страданій и слезъ
Твой другъ отъ тебя перенесъ!
Мечтою своею, о Лила!
Ты всѣхъ насъ веселья лишила.

ХОРЪ.

Вмѣстѣ съ тобою и намъ
Ближнимъ твоимъ и друзьямъ...
Лила, скорѣй —
Въ обьятья друзей!

ЛИЛА.

Милый, безцѣнный! опять я твоя!
Крѣпче, скорѣй обними ты меня!
Счастье безмѣрно! гдѣ силы мнѣ взять
Полное счастіе сердцемъ обнять?

ХОРЪ.

Скука, сомнѣнье,
Грусть, огорченья —
Скройтесь отъ насъ!
Радости вѣчныя,
Игры безпечныя —
Къ намъ сей же часъ
Вы возвратитесь,
И воскресите
Счастье друзей!
Пусть придутъ дни
Вѣчной любви
Снова для ней.

СТРАШНОЕ ПРОЩАНІЕ.

Разсказъ А. Иванова.

— Скоро ли пріѣдете вы погостить ко мнѣ въ деревню? спрашивалъ у меня добрый знакомый мой, Конрадъ Адамычъ Шмельценбергъ, каждый разъ какъ только пріѣзжалъ онъ изъ своей деревни по торговымъ дѣламъ въ Ревель. — Неужели вамъ тягостно разстаться хотя на одну недѣлю съ городомъ?... Линхенъ моя безпрестанно журитъ меня за то, что я не могу васъ никогда къ себѣ заманить.— Кажется, моя деревня не далеко отъ сюда: всего сорокъ верстъ.... Соберитесь-ка, да пріѣзжайте; ручаюсь, что у меня не соскучитесь.... Да какой я выстроилъ домъ! — Громада! и садъ развелъ, — въ англійскомъ вкусѣ.... Кстати-же недавно сказывалъ мой ловчій, что въ моемъ лѣсу нынче очень много появилось зайцевъ и дичи, — такъ мы съ вами имъ поукротимъ поводья. Вѣдь я знаю, вы любите поохотиться....

— Пріѣду, пріѣду, говорилъ я ему всегда, торопясь остановить потокъ его словоохотливости:—непремѣнно пріѣду....

— Смотрите-же, не обманите, а не то со мной дешево не раздѣлаетесь... Прощайте, жду васъ на той недѣлѣ. Поѣду, обрадую мою Линхенъ... До свиданія!..

И весело садился онъ на свои легковые дрожки, запряженные парою здоровыхъ сѣрыхъ лошадей, торопясь поскорѣй прижать къ груди своей счастливую супругу. Конрадъ Адамычъ, потомокъ древней рыцарской фамиліи, былъ человѣкъ характера смѣшеннаго; кротокъ и пылокъ, щедръ и расчетливъ, хорошій хозяинъ, плохой экономъ, а на придачу добрый мужъ. — Ему отъ роду было тогда не болѣе сорока лѣтъ, но онъ сохранилъ всю свѣжесть своего, всегда улыбающагося, лица. — Окончивъ свое воспитаніе въ Дерптскомъ университетѣ, въ то время, когда войска наши, предводительствуемыя Дибичемъ-Заболканскимъ, громили предѣлы Турціи, Шмельценбергъ, пылая ревностію отличиться и омыть отцовскій мечь въ крови невѣрныхъ, поскакалъ въ дѣйствующую армію и опредѣлился въ ...скій гусарскій полкъ. Ему посчастливилось: въ короткое время онъ за храбрость получилъ два чина, крестъ; бытъ раненъ въ мизинецъ лѣвой ноги и по окончаніи компаніи вышелъ *за ранами* въ отставку, и возвратился въ Ревель для излеченія.

Въ Ревелѣ судьба сблизила Шмельценберга съ Каролиной Карловной, прехорошенькой молодой дѣвушкой, обладавшей всѣми лучшими качествами: мастерицей сбить сливочное масло и присмотрѣть за кострюльками. Она такъ

же какъ и Шмельцевбергъ, была сирота и находилась подъ опекою своего дяди Гретингаузена,— добраго веселаго старика, который принесъ дань своему рыцарству, послужился до сѣдыхъ усовъ въ уланахъ, но потомъ, соскучившись на службѣ, вышелъ въ отставку за неимѣніемъ ранъ—поручикомъ.

Шмельценбергъ и Линхенъ съ каждымъ днемъ чувствовали, что любовь ихъ усиливается, а старикъ Гретингаузенъ находилъ, что это такъ быть должно, по всѣмъ правиламъ политики и стратегіи. Онъ душевно желалъ ихъ соединенія. Наконецъ, какъ водится, молодые люди объяснились; получили согласіе дяди на соединеніе законнымъ бракомъ.

Вскорѣ послѣ сватьбы, Шмельценбергъ и Линхенъ совершенно счастливыми уѣхали изъ Ревеля въ свою деревню, въ сопровожденіи дяди, который, смотря на счастливую чету, потиралъ руки и нетерпѣливо желалъ имѣть хорошенькихъ внучатъ.— Желаніе его исполнилось рожденіемъ двухъ прекрасныхъ мальчиковъ, съ которыми часто, забывая свою старость, онъ игралъ въ лошадки и солдатики.

Давая Шмельценбергу каждый разъ обѣщаніе пріѣхать къ нему въ деревню, я никогда не исполнялъ его. — Но однажды, это было въ половинѣ лѣта, я захотѣлъ сдержать свое слово и, выбравъ хорошую погоду, рано утромъ поскакалъ на тройкѣ въ помѣстье Шмельценберга.

— Насилу-то я васъ дождался, говорилъ мнѣ обрадованный Шмельценбергъ: а признаюсь думалъ, что вы меня опять обманете и собирался было на васъ разсердиться... Пойдемте поскорѣй къ моей женѣ... И онъ повелъ меня по красивенькой лѣстницѣ, съ рѣзными дубовыми перильцами, во второй этажъ.

При входѣ нашемъ въ прекрасную и со вкусомъ убранную гостиную, встрѣтили меня-прелестная Линхенъ, съ двумя амурчиками и добрый Гретингаузенъ. Очаровательная, радостная улыбка и ласковыя привѣтствія добродушной хозяйки привели меня въ восторгъ и я съ завистію смотрѣлъ на счастіе Шмельценберга. — Послѣ первыхъ порывовъ радости, посыпались на меня со всѣхъ сторонъ распросы о Ревельскихъ новостяхъ, о тамошнемъ весельѣ и обо всѣхъ мелочахъ, такъ занимательныхъ для живущихъ въ деревнѣ. Между тѣмъ время подошло къ обѣду, и слуга доложилъ, что кушанье подано. Мы отправились въ столовую; обѣдъ былъ не пышный, но приготовленный со вкусомъ.

Веселый, непринужденный разговоръ не мѣшалъ хорошему аппетиту. Старичекъ Гретингаузенъ по обыкновенію занималъ и смѣшилъ насъ веселыми анекдотами; Шмельценбергъ и Линхенъ восхищали меня своею внимательностію другъ къ другу. — Они вполнѣ были счастливы, и смотря на ихъ семейное блаженство, на ихъ милевькихъ сыновей, высказывавшихъ уже съ раннихъ лѣтъ природную остроту ума, я, по окончаніи обѣда, поколебался въ моей рѣшительности остаться навсегда холостякомъ. — Они ввели меня въ искушеніе... Тѣмъ болѣе пріятно было смотрѣть на эту счастливую чету, что оба они съ первыхъ дней своей супружеской жизни ни сколько не перемѣнились. И не смотря на девятилѣтнее супружество, все такъ же нѣжно любили другъ друга.

Хотя въ Ревелѣ и весело жить лѣтомъ, но деревенская жизнь въ это время несравненно пріятнѣе городской. — Въ деревнѣ царствуетъ непринужденность и сельская простота. Очень не мудрено, что, вмѣсто того, чтобъ пробыть у Шмельценберга, какъ я хотѣлъ, только нѣсколько дней, пробылъ у него двѣ недели и во все это время блаженствовалъ. — Съ утра отправлялся я каждый день съ хозяиномъ на охоту въ обширный лѣсъ, отдаленный отъ его дома на двѣ версты; травили тамъ собаками зайцевъ и лисицъ, стрѣляли дичь и прорыскавъ такимъ образомъ до полудня, мы возвращались утомленными домой, гдѣ встрѣчала насъ всегда съ ангельскою улыбкою и простодушною привѣтливостію добрая Линхенъ. Послѣ вкуснаго и сытнаго обѣда катались мы на красивенькомъ яликѣ по озеру, или отдыхали въ саду подъ тѣнію липъ. — Вечеромъ, если погода была хороша, прогуливались всѣ по живописнымъ окрест-

ностямъ; — если-же шелъ дождь, то оставались дома и, расположась въ гостиной, садились около круглаго стола, и веселый Гретингаузенъ занималъ насъ какимъ нибудь разсказомъ. Такимъ образомъ время летѣло у насъ не примѣтно.

Однажды Шмельценбергъ, возвратившись къ обѣду съ присмотра за полевыми работами, утомленный, вошелъ въ комнату, въ которой сидѣли: Линхенъ, Гретингаузенъ и я. Онъ сказалъ:

— Какой ужасный жаръ!... нѣтъ возможности быть на открытомъ воздухѣ; солнце такъ и печетъ... Непремѣнно будетъ сегодня сильная гроза.

Въ самомъ дѣлѣ жаръ былъ не обыкновенный, и во весь этотъ день никто изъ насъ не сдѣлалъ изъ дома ни одного шага. Послѣ обѣда разошлись мы всѣ по своимъ комнатамъ, и вышли изъ нихъ не ранѣе, какъ ужъ стало смеркаться. Въ гостиной ждалъ насъ кипящій самоваръ и мы расположились пить чай.

Между тѣмъ все небо стало покрываться сѣрыми тучами и вскорѣ засвисталъ сильный вѣтръ; полился проливной дождь; грянулъ громъ и заблистала молнія.

— Ну не правду ли я говорилъ, что будетъ гроза? сказалъ Шмельценбергъ, при первомъ ударѣ грома. Посмотрите-ка, какой ливень; — давно-бы ужъ пора пожаловать къ намъ хорошему дождичку, а то поля совершенно высохли.

Мы также подбѣжали всѣ къ окнамъ и стали смотрѣть на небо.

— Ахъ какая страшная молнія! говорила испуганная Линхенъ.

— Мама, мама! какъ страшно! кричали дѣти, тѣснясь около нея.

— Карлъ! Францъ! какъ вамъ не стыдно бояться грома, со смѣхомъ ободрялъ дѣдушка своихъ внучковъ.— Ахъ, вы трусы! а еще хотите итти на войну... Не стыдно ли вамъ, мои воины; этакъ пожалуй я на васъ и разсержусь...

— Нѣтъ, нѣтъ! дѣдушка, мы не боимся, ободрившись отвѣчали дѣти.

А я?... я сначала бросилъ только бѣглый взглядъ на бушующую стихію, но потомъ, устремивъ свои глаза на прекрасное лице Линхенъ, забылъ все земное и наслаждался какимъ то высокимъ, невыразимымъ, не понятнымъ чувствомъ, смотря на ея томные, выражающіе доброту души, голубые глаза.

— Громъ гремѣлъ, дождь лилъ, но мы уже не обращали на него больше вниманія, а спокойно сидѣли около стола, близь нашей милой хозяйки. Не знаю отъ чего-то, въ этотъ вечеръ мы всѣ были молчаливы; — начинали разговаривать, но все какъ-то у насъ не ладилось и мы не примѣтно погружались въ задумчивость. Наконецъ Гретингаузенъ, непривычный къ краснорѣчивому молчанію, сказалъ почти съ досадой:

— Да что это мы сидимъ сегодня, повѣся носъ? это скучно... Разсказали бы лучше что нибудь позанимательнѣе.

— Покажите намъ примѣръ, отвѣчалъ Шмельценбергъ.

— Не вѣчно-же, мои милые, быть мнѣ разсказщикомъ; надо и самому когда нибудь послушать.

— Мы, дядюшка, ничего не знаемъ, да и не умѣемъ такъ прекрасно разсказывать, какъ вы, сказала съ улыбкою хозяйка.

— Хорошо, такъ и быть, изволь, моя милая, улыбаясь съ самодовольствіемъ, говорилъ Гретингаузенъ: — да что бы такое вамъ разсказать?

— Разскажите какое нибудь происшествіе изъ вашей жизни, заговорилъ я въ свою очередь; и, знаете, такое, которое было бы пострашнѣе. Теперь-же въ такую погоду чудесно слушать разсказъ, который производитъ на слушателей впечатленіе и заставляетъ ихъ чувствовать маленькую робость.

— Происшествіе, случившіеся со мною, страшное! повторялъ онъ въ размышленіи и какъ бы припоминая что-то ужасное, но потомъ опомнившись сказалъ: — извольте; я вамъ разскажу мое страшное прощаніе съ умершимъ другомъ. Можетъ быть это происшествіе покажется вамъ невѣроятнымъ, но оно точно со мною случилось. — Извольте слушать. Мы всѣ подвинулись къ нему поближе и онъ началъ.

Однажды полкъ, въ которомъ я служилъ, стоялъ въ уѣздѣ небольшаго города В....ской губерніи.— Я былъ тогда еще довольно молодъ, не дуренъ собою, ловокъ, отлично танцовалъ и съ этими качествами былъ любимъ всѣми тамошними помѣщиками, и принимаемъ въ ихъ домахъ съ радушіемъ. Въ числѣ моихъ знакомыхъ былъ отставной ротмистръ Лендерновъ, — холостой человѣкъ, лихой малый, съ достаткомъ, съ доброю душею словомъ, стало быть, со всѣми хорошими качествами. Сначала мы были съ нимъ только хорошіе пріятели, но въ короткое время сдѣлались большими друзьями и почти всегда были неразлучны. Три года нашъ полкъ простоялъ въ этомъ уѣздѣ и по прошествіи этого срока намъ былъ отданъ приказъ итти въ С....кую губернію и я съ Лендерновымъ долженъ былъ разстаться.

Горестно было наше прощаніе: долго сжимали мы другъ друга въ объятіяхъ и клялись въ вѣчной дружбѣ; — незнаю почему-то онъ безпрестанно твердилъ мнѣ: — Ахъ, еслибъ мнѣ еще удалось когда нибудь увидѣть тебя. Наконецъ въ какомъ-то забвеніи, съ пылающимъ взоромъ, какъ помѣшанный, сказалъ: — Нѣтъ, я не умру безъ того, чтобъ предъ смертію не прижать тебя еще разъ къ груди моей!!!... Признаюсь, я ни какъ не могъ понять словъ его и думалъ, что это происходитъ отъ тоски, разлуки со мною; но впослѣдствіи увидѣлъ, что они вынуждены были тягостнымъ предчувствіемъ. Наконецъ я съ нимъ разстался, давъ слово непремѣнно пріѣхать къ нему въ отпускъ.

Къ несчастію, я никакъ немогъ исполнить моего обѣщанія, потому-что вскорѣ послѣ прибытія нашего полка въ С...кую губернію, я отправленъ былъ на Кавказъ, гдѣ пробывъ четыре года, неполучалъ ни разу ни какого извѣстія отъ Лендернова; между тѣмъ какъ самъ писалъ къ нему всякой разъ, какъ только позволяли обстоятельства.

Въ концѣ четвертаго года, моего пребыванія на Кавказѣ, въ небольшой стычкѣ съ горцами я былъ сильно раненъ въ ногу, и по излеченіи возвращенъ былъ въ прежній полкъ, который все еще стоялъ въ С...кой губерніи. Пріѣхавъ туда, прежде всего старался я разузнать у своихъ товарищей объ моемъ другѣ и съ удивленіемъ услышалъ, что онъ женился и живетъ въ своемъ помѣстьѣ. Ни сколько не медля, отправился я въ отпускъ и поскакалъ къ Лендернову; все время тяготила меня какая-то непонятная грусть: я тосковалъ, не въ силахъ будучи дать себѣ отчета; сердце мое предчувствовало что-то недоброе.

Пять дней безъ отдыха, я скакалъ къ моему другу, наконецъ пріѣхалъ въ помѣстье Лендернова; съ удивленіемъ замѣтилъ на лицахъ попадавшихся мнѣ на встрѣчу крестьянъ какую-то печаль. — Неужели Лендеровъ женился, и перемѣнился, думалъ я, и сталъ притѣснять своихъ крестьянъ, прежде онъ былъ очень добръ.

Но вотъ уже ямщикъ мой осадилъ своихъ лошадей передъ воротами господскаго двора и своимъ: — «Пріѣхали, ваше благородіе», вывелъ меня изъ размышленія... Отдавши пріѣхавшему со мной деньщику свою шинель, я выскочилъ изъ телѣги, бѣгу во дворъ и съ удивленіемъ вижу собравшуюся у крыльца дома, толпу крестьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ плакали, а лица другихъ выражали горькую печаль. Остановившись, спросилъ я о причинѣ этого и меня поражаетъ неожиданный отвѣтъ: — Ахъ, батюшка баринъ! да развѣ твоей милости неизвѣстно, что кормилецъ-то нашъ Александръ Петровичъ умеръ?

— Умеръ? Боже мой, Лендерновъ умеръ! вскричалъ я въ испугѣ и побѣжалъ безъ памяти въ покои.

Въ дорожномъ платьѣ, весь въ пыли, какъ полоумный вбѣжалъ я въ залу — и глазамъ моимъ представилась сцена, раздирающая сердце... На столѣ лежалъ трупъ моего друга; жена умершаго,—прекрасная молодая,—блѣдна, какъ мраморъ, стояла, окруженная родственниками, у бренныхъ остатковъ своего супруга; глухія рыданія вырывались изъ стѣсненной груди ея. — Всѣ присутствующіе въ залѣ смотрѣли на меня съ удивленіемъ, но я, необращая ни на что вниманія, бросился къ тѣлу моего друга. —

Боже! какъ онъ измѣнился! не возможно было узнать въ немъ, прежде прекраснаго, полнаго жизни, — лица Лендернова! Багровыя пятна на щекахъ, полуотверзтыя, посинѣлыя уста, всклокоченные волосы и полузакрытые, закатившіеся подъ лобъ глаза его приводили меня въ невольное содроганіе.

Между тѣмъ, когда первые порывы сильной печали моей утихли, я вспомнилъ, что еще не отрекомендовалъ себя супругѣ моего друга и подошелъ къ ней.

— Сударыня, сказалъ я ей:—вѣроятно, поступки мои кажутся вамъ странными, но надѣюсь, вы слышали отъ покойнаго Александра Петровича, что у него былъ искренній другъ Гретингаузенъ?—Этотъ несчастный другъ его—я.

— Ахъ, Боже мой! онъ весьма часто говорилъ мнѣ объ васъ... Очень рада васъ видѣть; — жаль только, что вы опоздали пріѣхать, и не застали насъ въ то время, какъ мы наслаждались съ нимъ счастіемъ и. . . . она не могла продолжать далѣе; сильныя рыданія прервали ея слова и несчастная снова бросилась обнимать умершаго.

Не желая отягощать собою несчастной вдовы, безъ того уже истерзанной сильною горестью, я хотѣлъ удалиться, въ намереніи остановиться на время въ какой нибудь крестьянской избѣ. Но она неотступною прозьбою заставила меня остаться у нея въ домѣ. Мнѣ хотѣли отвести такую комнату, которая была бы отдалена отъ залы, въ которой лежалъ покойникъ, но я просилъ позволенія занять его кабинетъ, смѣжный съ тою залою, и поспѣшилъ туда, чтобъ снять съ себя дорожное платье.

Во время моего переодеванья, вошелъ ко мнѣ двоюродный братъ Лендернова, Апрѣлевъ, который былъ мнѣ также очень коротко знакомъ.

— Извините, что я вошелъ къ вамъ. неспросясь.

— Сдѣлайте одолженіе, Ѳедоръ Ивановичъ, отвѣчалъ я ему, торопясь надѣть на себя сюртукъ:—вы очень кстати пришли, потому что мнѣ хочется разспросить у васъ всѣ подробности смерти Александра Петровича.

— Да съ, проговорилъ Апрѣлевъ, — вздыхая и садясь со мною на канапе: — точно неожиданно лишился я брата.—Извольте, я вамъ разскажу, какъ нагрянула къ нему эта незваная гостья. — Третьяго дня братъ мой былъ необыкновенно скученъ, такъ что даже ласки любимой жены не въ силахъ были его развеселить. Желая чѣмъ нибудь разсѣять его скуку, я предложилъ ему ѣхать со мной верьхомъ прогуляться. — Онъ согласился и мы отправились осматривать поля; но не успѣли проѣхать полуверсты, какъ вдругъ онъ почувствовалъ сильную боль въ груди. — Немедля ни минуты, воротились мы мы домой; дорогою ему становилось все хуже и хуже, — и по пріѣздѣ домой я испугался, взглянувъ на лицо Александра, покрытое смертною блѣдностію. — Онъ едва держался на лошади и я закричалъ людямъ. На крикъ мой тотчасъ выбѣжало нѣсколько слугъ, съ помощію которыхъ снялъ я брата съ сѣдла и, такъ какъ онъ не могъ отъ слабости итти самъ, то мы понесли его на рукахъ; положили въ постель и послали въ городъ за докторомъ. Во всемъ домѣ поднялась страшная тревога: жена рыдала, слуги суетились и я не зналъ, что дѣлать.

Между тѣмъ братъ получилъ маленькое облегченіе и подозвавъ къ себѣ жену свою и меня, проговорилъ слабымъ голосомъ:—Простите, друзья мои! простите, безцѣнная моя Леонтина! . . я чувствую, что долженъ скоро умереть; пошлите скорѣй за священникомъ. — Леонтина безъ чувствъ осталась на мѣстѣ.— Признаюсь, я былъ тогда въ самомъ критическомъ положеніи и не зная, что начать, самъ плакалъ какъ ребенокъ. Однако, кое какъ, съ помощію горничныхъ, привелъ я несчастную, полумертвую Леонтину въ чувство. Между тѣмъ вскорѣ пришелъ къ намъ священникъ и началъ исповѣдывать умирающаго. Причастившись святыхъ тайнъ, братъ мой захотѣлъ успокоиться и погрузился вскорѣ въ глубокой сонъ.

Сначала лице его было спокойно, но потомъ вдругъ стало оно синѣть и покрываться багровыми пятнами.—Мы всѣ

испугались; я подбѣжалъ къ спящему, взялъ его руку — она была холодна, пощупалъ пульсъ и онъ не бился болѣе... Ужасъ овладѣлъ мною и я, какъ безумный, вскричалъ—онъ умеръ!!!—Умеръ! повторили всѣ вдругъ за мной съ испугомъ.. Леонтина бросилась безъ памяти на хладный уже трупъ своего несравненнаго Александра и снова лишилась чувствъ.

Вскорѣ пріѣхалъ докторъ, но тому, для кого посылали за нимъ, не нужна была болѣе помощь.

— Скажите, пожалуйста, перебилъ я Апрѣлева:—что за причина такой внезапной смерти вашего брата?

—Докторъ сказалъ намъ, отвѣчалъ онъ, что у Александра сдѣлался приливъ крови.

— Удивительно! продолжалъ я, кажется, другъ мой совсѣмъ не былъ полнокровенъ. Теперь скажите мнѣ, давно ли онъ женился и почему онъ не писалъ ко мнѣ на Кавказъ ни одного письма?

— Братъ женился на Леонтинѣ чрезъ годъ послѣ вашего отъѣзда. Къ вамъ же онъ писалъ сначала нѣсколько разъ: но потомъ вдругъ разнесся слухъ, что вы убиты горцами и онъ, оплакавъ вашу смерть, разумѣется пересталъ и писать къ вамъ.

— Удивляюсь, что меня считали убитымъ! это былъ пустой слухъ, сказалъ я вставая, и мы оба пошли въ залу, гдѣ сидѣла въ то время печальная, но и въ самой печали прекрасная вдова.

При входѣ нашемъ въ залу она указала мнѣ на стулъ возлѣ себя и просила сѣсть.—Я повиновался и она начала меня разспрашивать о томъ, какъ я подружился съ ея покойнымъ мужемъ.. Разговоръ этотъ былъ для насъ обоихъ пріятенъ; я вполнѣ раздѣлялъ ея печаль и, кажется, немного успокоилъ ее этимъ.— Между тѣмъ время летѣло, наступила ночь и всѣ съ печальными чувствами разошлись по своимъ комнатамъ.

Утомившись отъ дальной дороги и не спавши почти пять сутокъ, я спѣшилъ броситься въ постель, но ни какъ немогъ тотчасъ-же заснуть. Невольно стали гнѣздиться въ моей головѣ непріятныя мысли... Я вспомнилъ послѣднія слова Лендернова, сказанныя имъ при прощаніи со мною; вспомнилъ также, что онъ обѣщался не умереть безъ того, чтобъ неприжать меня предъ смертію къ груди своей — и съ горестію видѣлъ всю ничтожность вашихъ обѣтовъ.—Наконецъ, занятый подобными размышленіями, я заснулъ на той самой постелѣ, на которой умеръ другъ мой; но мнѣ не переставали грѣзиться непріятныя сны и я спалъ безпокойно.

Около полночи или ранѣе, я этого не знаю, вдругъ разбудилъ меня скрыпъ дверей ведущихъ изъ залы ко мнѣ въ комнату. — Я проворно обернулся, чтобъ посмотрѣть, кто ихъ отворяетъ и . . . какъ бы вы думали, кого я увидѣлъ? — Кто отворяетъ дверь?... мертвецъ!!!!

На этомъ послѣднемъ словѣ Гретингаузенъ сдѣлалъ такое сильное удареніе, что мы, слушавшіе его со вниманіемъ, вдругъ вздрогнули; во потомъ, стыдясь своего испуга, просили его продолжать.

— Клянусь, началъ опять Гретингаузенъ, я никогда не вѣрилъ тому, чтобъ мертвецы изволили забавляться прогулкою по ночамъ; но при видѣ этаго явленія, холодная дрожь пробѣжала у меня по всему тѣлу.—Невѣря глазамъ своимъ, я думалъ, что это только игра разгоряченнаго воображенія и хотѣлъ вскочить съ постели, но отъ ужаса силы меня оставили. . . Я не могъ пошевелить ни однимъ членомъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на обезображенное смертію лицо Лендернова, который, подошедъ сперва къ теплившейся у образа лампадѣ, повелъ потомъ сверкающими глазами своими по всему кабинету. . . Взоры его встрѣтились съ моими; я хотѣлъ закричать, но отъ страха у меня языкъ какъ бы отнялся и я не могъ этаго сдѣлать. Увидѣвъ меня на своей кровати, онъ сначала какъ будто бы удивился, но подошедъ потомъ ко мнѣ и устремивъ свои ужасные глаза на меня, казалось, старался что-то припомнить. — Гретингаузенъ! другъ мой! тебя ли я вижу? — и такъ желаніе мое умереть на груди друга исполнилось, — вскричалъ вдругъ мертвецъ глухимъ могильнымъ

голосомъ, и бросился обнимать меня и цѣловать мое лице своими холодными какъ ледъ, посинѣлыми устами. Судите же сами въ какомъ критическомъ положеніи я тогда находился. . . То, что я тогда чувствовалъ, невозможно выразить словами. Мертвецъ все сильнѣе и сильнѣе сжималъ меня въ своихъ объятіяхъ, отъ которыхъ я ни какъ не могъ освободиться и лишился наконецъ чувствъ.

Уже былъ день, когда, пришедъ въ себя, я услышалъ, что около меня суетятся: докторъ, Апрѣлевъ и мой деньщикъ. Позабывъ ночное происшествіе, не понималъ я о чемъ они хлопочутъ и съ удивленіемъ спросилъ у нихъ: что́ такое случилось?

— Ничего-съ, ничего-съ, отвѣчалъ мнѣ докторъ; успокойтесь не много и не говорите ни слова; съ вами былъ обморокъ.

— Обморокъ? повторилъ я съ удивленіемъ.

— Да-съ, сударь, обморокъ.

— Но разскажите по крайней мѣрѣ отъ чего? требовалъ я неотступно.

— Послѣ все узнаете, но теперь, прошу васъ, не говорите ни слова, если только хотите, чтобъ съ вами не сдѣлалось хуже, отвѣчалъ мнѣ докторъ и велѣлъ потомъ всѣмъ выйти изъ кабинета, а самъ между тѣмъ занялся составленіемъ какого то лекарства.

Нехотя повинуясь его приказанію, я замолчалъ, не понимая причины моего обморока; но потомъ вдругъ въ памяти моей мелькнуло какое-то ужасное происшествіе. Я сталъ припоминать и наконецъ вспомнилъ о случившемся со мною ночью; — однако ни какъ не могъ увѣриться, чтобъ это было на яву, а не во снѣ. Теряясь въ догадкахъ, я вскочилъ съ постели и вскричалъ: — господинъ докторъ! неужели со мной случилось что нибудь ужасное на яву?

Тише тише, молчите, вамъ вредно говорить отвѣчалъ докторъ, послѣ все *узнаете*.

Но я не могъ молчать и тотчасъ разсказалъ ему все какъ было, и онъ послѣ долгаго молчанія, какъ бы боясь испугать меня, отвѣчалъ: — Да-съ, все это точно было на яву.

— Можетъ-ли быть, вскричалъ я съ удивленіемъ:—ни когда не повѣрю, чтобъ мертвецъ могъ ко мнѣ притти....

— Къ вамъ приходилъ не мертвецъ, а живой человѣкъ. . . Видите какъ это случилось: Лендерновъ не умеръ, но впалъ только въ предсмертный летаргическій сонъ. Сего дня ночью, дьячекъ, читавшій по умершемъ псалтирь, вышелъ въ людскую напиться и, позабывъ свою должность, заговорился тамъ съ пеставшими еще лакеями. Во время его отлучки мнимоумершій, проснувшись отъ летаргическаго сна, всталъ со стола; пошелъ къ въ свой кабинетъ и нашелъ васъ тутъ, узналъ, кто вы, — и, какъ вы сами говорите, заключилъ васъ въ свои объятія. Между тѣмъ дьячекъ воротился въ залу и не нашедъ покойника на столѣ, съ испугомъ выбѣжалъ оттуда вонъ и поднялъ ужасную тревогу. Всѣ сбѣжались къ нему и насилу поняв причину его испуга, въ ужасѣ не знали, что́ дѣлать. Вспомнивъ объ васъ, я удивился, что шумъ, произведенный нами, не могъ васъ разбудить и вошелъ къ вамъ, чтобъ посмотрѣть спите ли вы... Признаюсь, сначала я обмеръ отъ страха, увидѣвъ васъ лежащаго съ мертвецомъ; но потомъ опомнился и, подошелъ къ вамъ, замѣтилъ съ большимъ удивленіемъ въ Лендерновѣ слабые признаки жизни, а васъ нашелъ въ сильномъ обморокѣ. Прежде, нежели успѣли мы освободить васъ отъ объятій Лендерновa — онъ уже умеръ и мы отнесли его на прежнее мѣсто. — И съ вами-то также было много хлопотъ, прибавилъ докторъ. Насилу привели мы васъ въ чувство. А уже я думалъ, что съ вами сдѣлается горячка, всегдашнее слѣдствіе сильнаго потрясенія чувствъ; однако, слава Богу, все кончилось счастливо.

Хотя я повѣрилъ словамъ доктора, но какъ-то не былъ убѣжденъ въ томъ, что Лендерновъ приходилъ ко мнѣ живымъ, а не мертвымъ. — Чрезъ день мы

его похоронили и я тотчасъ-же послѣ похоронъ уѣхалъ въ свой полкъ. . . Но страшное прощаніе съ Лендерновымъ глубоко запечатлѣлось въ моемъ сердцѣ.»

Этими словами окончилъ Гретингаузенъ свой разсказъ, который произвелъ на всѣхъ насъ, слушавшихъ его съ удовольствіемъ, сильное впечатлѣніе.

А. ИВАНОВЪ.

ИСПАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

О ЧЕСТИ, КАКЪ О ГЛАВНОМЪ ОСНОВАНІИ ДРАМЫ. — ТЕАТРЪ КАЛЬДЕРОНА, РОХАСА И ДР.

Честь, у драматическихъ поэтовъ Испаніи, въ нѣкоторомъ отношеніи тоже, что была *судьба* у древнихъ греческихъ трагиковъ. Она является у нихъ какимъ-то таинственнымъ существомъ, которое владычествуетъ надъ жизнію изображаемыхъ ими лицъ, управляетъ ихъ волею, заставляетъ жертвовать самыми естественными чувствами и наклонностями, увлекая, то къ дѣйствіямъ самаго высокаго самоотверженія, то къ преступленіямъ и злодѣяніямъ самымъ ужаснымъ. Послѣднія однакоже не кажутся такъ отвратительными, потому что свойство ихъ измѣняется внутреннимъ побужденіемъ и неизбѣжною роковою необходимостію, которая заставила ихъ совершить. — *Честь* у испанскихъ писателей не есть добродѣтель, въ смыслѣ, который даетъ этому слову христіанская религія, а что-то совершенно особенное, часто даже совершенно противуположное и болѣе сходное съ побужденіями дикихъ, съ побужденіями возвышенными и въ тоже время совершенно безотчетными. Сдержать, во что бы то ни стало, однажды данное слово, и тогда даже, когда его сдержать можно не иначе, какъ съ нарушеніемъ законовъ нравственности и справедливости, а тѣмъ болѣе когда подвергается опасности жизнь или самыя драгоцѣнныя блага; защищать противъ цѣлаго свѣта сторону — справедлива она или нѣтъ, — короля, отца, друга, всѣхъ, съ кѣмъ можетъ быть связанъ человѣкъ узами природы, или долгомъ, иль просьбою о защитѣ въ минуту опасности; предупреждать всею силою и смывать кровію обиду, оскорбленіе, даже малѣйшій призракъ оскорбленія — таковы были обязанности, налагаемыя честью, какъ ихъ понимали въ Испаніи въ эпоху, изображаемую въ драмахъ Кальдерона.

Эти понятія, въ сущности, не многимъ различаются отъ тѣхъ, которыя еще и до сихъ поръ господствуютъ въ европейскомъ обществѣ и не могутъ намъ казаться слишкомъ странными. Въ извѣстномъ отношеніи, они представляются даже съ блестящей стороны и удовлетворяютъ движеніямъ души самымъ благороднымъ; но драматическіе писатели Испаніи не рѣдко совершенно искажаютъ первоначальный источникъ, изъ котораго они проистекаютъ. И если переходя за предѣлы, полагаемые разумомъ, они возвышаются иногда до степени высокаго, которое восхищаетъ душу и наполняетъ ее восторгомъ, то въ другихъ случаяхъ, желая побѣдить природу, что бы возвысить могущество чести, они впадаютъ въ нелѣпое даже въ отвратительное. Устраненіе отъ указаній разума, на

когда не совершается безнаказанно. Рано, или поздно, у тѣхъ, которые отдаляются съ пути, озареннаго его свѣтомъ, начинаетъ кружиться голова и ихъ разстроенное воображеніе порождаетъ только однихъ чудовищъ.

Должно, однако же, сказать въ извиненіе испанскихъ поэтовъ, что въ ихъ самыхъ глубокихъ заблужденіяхъ есть причины, заслуживающія уваженіе, въ которыхъ рѣшительно должно отказать ихъ новѣйшимъ сумозброднымъ подражателямъ. Ихъ живая, неподдѣльная восторженность, до извѣстной степени, согласовалась съ характеромъ ихъ народа и времени. Есть вѣрный признакъ, по которому можно узнать, было ли то, что вамъ кажется страннымъ и необыкновеннымъ въ поэтахъ другаго вѣка, произвольною прихотью ихъ воображенія, или подъ формами болѣе, или менѣе преувеличенными, дѣйствительно выражало чувства и понятія въ то время существовавшія. Признакъ этотъ есть нѣкоторая мощь, жизненная сила, которая только истинна общихъ давныхъ можетъ сообщить произведеніямъ воображенія; до которыхъ не могутъ достигнуть дарованіе, даже геній, когда они теряются въ ложныхъ соображеніяхъ; безъ которыхъ можно пріобрѣсти минутную извѣстность, но которыя однѣ упрочиваютъ вѣковой успѣхъ. Однимъ словомъ, поэты живутъ въ потомствѣ и сильно на него дѣйствуютъ только подъ однимъ условіемъ, а именно: изображая дѣйствительныя понятія и чувства, служа вѣрными истолкователями своего поколѣнія.

Это условіе, безъ сомнѣнія, выполняется авторами испанскихъ драмъ, которыхъ дѣйствіе основано на побужденіи чести. Въ самомъ дѣлѣ, съ трудомъ можно указать другія произведенія, которыя такъ сильно овладѣвали бы воображеніемъ, оставляли въ душѣ болѣе глубокія впечатлѣнія удивленія, или ужаса.

Въ *Сидѣ* Гильена де Кастро, въ *Севильской звѣздѣ*, Лопе де Веги, преобладаетъ чувство удивленія. Сидъ жертвующій своею любовію мщенію своего отца; Санчо Ортисъ, для отмщенія за Государя, котораго онъ считаетъ обиженнымъ и которому обязался словомъ, — подъ опасностію жизни воздвигающій непреодолимую преграду между собою и обожаемою любовницею, съ которой онъ долженъ соединиться, — суть проявленія жестокой борьбы между страстію и долгомъ, которая, должно сказать къ чести человѣческой природы, во всѣ времена была источникомъ живѣйшихъ, благороднѣйшихъ и чистѣйшихъ ощущеній. Всѣ знаютъ, какую удивительную выгоду умѣли извлечь изъ нихъ Лопе и Гильенъ дэ Кастро и какими блестящими красками они облекли порывы героизма и рыцарскаго великодушія.

У Кальдерона есть одна комедія подъ названіемъ: *Саламейскій Алькадъ*.—Внѣ Испаніи, она менѣе извѣстна, нежели означенныя образцовыя произведенія Лопе и Гильена; а между тѣмъ, она неуступаетъ имъ въ достоинствѣ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ быть, еще болѣе заслуживаетъ вниманіе. Предметъ ея, подобно какъ и въ первыхъ, — честь и тяжкія, жестокія обязанности, которыя она иногда налагаетъ. Но честь, въ комедіи Кальдерона, обнаруживается въ явленіяхъ, довольно чуждыхъ обычаямъ испанской сцены, даже чуждыхъ генію самаго Кальдерона, всегда аристократическаго,—если можно такъ выразиться,— въ большой части своихъ созданій. Здѣсь участіе сосредоточено не на славномъ воинѣ, не на блестящемъ рыцарѣ; дѣйствіе основывается не на чувствительности, нѣжной, живой и нѣсколько ложной, раздражающейся при малѣйшемъ, даже мнимомъ оскорбленіи. Герой пьесы человѣкъ простой, прямодушный; человѣкъ низкаго происхожденія, но умный, храбрый и твердый. Чувство чести у него есть чувство человѣческаго достоинства; онъ тогда только рѣшается мстить за смертельную обиду, когда уже нѣтъ ни какой надежды на удовлетвореніе. Оскорбитель его — молодой дворянинъ, военный, ослѣпленный надменными предразсудками своего происхожденія и званія. Онъ пренебрегаетъ ничтожными плебейцами и не считаетъ ихъ способными чувствовать безчестіе; безъ зазрѣнія совѣсти позволяетъ себѣ насильственные поступки и нисколько не думаетъ объ ужасныхъ послѣдствіяхъ, какія мо-

гутъ они за собою повести. Подобная мысль была уже съ успѣхомъ исполнена Лопе дэ Вегою, въ его знаменитой комедіи: *Лучшій Алькадъ-Король*; но онъ развитіе дѣйствія основалъ на преданіяхъ среднихъ временъ, эпохи феодализма. Дѣйствіе драмы Кальдерона принадлежитъ къ временамъ новѣйшимъ и уже совершенно историческимъ, а именно къ царствованію Филиппа II. Поэтъ избралъ ту эпоху, когда Филиппъ, послѣ пресѣченія королевскаго португальскаго дома, занялъ вооруженною силою Португалію, намѣреваясь основать въ ней свое владычество. Отрядъ войскъ подъ предводительствомъ дона Лопе дэ Фигэроа, назначенный въ Лиссабонъ, проходитъ Испанскую Эстремадуру. Часть этого отряда располагается, на нѣсколько дней, въ селеніи Саламеа. Офицеры и солдаты размѣщаются по домамъ поселянъ. Здѣсь слѣдуетъ изображеніе лагерной жизни, и обычаевъ, съ нею неразлучныхъ. Это изображеніе совершенно полное; не упущено ни одного обстоятельства, какъ бы оно ни казалось мелочнымъ, а между тѣмъ, поэтъ ни разу не впадаетъ ни въ низкое, ни въ пошлое. Замѣтимъ мимоходомъ, что можетъ статься, при всемъ его дарованіи, и ему не удалось бы этого избѣгнуть, если бы онъ писалъ не на томъ счастливомъ нарѣчіи, которое позволяетъ быть естественнымъ и простымъ, не дѣлаясь грубымъ, потому-что самыя обыкновенныя въ немъ выраженія въ то же время исполнены поэзіи.

Въ созданіи характера Лопе дэ Фигэроа, выразилась вся сила мощнаго, оригинальнаго генія Кальдерона. Онъ долженъ былъ изобразить лице историческое. Донъ Лопе былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ начальниковъ отдѣльныхъ *отрядовъ*, которые въ XIV столѣтіи такъ возвысили славу испанскаго оружія. Неизвѣстно, почерпнулъ ли Кальдеронъ въ преданіяхъ свойства и черты, которыя онъ ему приписываетъ, только Лопе изображенъ у него такъ живо, съ такимъ одушевленіемъ, что это лицо невозможно почесть просто поэтическимъ вымысломъ. Любовь и страхъ, которыя донъ Лопе, въ одно и то же время, внушаетъ своимъ солдатамъ, его непоколебимая привязанность къ дисциплинѣ, военные предразсудки и притомъ такое непритворство характера, его великодушіе и доброта, благородная, любезная, рыцарская вѣжливость, которая, укрощаетъ порывы рѣзкаго нетерпѣнія, возбуждаемаго въ немъ недугами, — все это составляетъ истинный идеалъ стараго воина. На театрѣ не существуетъ характера, болѣе выдержаннаго и лучшее, полнѣе очерченнаго.

Рядомъ съ этимъ мощнымъ лицомъ, Кальдеронъ поставилъ другое, не менѣе замѣчательное и обрисованное съ такою же силою.

Педро Креспо, хозяинъ дона Лапе — богатый поселянинъ, твердый, осторожный, хитрый, въ которомъ глубокое чувство независимости отчасти скрывается подъ наружностію уваженія, доходящаго до смиренія, ко всѣмъ, которые поставлены выше его въ обществѣ; но съ перваго взгляда замѣтно, что онъ не позволитъ принять буквально это смиреніе и употребить его во зло.

Лишь только эти два человѣка, по видимому столь различные, сходятся, они чувствуютъ уже непреодолимое, симпатическое влеченіе одинъ къ другому. Это происходитъ отъ того, что въ существѣ, ихъ природа одна и та же, не смотря на чрезвычайное неравенство ихъ состояній и не совмѣстность положенія, которое отъ того проистекаетъ. Нельзя представить ничего занимательнѣе, ничего болѣе истинно и поразительно-комическаго — многочисленныхъ сценъ, въ которыхъ они являются вмѣстѣ. Исполняя со всевозможнымъ вниманіемъ обязанности гостепріимства, Креспо принимаетъ съ почтительною скромностію изъявленіе дружбы и благосклонности, которыя оказываетъ ему донъ Лопе; но лишь только старый воинъ, мучимый подагрою, или выведенный изъ себя какою нибудь непріятностію, увлекается сильнымъ порывомъ гнѣва, онъ тотчасъ даетъ ему понять, что совсѣмъ не расположенъ сно-

сить такое обращеніе. Рѣчь его принимаетъ тогда характеръ суровости и лукаваго простодушія; донъ Лопе тотчасъ успокоивается и каждая изъ небольшихъ ссоръ оканчивается дружескимъ, откровеннымъ объясненіемъ. Всѣ эти сцены, которыхъ прелесть совершенно исчезла бы въ переводѣ, производятъ величайшее дѣйствіе въ подлинникѣ; читая ихъ, рѣшительно забываешь, что онѣ занимаютъ, можетъ быть, слишкомъ много мѣста въ драмѣ, гдѣ онѣ соединяются съ дѣйствіемъ довольно косвеннымъ образомъ, и для того только, чтобы лучше ознакомить читателя съ главнымъ лицомъ.

У Креспо дочь—рѣдкой красоты. Узнавъ о прибытіи солдатъ въ селеніе, онъ изъ благоразумной предосторожности, удалилъ ее въ уединенный покой. Но одинъ изъ офицеровъ, которые находятся подъ начальствомъ дона Лопе, узналъ по слухамъ, о красотѣ Исабеллы. Ему удалось ее видѣть и воображая, со всею увѣренностію свойственною его лѣтамъ и званію, что поселянкѣ не возможно отвергнуть вниманіе человѣка подобнаго ему, онъ немедленно приступилъ къ объясненію своей любви. Неудача первой попытки не лишаетъ его духа; напротивъ того, оскорбленное тщеславіе превращаетъ почти въ страсть чувство, которое сначала было простою прихотью. Его старанія проникнуть къ Исабеллѣ, серенада, которую онъ ей даетъ, возбуждаютъ безпокойство Креспо и его сына.

Дѣло доходитъ до объясненій довольно рѣзкихъ и даже до схватокъ. Крестьяне принимаютъ сторону Креспо; солдаты —сторону капитана. Донъ Лопе принужденъ вступиться въ ссору. Благодарность, которую по этому случаю изъявляетъ ему Креспо, и его отвѣты совершенно оригинальны и характеризуютъ оба лица.

Креспо. Тысячу разъ благодарю васъ, милостивѣйшій государь, что вы не допустили меня до погибели.

Донъ Лопе. Объясни мнѣ, какимъ образомъ могъ ты погибнуть?

Креспо. Я бы убилъ того, кто осмѣлился бы мнѣ нанести малѣйшее оскорбленіе.

Донъ Лопе. Видитъ Богъ! А знаешь ли ты, что онъ капитанъ!

Креспо. Видитъ Богъ! очень знаю; но если бы онъ былъ генералъ, я убилъ бы его въ ту же минуту, какъ онъ тронулъ мою честь.

Донъ Лопе. Клянусь Богомъ, я повѣшу того, кто осмѣлится тронуть послѣдняго изъ моихъ солдатъ.

Креспо. А я, клянусь Богомъ, повѣшу того, кто осмѣлится нанести мнѣ малѣйшее оскорбленіе.

Донъ Лопе. Но развѣ ты не знаешь, что твое состояніе обязываетъ тебя сносить притѣсненія?

Креспо. Да, въ моемъ имуществѣ; но не въ чести. Я обязанъ государю жизнію и имуществомъ, но честь есть достояніе души; — а душа принадлежитъ одному только Богу.

Донъ Лопе. Видитъ Богъ! Мнѣ кажется, ты правъ.

Креспо. Видитъ Богъ! Я въ этомъ увѣренъ.

Донъ Лопе, опасаясь, чтобы раздраженіе умовъ не кончилось бѣдою, рѣшается ускорить выступленіе отряда и немедленно даетъ приказаніе продолжать путь. Онъ прощается съ своими хозяевами, съ самою плѣнительною любезностію, и даритъ Исабеллѣ на память бриліантовый крестикъ. Сверхъ того, онъ соглашается взять подъ свое покровительство ея младшаго брата, который желаетъ вступить въ военную службу.

Солдаты удалились. Исабелла поспѣшила оставить свою темницу и вышла за вороты дома подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ; она и не подозрѣвала угрожающей опасности. Капитанъ, донъ Альваро, болѣе раздраженный, нежели устрашенный всѣми препятствіями, которыя противупоставляли его безумной страсти, рѣшился удовлетворить ее, во чтобы то ни стало. Съ наступленіемъ ночи, онъ тихонько возвращается въ Саламеа съ нѣсколькими солдатами, встрѣчаетъ Исабеллу и увлекаетъ ее въ ближайшій лѣсъ. Креспо прибѣгаетъ на крикъ дочери со шпагою въ рукѣ; но онъ тщетно старается освободить ее. Со-

общники дона Альвара его обезоруживаютъ и привязываютъ къ дереву. Сынъ его, который готовился соединиться съ доною Лопе и который слишкомъ поздно узналъ о похищеніи сестры, бросается въ слѣдъ за похитителями. Онъ настигаетъ ихъ на разсвѣтѣ, когда уже не можетъ спасти честь сестры и долженъ думать только объ отмщеніи. Между тѣмъ, какъ онъ въ вступленіи бросается на дона Альваро и поражаетъ его кинжаломъ,—Исабелла вырывается изъ рукъ своего преступнаго любовника. Пораженная стыдомъ, она не знаетъ, что дѣлать, куда бѣжать. Случай приводитъ ее на то самое мѣсто, гдѣ со вчерашняго дня привязанъ ея отецъ. Положеніе, которое Кальдеронъ здѣсь выводитъ, безъ сомнѣнія ново и смѣло до такой степени смѣло, что, кажется, не возможно побѣдить подобную трудность и заставить эту молодую дѣвушку, лежащую въ слезахъ у ногъ отца, говорить такимъ образомъ, чтобы слова ея болѣе или менѣе не оскорбляли приличій. Во всякомъ случаѣ, первымъ условіемъ ея рѣчей должна быть чрезвычайная простота. Этого-то Кальдеронъ и не понялъ. Ничто не можетъ быть плодовитѣе и менѣе естественно разговора Исабеллы; метафорамъ, антитезамъ въ немъ нѣтъ числа; она теряется въ сентиментальныхъ возгласахъ о грубости человѣка, который рѣшается прибѣгать къ насилію вмѣсто того, чтобы етараться заслужить взаимную любовь. Все это, хотя выражено въ превосходныхъ стихахъ, тѣмъ не менѣе смѣшно, въ подобную минуту. Однако же геній Кальдерона снова является въ отвѣтѣ Креспо. При видѣ несчастія, которому уже не возможно помочь, прежняя твердость возвращается въ душу благороднаго старца, котораго гнѣвъ не зналъ предѣловъ, до тѣхъ поръ, пока ему оставалась какая нибудь надежда. Онъ самъ начинаетъ утѣшать дочь. — Встань, Исабелла, говоритъ онъ; если бы само Привидѣніе не опредѣлило на нашу долю столь великихъ страданій, то оно не даровало бы намъ силы переносить ихъ. Вотъ случай, гдѣ надлежитъ призвать на помощь всю силу души. Пойдемъ скорѣе домой. Надобно подумать о твоемъ братѣ. Нападая на капитана, онъ подвергнулъ себя величайшей опасности. Должно его спасти, прежде всего узнать, что съ нимъ сдѣлалось. Что же касается до капитана, если для излѣченія своей раны онъ принужденъ будетъ возвратиться въ селеніе, то лучше было бы для него умереть на мѣстѣ.

Въ эту минуту приходитъ къ Креспо Саламейскій повытчикъ и объявляетъ, что, наканунѣ, крестьяне избрали его своимъ алькадомъ Поздравляя Креспо, онъ радуется, что его вступленіе въ должность будетъ ознаменовано двумя важными происшествіями. Вечеромъ, самъ король прибудетъ въ Саламеа и солдаты тайно привели капитана донъ Альваро, раненаго неизвѣстно-кѣмъ.—Это можетъ подать поводъ къ важному слѣдствію. замѣчаетъ съ довольнымъ видомъ повытчикъ.—Креспо немедленно сообразилъ, какъ употребить ему въ свою пользу такой благопріятный случай. Съ помощію крестьянъ, онъ беретъ подъ стражу капитана, который будучи раненъ не столь опасно, какъ предполагали сначала и понимая всю опасность своего положенія, располагался немедленно уѣхать.

За тѣмъ слѣдуетъ сцена между капитаномъ, и алькадомъ. Она по истинѣ удивительна.

Креспо. Теперь, когда я моею властію заставилъ васъ меня выслушать, я отлагаю ее въ сторону съ этимъ жезломъ, который служитъ ея признакомъ, и, какъ человѣкъ человѣку, хочу повѣрить вамъ мое горе. Мы одни; станемъ говорить откровенно и спокойно. — Я хочу наложить молчаніе на всѣ чувства, которыя волнуютъ мое сердце. Я честный человѣкъ, донъ Альваро. Если мое происхожденіе не совсѣмъ удовлетворительно, въ томъ не моя вина; если бы оно зависѣло отъ меня, то бы конечно я постарался, устранить отъ себя упрекъ и съ этой стороны. Я жилъ всегда такимъ образомъ, что равные меня уважали и не далѣе; какъ вчера жители селенія дали мнѣ доказательство своего уваженія. Имѣніе мое значительно: благодаря Бога, я богатѣйшій земледѣлецъ во всемъ округѣ. Дочь

моя воспитана въ добродѣтели благонравія: увы! ея мать была такая достойная женщина! Мы живемъ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ не упускаютъ случая позлословить; однако же никто не могъ сказать о насъ ничего худаго. Что касается до красоты моей дочери, вы сами можете быть судьею и ваши безумные поступки служатъ тому слишкомъ явнымъ доказательствомъ. Но ими, донъ Альваро, вы нанесли несчастіе всей важности котораго вы не хотѣли понять. Если бы я могъ предать его забвенію, то согласился бы страдать въ молчаніи и не сталъ говорить объ немъ съ вами. Къ несчастію, это не возможно; оно не можетъ остаться тайнымъ. Слѣдовательно, должно стараться помочь ему. Для этого, я вижу одно только средство, которое и мнѣ прилично, и для васъ не имѣетъ ничего вреднаго.—Вотъ оно: возьмите все, что я имѣю; я не оставлю ни одного мараведиса ни для себя, ни для сына. Если нужно, мы пойдемъ просить милостыню; если и этого недостаточно, продайте насъ обоихъ, какъ невольниковъ, для умноженія приданаго, которое я предлагаю вамъ за моею дочерью. Только возвратите ей честь, которой вы ее лишили. Вы не должны бояться, что черезъ то пострадаетъ ваше потомство, потому что если ваши дѣти утратятъ, положимъ, нѣсколько своего благородства отъ родства со мною, то это загладится совершенно тѣмъ, что они произойдутъ отъ вашей крови. Умоляю васъ на колѣняхъ, заклинаю васъ моими сѣдыми волосами, слезами, которыя текутъ изъ глазъ моихъ! Подумайте, что я прошу у васъ какъ милости моей же чести, которую вы у меня отняли; подумайте, что я самъ могу отмстить за себя, и если я этого не дѣлаю, то потому только, что желаю лучше быть обязаннымъ вамъ возстановленіемъ своей чести.

Д. Альваро. Я теряю терпѣніе. Безумный старикъ, ты долженъ благодарить меня за жизнь, которую я оставляю тебѣ и твоему сыну послѣ всего того, что вы мнѣ сдѣлали. Этимъ обязаны вы только красотѣ Исабеллы. Если ты думаешь отмстить за себя оружіемъ, не боюсь тебя; если призовешь на помощь законъ, то не имѣешь власти судить меня.

Креспо. И такъ мои слезы васъ не трогаютъ?

Д. Альваро. Слезы стариковъ, дѣтей и женщинъ не заслуживаютъ вниманія.

Креспо. Вы отказываетесь загладить нанесенную мнѣ обиду?

Д. Альваро. Ты долженъ почитать за счастіе, что я дарую вамъ жизнь!

Креспо. Подумайте хорошенько, м. г.; я на колѣняхъ умоляю васъ возвратить мнѣ честь.

Д. Альваро. Это ужь наконецъ несносно!

Креспо. Подумайте, что вы имѣете дѣло съ Саламейскимъ Алькадомъ.

Д. Альваро. Не тебѣ судить меня; за мною пришлетъ военный совѣтъ.

Креспо. Это ваше послѣднее слово?

Д. Альваро. Да, и тысячу разъ, да, несносный старикъ!

Креспо. И такъ, нѣтъ никакого средства сохранить честь!...

Д. Альваро. Тайна, вотъ одно средство, которое вамъ осталось.

Креспо (*встаетъ, взявъ свой жезлъ*). Ну, такъ, клянусь Богомъ, я найду средство отмстить за себя! Гей! (*прибѣгаютъ крестьяне*). Сію минуту возьмите капитана подъ стражу.

Д. Альваро. Ты съума сходишь. Развѣ можно такъ поступать съ человѣкомъ моего званія, который, сверхъ того, находится въ королевской службѣ.

Креспо. А вотъ мы увидимъ. Выйдете отсюда или мертвымъ, или моимъ плѣнникомъ.

Д. Альваро. А знаешь ли ты, что я капитанъ въ дѣйствительной службѣ.

Креспо. А развѣ вы думаете, что я сдѣланъ Алькодомъ только для вида! Сдавайтесь, не медля долѣе.

Д. Альваро. Я уступаю силѣ, но буду жаловаться королю на такое оскорбленіе.

Креспо. Есть другое оскорбленіе, на которое равномѣрно и я буду ему жаловаться. Къ счастію, онъ отсюда не далеко; онъ выслушаетъ насъ обоихъ. Отдайте вашу шпагу.

Д. Альваро. Ты не имѣешь права...

Креспо. Какъ! развѣ вы не плѣнникъ?

Д. Альваро. Ты обязанъ поступать со мною почтительно...

Креспо. Само собою разумѣется. (*Крестьянамъ*). Велите его, почтительно, въ тюрьму; съ почтеньемъ, надѣньте ему цѣпи на руки и на ноги, и какъ можно почтительнѣе, не дозволяйте ему говорить съ солдатами, которыхъ я допрошу по одиначкѣ. Теперь, капитанъ, между нами будь сказано,—если я найду къ тому достаточную причину, будьте увѣрены, что со всѣмъ почтеніемъ, которымъ я обязанъ человѣку вашего званія — я васъ повѣшу.

Чтобы лучше оцѣнить дѣйствіе этой сцены, столь оригинальной, должно, чтобы читающіе ее въ этомъ слабомъ переводѣ, взяли въ соображеніе, какую сообщаетъ ей прелесть и выразительность языкъ подлинника, попеременно простой, благородный и сильный. Подобныя красоты не иначе, какъ съ величайшимъ трудомъ, сохраняются въ переводѣ.

Креспо занятъ единственною мыслію скорѣе окончить судъ надъ капитаномъ. Онъ допрашиваетъ солдатъ, взятыхъ съ нимъ вмѣстѣ и вынуждаетъ ихъ во всемъ признаться, угрожая имъ пыткою. Онъ принуждаетъ несчастную Исабеллу, свидѣтельствовать въ судѣ противъ своего обольстителя; велитъ взять подъ стражу своего сына, обвиненнаго въ томъ, что обнажилъ шпагу противъ своего начальника и когда другіе дивятся его строгости, онъ отвѣчаетъ: «Я, не колеблясь, поступилъ бы точно также съ роднымъ отцемъ, если бы этого требовалъ законъ.» Потомъ прибавляетъ въ полголоса съ угрюмымъ лукавствомъ, которое составляетъ одну изъ главныхъ чертъ его характера: «Они воображаютъ, что я дѣлаю чудо справедливости и безпристрастія, не понимая того, что это единственное средство спасти ему жизнь.»

Одинъ солдатъ, избѣгнувшій преслѣдованія Креспо, доноситъ дону Лопе о томъ, что происходитъ въ Саламеѣ. Старый генералъ въ задержаніи офицера видитъ только нарушеніе правъ и оскорбленіе чести военныхъ. Голова его разгорячается, онъ пріѣзжаетъ со всею поспѣшностію въ селеніе и не подозрѣвая, какое участіе имѣетъ въ этомъ дѣлѣ другъ его Креспо, останавливается у него въ домѣ. Очень любопытно ихъ объясненіе.

Креспо. Удостойте сказать мнѣ, милостивый государь, причину вашего возвращенія. Вы, кажется, очень разстроены.

Д. Лопе. Это потому, что я узналъ о самомъ дерзкомъ и безразсудномъ поступкѣ, какой только можно вообразить. Солдатъ, котораго я встрѣтилъ на дорогѣ, сказалъ мнѣ... Я задыхаюсь отъ гнѣва...

Креспо. Продолжайте, милостивый государь.

Д. Лопе. Онъ мнѣ сказалъ, что какой-то негодяй алькадъ осмѣлился арестовать капитана!... Клянусь, никогда еще не была для меня такъ мучительна проклятая подагра! Она мѣшала мнѣ прибыть сюда такъ скоро, какъ я желалъ, чтобы наказать дерзкаго! Видитъ Богъ! Я уморю его подъ полками.

Креспо. Я боюсь, что, возвратясь сюда, вы взяли на себя напрасный трудъ и что онъ не захочетъ вашего наказанія.

Д. Лопе. О, я не стану спрашивать у него позволенія!

Креспо. Такъ изъ этого не выдетъ ничего добраго; вамъ дали дурной совѣтъ, М. Г., я вамъ это говорю. Знаете ли вы по какому поводу онъ велѣлъ задержать капитана?

Д. Лопе. Нѣтъ; но какая бы тому ни была причина, онъ долженъ былъ просить суда у меня; я самъ бы умѣлъ, если бы это было нужно, перерѣзать горло капитану.

Креспо. Вѣроятно, М. Г., вамъ неизвѣстны преимущества и власть алькада?

Д. Лопе. Каковы бы они ни были, все же онъ не болѣе какъ мужикъ.

Креспо. Однако же, если этотъ мужикъ рѣшился повѣсить капитана, то онъ исполнитъ свое намѣреніе.

Д. Лопе. Нѣтъ, клянусь Богомъ, не исполнитъ и если ты хочешь въ этомъ удостовѣриться, скажи мнѣ только, гдѣ онъ живетъ.

Креспо. Очень близко осюда.

Д. Лопе. Но говори же, кто этотъ алькадъ?

Креспо. Я.

Д. Лопесъ. Видитъ Богъ! Я готовъ этому вѣрить.

Креспо. Можете быть увѣреннымъ.

Д. Лопе. Ну, Креспо, что я сказалъ, то сказалъ.

Креспо. Да, Лопе, что я сдѣлалъ, то сдѣлалъ.

Д. Лопе. Я пришелъ взять плѣнника и разсудить, что здѣсь произошло.

Креспо. Я задерживаю его здѣсь, за преступленіе, которое здѣсь совершено.

Д. Лопе. А знаешь ли ты, что онъ въ королевской службѣ и что я его судья?

Креспо. Знаете ли вы, что онъ похитилъ мою дочь?

Д. Лопе. Знаешь ли ты, что я одинъ имѣю право быть его судьею?

Креспо. Знаете ли вы, что онъ имѣлъ дерзость посягнуть на мою честь.

Д. Лопе. Знаешь ли ты какое преимущество даетъ мнѣ надъ тобою мое званіе?

Креспо. Знаете ли вы, что я предлагалъ ему миръ и что онъ его не принялъ?

Д. Лопецъ. Ты берешь на себя судить такія дѣла, которыя не подлежатъ твоему суду.

Креспо. Онъ посягнулъ на мою честь, которая также не подлежала его власти.

Д. Лопе. Я самъ обѣщаю удовлетворить тебя.

Креспо. Я никогда не просилъ у другаго того, что могъ себѣ дать самъ.

Д. Лопе. Безъ дальнѣйшихъ объясненій, я рѣшился взять плѣнника съ собою.

Креспо. Онъ уже осужденъ.

Д. Лопе. Я иду за нимъ въ тюрьму.

Креспо. Вы можете итти; только предупреждаю васъ, что я велѣлъ стрѣлять по первому, кто осмѣлится къ нему приблизиться.

Д. Лопе. О! я не боюсь пуль; но въ этомъ случаѣ, не хочу подвергать себя напрасной опасности. Гей! ступай, объяви всѣмъ отрядамъ, которые стоятъ по близости, чтобы они шли сюда, военнымъ порядкомъ, съ заряженными ружьями и зажженными фитилями.

Солдатъ. Они и безъ того уже спѣшатъ сюда со всѣхъ сторонъ.

Д. Лопе. Теперь посмотримъ, какъ мнѣ не отдадутъ плѣнника.

Креспо. А вотъ, я сейчасъ объ этомъ позабочусь. (*Входитъ въ домъ*).

Д. Лопе. Солдаты! вотъ тюрьма капитана; если его не выдадутъ, сейчасъ зажгите ее; сожгите все селеніе, если они вздумаютъ противиться!

Въ ту минуту, какъ солдаты и крестьяне, собранные Креспо, готовы уже вступить въ бой, возвѣщаютъ о прибытіи короля, котораго съ утра ожидали въ селеніе. Короля удивляетъ весь этотъ безпорядокъ и шумъ; онъ спрашиваетъ о причинѣ; Д. Лопе отвѣчаетъ, что всему этому виною невѣроятная дерзость алькада, который велѣлъ арестовать капитана и не хочетъ его выдать.

Король. А кто этотъ алькадъ?

Креспо. Я, В. В.

Король. Чѣмъ можешь ты извинить свое поведеніе?

Креспо. Слѣдствіемъ, которое было произведено по этому дѣлу, и которое доказываетъ существованіе преступленія достойнаго смерти. Преступникъ похитилъ дѣвушку, обезчестилъ ее и отказался жениться на ней, хотя отецъ умолялъ его объ этомъ.

Д. Лопе. В. В., человѣкъ, который говоритъ съ вами, есть въ тоже время алькадъ и отецъ.

Креспо. Если бы посторонній сталъ просить меня о правосудіи, не долженъ ли бы я исполнить его просьбу? Почему же мнѣ не оказать моей дочери того, въ чемъ я не отказалъ бы чужой?.. Взгляните на бумаги, въ которыхъ изложено слѣдствіе, посмотрите и разсудите, сдѣлалъ ли я какую несправедливость, подкупалъ ли свидѣтелей, прибавилъ ли что нибудь къ показаніямъ. Если что нибудь подобное докажется, я сознаю себя достойнымъ смерти.

Король. Дѣло, какъ мнѣ кажется, произведено по всѣмъ правиламъ; но ты не имѣешь надлежащей власти, для произнесенія окончательнаго приговора; это

право принадлежитъ другому судилищу; отошли туда подсудимаго.

Креспо. Мнѣ было бы очень трудно исполнить волю В. В.: въ Саламеѣ, только одна судебная инстанція, и приговоры исполняются немедленно. Такъ поступлено и въ этомъ случаѣ.

Король. Что говоришь ты?

Креспо. Если В. В. не изволите вѣрить моимъ словамъ, то удостойте взглянуть сюда: вотъ капитанъ.

Растворяется дверь, король видитъ трупъ Альваро въ креслахъ, гдѣ совершили надъ нимъ казнь. Онъ былъ удавленъ.

Король. Какъ ты осмѣлился это сдѣлать?

Креспо. В. В. сами изволили сказать, что слѣдствіе было произведено по уставу.

Король. Да, но чтобы привести въ исполненіе приговоръ, на это есть суды, облеченные достаточною властію.

Креспо. Всемилостивѣйшій государь! все ваше правосудіе есть ничто иное, какъ одно тѣло со многими руками. Если преступникъ заслужилъ смерть, не все ли равно тою ли рукою, будетъ совершенъ приговоръ, или другою?

Король. Но капитанъ былъ дворянинъ; зачѣмъ не отрубилъ ты ему голову.

Креспо. Дворяне этой страны такъ ведутъ себя, что палачь не имѣлъ случая научиться рубить головы.

Король. Д. Лопе, дѣло сдѣлано; капитанъ заслужилъ смерть, этого нельзя оспоривать; стало быть алькадъ погрѣшилъ только въ формѣ, а это не большая важность. Прикажите сію же минуту войскамъ отправляться въ путь. Должно, чтобы они какъ можно скорѣе пришли въ Португалію... Тебя я дѣлаю безсмѣннымъ алькадомъ Саламеа.

Д. Лопе. Благодари Бога, что Е. В. подоспѣлъ такъ кстати.

Креспо. И до прибытія Е. В., все уже было кончено.

Д. Лопе. Не лучше ли было бы притти ко мнѣ, отдать мнѣ плѣнника и со мною подумать о средствахъ возстановить честь дочери.

Креспо. Дочь моя пойдетъ въ монастырь. Она посвятитъ себя супругу, которому нѣтъ нужды до знатности.

Д. Лопе. Возврати мнѣ остальныхъ плѣнниковъ.

Креспо. Вотъ они.

Д. Лопе. Гдѣ же твой сынъ? Онъ тоже одинъ изъ моихъ солдатъ; онъ недолженъ оставаться въ тюрьмѣ.

Креспо. Я хочу наказать его, М. Г., за то, что онъ осмѣлился ранить своего капитана. Правда, онъ долженъ былъ мстить за честь; но ему слѣдовало иначе за это взяться.

Д. Лопе. Довольно, Креспо; пошли за нимъ.

Всего замѣчательнѣе въ этой развязкѣ столь ужасной и вмѣстѣ столь оригинальной то, что средство къ которому прибѣгнулъ Креспо, чтобы отмстить за свою честь, какъ оно въ сущности ни неправильно и ни жестоко, нисколько насъ не возмущаетъ: оскорбленіе такъ глубоко и чувствительно, наказаніе въ самомъ себѣ такъ справедливо, и такъ вѣроятно, что всякимъ другимъ образомъ, приступникъ его избѣгнулъ бы. Наконецъ, Креспо показываетъ въ своихъ поступкахъ столько твердости и мужества, можно даже сказать, столько благоразумія и умѣренности до тѣхъ поръ, пока онъ предполагаетъ возможность получить удовлетвореніе, не прибѣгая къ кровавымъ мѣрамъ,—что нельзя отказать ему въ полномъ сочувствіи и неодобрять мщенія, которое имѣетъ всѣ признаки правосудія.—Въ этомъ отношеніи, впечатлѣнія производимыя въ насъ драмою Кальдерона, не смотря на различіе понятій и большую мягкость нравовъ, все еще тѣже, какія она производила на его соотечественниковъ; какъ сельскій герой ея понимаетъ чувство и обязанности чести для насъ нѣтъ ничего страннаго.

Нельзя сказать того же о другой испанской драмѣ, гораздо болѣе извѣстной, нежели *Саламейскій Алькадъ*. Все искусство, весь геній поэта едва достаточенъ, чтобы вынудить сочувствіе читателя въ пользу его вымысла и если бы онъ былъ изложенъ съ меньшимъ дарованіемъ, то, безъ сомнѣнія, возмутилъ бы нашу

душу, оскорбилъ бы нашу нѣжность и всякое человѣческое чувство. Мы говоримъ о «*Гарсія де Кастаньяръ.*» Эта комедія равно извѣстная подъ двумя другими названіями: «*Честный Крестьянинъ*» и «*Никто, кромѣ Короля,*» даже до сихъ поръ часто дается на Мадридскомъ театрѣ съ отличнымъ успѣхомъ. Она считается образцовымъ произведеніемъ Рохаса, одного изъ величайшихъ драматическихъ поэтовъ Испаніи. Рохасъ нерѣдко равняется съ Кальдерономъ въ своихъ трагическихъ созданіяхъ и часто ни сколько не уступаетъ ему. Морето въ комической силѣ, могъ бы стать на ряду съ этимъ поэтомъ, если бы не писалъ такимъ дурнымъ языкомъ. Слогъ его носитъ уже отпечатокъ варварства произведеній словесности при упадкѣ просвѣщенія, гораздо несноснѣйшаго того, которое предшествуетъ эпохѣ совершенства и зрѣлости.

Предметъ «*Гарсія де Кастаньяръ*» довольно сложенъ; сначала необходимо изложить его въ немногихъ словахъ.— Событіе относится къ царствованію Альфонса II го, того великаго монарха, который съ такою славою управлялъ Кастиліею, въ началѣ XIV-й столѣтія. Гарсія де Кастаньяръ, или лучше, чтобы означить его настоящимъ именемъ, Графъ Гарсія Бермудо,—единственный сынъ и наслѣдникъ могущественнаго вельможи, который нѣкогда занималъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ государствѣ и принималъ большое участіе въ правленіи, во время несовершеннолѣтія короля. Господствовавшія тогда безпорядки доходили до крайности; ихъ приписывали графу Бермудо; онъ подвергся обвиненію въ государственной измѣнѣ и только бѣгствомъ могъ спасти свою жизнь. Молодой Гарсія принужденъ скрывать свое происхожденіе, чтобы избѣжать преслѣдованій, которыя, въ эти времена варварства, слишкомъ часто были удѣломъ всего поколѣнія изгнанниковъ. Онъ поселился въ горахъ окружающихъ Толедо, возлѣ мѣстечка Кастаньяръ и успѣлъ, при помощи остатковъ отцовскаго имѣнія, пріобрѣсти значительную собственность. Живя въ глубокомъ уединеніи, онъ ожидаетъ, чтобы одинъ изъ друзей его отца, старый графъ Оргасъ, единственный человѣкъ, которому извѣстна тайна его происхожденія и который пользуется милостію короля,—успѣлъ разсѣять предубѣжденія, которыя тяготѣютъ еще надъ сыномъ изгнанника и препятствуютъ занять принадлежащее ему мѣсто въ обществѣ.

Исполненный довѣренности къ своему великодушному покровителю, онъ во всемъ соображается съ его совѣтами. Незадолго передъ тѣмъ, графъ склонилъ его жениться на дѣвушкѣ, которой положеніе чрезвычайно сходно съ положеніемъ самаго Гарсія. Ее зовутъ Бланка де Лацерда. Она происходитъ отъ царской крови; отецъ ея долго оспаривалъ корону у царствующаго государя и наконецъ умеръ въ заточеніи. Бланка, воспитанная въ скромномъ убѣжищѣ, гдѣ призрѣлъ ея дѣтство графъ Оргасъ, ничего не знаетъ о своемъ знаменитомъ происхожденіи. Самъ Гарсія, хотя ему извѣстно, что избранная имъ супруга знатнаго рода, не подозрѣваетъ, что соединилъ судьбу свою съ отраслью Кастильскихъ государей. Ихъ общій покровитель еще несчитаетъ нужнымъ ихъ объ этомъ увѣдомить.

Молодые супруги страстно любятъ другъ друга и въ своемъ счастливомъ уединеніи, ведутъ жизнь, которую поэтъ изобразилъ съ неподражаемою прелестью. Она не подходитъ на жизнь могущественныхъ феодальныхъ владѣльцевъ, которая была бы не прилична въ ихъ состояніи. Скорѣе можно сказать, что они ведутъ жизнь богатыхъ мѣщанъ. Но ихъ деревенское изобиліе соединяется съ роскошью, даже съ нѣкоторымъ изяществомъ, которое обличаетъ въ нихъ благородство мыслей и нѣжность чувствъ. Гарсія изрѣдка удаляется отъ своей возлюбленной для того, чтобы въ шумныхъ ощущеніяхъ охоты искать образа опасностей войны, и развлеченія болѣе свойственнаго его тайнымъ побужденіямъ, нежели скромныя сельскія работы. Бланка, окруженная многочисленными служителями, проводитъ дни, распредѣляя ихъ занятія, раздѣляя ихъ удовольствія. Это существо— восхитительный образецъ прелести, ос-

троумія и оригинальнаго простодушія. Ея рѣчи въ тоже время сотвѣтствуютъ и дѣйствительному положенію и тому, чѣмъ она себя считаетъ. Въ ея словахъ нѣтъ ничего, чтобы не было прилично царской дочери и между тѣмъ, ничего такаго, чтобы не согласовалось съ скромнымъ образованіемъ дѣвушки, воспитанной вдали отъ двора и городовъ.

Между тѣмъ Альфонсъ, готовясь къ знаменитомъ Аль-Джезирасскомъ походу, требуетъ содѣйствія подданныхъ этому важному предпріятію, которое должно способствовать къ скорѣйшему уничтоженію Мавританскаго владычества. Кастильцы съ благородною ревностію отвѣчали на воззваніе своего государя. Альфонсъ заставляетъ читать при себѣ роспись пособій, которыя шлютъ ему со всѣхъ сторонъ. Донъ-Хиль Альборосъ обѣщаетъ собрать и содержать на свой счетъ 10,000 солдатъ, графъ Оргасъ 2,000, графъ д'Асторга 4,000; города вышлютъ 17,000; три рыцарскихъ Кастильскихъ братства поведутъ противъ непріятеля всѣ свои войска; графъ д'Агвиляръ дастъ 1000 червонныхъ и 1000 всадниковъ легкой конницы; наконецъ Гарсія де Кастаньяръ, желая съ своей стороны участвовать въ издержкахъ похода, обязуется выслать сто центнеровъ солонины, 2,000 фанеговъ муки, 4,000 ячменю, 14 чановъ вина и триста быковъ, подъ храненіемъ ста пѣшихъ воиновъ. «Мое приношеніе, прибавляетъ онъ, было бы значительнѣе, если бы Богъ далъ лучшій урожай, но я умоляю ваше величество принять съ симъ вмѣстѣ простую и откровенную преданность честнаго человѣка, который, если не имѣетъ счастія знать своего короля, то по крайней мѣрѣ, знаетъ свои обязанности».

Богатство приношенія удивляетъ короля. Онъ спрашиваетъ, кто такой этотъ Гарсія? Оргасъ спѣшитъ воспользоваться случаемъ, чтобы все подготовить къ возстановленію покровительствуемаго имъ молодаго человѣка. Не открывая королю знаменитое происхожденіе Гарсіи, онъ выхваляетъ его мужество, его испытанное искусство въ сраженіи съ быками и на охотѣ противъ дикихъ звѣрей; онъ изображаетъ его какъ человѣка, который могъ бы оказать важныя услуги, если бы король взялъ его съ собой въ армію, присовокупляя, что до сихъ поръ онъ отдалялся отъ двора, по своему дикому, независимому праву. Онъ описываетъ великолѣпное и вмѣстѣ простое сельское убѣжище, которое Гарсія создалъ себѣ среди горъ. Подобными разсказами, старый графъ искусно возбуждаетъ любопытство короля. Онъ непремѣнно хочетъ видѣть Гарсія. Онъ объявляетъ, что намѣревъ охотиться въ окрестностяхъ Толедо, и приказываетъ сдѣлать къ тому всѣ нужныя приготовленія. Съ двумя, или тремя придворными онъ станетъ просить убѣжища въ жилищѣ Кастаньяра, подъ предлогомъ, что заблудился на охотѣ, просто какъ принадлежащій къ свитѣ короля. Такимъ образомъ, онъ будетъ имѣть случай самъ судить о точности свѣдѣній, сообщенныхъ ему графомъ.

Этаго только графу и хотѣлось. Чтобы лучше упрочить дѣйствіе своей невинной хитрости, онъ спѣшитъ предупредить Гарсія о посѣщеніи, которое ему готовится. Гарсія, никогда не видавъ короля, легко могъ не узнать его въ числѣ придворныхъ, которые его будутъ сопровождать. Графъ Оргасъ увѣдомляетъ его, что на королѣ красная орденская лента черезъ плечо. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія, потому что оно будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на все дѣйствіе. Лишь только Гарсія прочелъ письмо графа, четыре незнакомца приходятъ просить у него убѣжища, говоря, что они придворные, увлеклись охотою до самаго его дома и желаютъ отдохнуть у него до тѣхъ поръ, пока наступитъ вечерняя прохлада. Гарсія видитъ на одномъ изъ своихъ гостей красную ленту и очень натурально принимаетъ его за короля. Но случилось совсѣмъ иначе. Альфонсъ, вѣроятно, чтобы его не узнали, не надѣлъ ордена, а одинъ изъ его придворныхъ, донъ Мендо, которому онъ недавно пожаловалъ этотъ орденъ, поспѣшилъ украсить имъ свою одежду.

Чрезвычайно замѣчательна та знаменитая сцена, когда король, разговаривая

съ Гарсіемъ, который принимаетъ его за простаго придворнаго, старается, посредствомъ искусныхъ распросовъ, проникнуть характеръ и расположеніе человѣка, котораго графъ Оргасъ выхвалялъ съ такимъ жаромъ. Онъ изъявляетъ ему свое удивленіе за то, что онъ такими богатыми приношеніями изъявилъ готовность содѣйствовать успѣху Андалузской войны; увѣряетъ, что король, глубоко тронутый доказательствами его преданности, хочетъ призвать его ко двору и возвести въ блестящее званіе, приблизивъ его къ своей особѣ. Гарсія отвергаетъ подобную мысль, говоря, что онъ несравненно предпочитаетъ всему блеску царской благосклонности свободу и не принужденность сельской жизни. Картина, въ которой онъ изображаетъ эту жизнь королю, есть одинъ изъ отрывковъ, которые знаютъ на изустъ всѣ любители испанской поэзіи. Она исполнена удачныхъ и живописныхъ выраженій. Однакоже справедливость требуетъ замѣтить, что въ ней есть также нѣкоторая изысканность и мелочная принужденность, съ цѣлію казаться простодушнымъ. Это описаніе въ переводѣ должно лишиться всей красоты подлинника и потому мы не сообщаемъ его нашимъ читателямъ. Гораздо удобнѣе и вѣрнѣе можно передать слѣдующую сцену.

Король. Если вы такъ мало расположены оставить свое уединеніе, какъ же вы предлагали королю сопровождать его на войну?

Д. Гарсія. Извините, вы меня не поняли. Король безспорно имѣетъ право на имѣніе и жизнь каждаго изъ своихъ вѣрноподданныхъ. Увлеченный благородною ревностію, Его Величество готовится вступить въ Андалузію, чтобы изгнать изъ нея невѣрныхъ; для этаго ему нужны люди и деньги. Я предложилъ ему самаго себя со всемъ, чѣмъ я владѣю, не по честолюбію, но чтобы исполнить свою обязанность, потому что я самую жертву моей жизни считаю данью, ему должною, данью, которую я обязанъ заплатить, не дожидаясь, чтобы онъ самъ отъ меня ея потребовалъ.

Король. Почему же вы не хотите остаться при дворѣ, по окончаніи войны?

Д. Гарсія. Потому что здѣсь я свободнѣе и спокойнѣе.

Король. Легко можетъ случиться, король дастъ вамъ важное мѣсто.

Д. Гарсія. Сомнѣваюсь, чтобы Его Величество далъ мѣсто поселянину, тогда какъ есть столько другихъ, достойнѣйшихъ занять его.

Король. Любезный Гарсія, король имѣетъ полное право избирать своихъ служителей; и награждая каждаго по достоинству, онъ исполняетъ долгъ справедливости.

Д. Гарсія. Со всѣмъ тѣмъ и самъ король не могъ бы меня склонить къ принятію мѣста. Милости государей слишкомъ опасны и я знаю, что мнѣ не слѣдуетъ принимать ихъ. Я всегда слыхалъ, что гораздо лучше быть въ немилости, нежели любимцемъ короля; потому что въ первомъ случаѣ, человѣкъ можетъ по крайней мѣрѣ остерегаться; а во второмъ, слишкомъ легко увлекается безразсудною увѣренностію. Мой отецъ—умный и просвѣщенный человѣкъ, давалъ мнѣ хорошіе совѣты. Онъ нерѣдко говаривалъ, что милость царей подобна огню: издалека она грѣетъ, но сожигаетъ того, кто слишкомъ къ ней приближается.

Король. Говорятъ также, что подобно Богу, государи имѣютъ власть изъ праха, попираемаго ногами, извлекать людей, которые, будучи почтены ихъ благосклонностію, становятся предметомъ всеобщаго уваженія.

Д. Гарсія. За то, какъ часто случалось, что они возвращали въ прежнее ничтожество того, кого такимъ образомъ возвышали.

Король. Потому, безъ сомнѣнія, что онъ не заслуживалъ милостей, оказанныхъ ему государемъ.

Д. Гарсія. Но что можетъ дать король тому, кто ничего не желаетъ?

Король. Вы можете ожидать отъ него наградъ.

Д. Гарсія. И наказаній.

Король. Онъ можетъ облечь васъ властію.

Д. Гарсій. Она будетъ для меня источникомъ заботъ.

Король. Онъ даруетъ вамъ богатство.

Д. Гарсія. Въ богатствѣ будутъ мнѣ завидовать.

Король. Свою благосклонность.

Д. Гарсія. Она навлечетъ мнѣ непріятелей. Не принимайте напраснаго труда меня убѣждать. Еще разъ, я знаю, что все это мнѣ не прилично. За всѣ сокровища короля я не отдамъ ни одного дюйма земли въ Костаньярѣ и клянусь, говоря такимъ образомъ, я не имѣю намѣренія унижать справедливый блескъ, которымъ окруженъ его тронъ. Но оставимъ это. Пора заняться приготовленіями къ обѣду, который вамъ угодно раздѣлить со мною.»

Главную красоту этой сцены составляетъ, по мнѣнію знатоковъ, то, что доводы, которые приводитъ Гарсія для оправданія своего удаленія отъ двора, не обыкновенныя философскія истины, складно выраженныя. Они могли показаться такими королю, потому что онъ не знаетъ Гарсія. Но Гарсія въ мысляхъ своихъ, каждымъ словомъ дѣлаетъ примѣненіе къ несчастіямъ своего отца и къ тѣмъ, которыя возмущали покой его юныхъ лѣтъ. Такое положеніе есть самое драматическое.

Между тѣмъ, какъ король, искусно направленными разговорами, испытываетъ душу и умъ своего хозяина, донъ Мендо, придворный, украшенный орденомъ, замышляетъ предпріятіе, гораздо менѣе благородное. Пораженный красотою Бланки, онъ возымѣлъ надежду безъ большаго труда соблазнить поселянку, которая, по его мнѣнію, непремѣнно должна быть очарована вниманіемъ такого человѣка, какъ онъ. Бланка очень мило уклоняется его ласкательствъ; она не изъявляетъ негодованія, не тщеславится своею добродѣтелью, и между тѣмъ лукаво покрываясь простотою и смиреніемъ поселянки, въ замѣчаніяхъ довольно рѣзкихъ и тонкихъ даетъ чувствовать Мендо, что съ его стороны безполезно и, быть можетъ, безразсудно настаивать въ намѣреніи соблазнить ее. Эти сцены напоминаютъ нѣкоторыя изъ прелестнѣйшихъ разговоровъ испанскаго поэта Тирзо де Молина.

Когда благородные посѣтители удалились, Гарсія, замѣтивъ вниманіе Мендо къ женѣ своей, и считая его королемъ, чувствуетъ тайное безпокойство, которое невольно выражается въ его задумчивомъ и важномъ видѣ. Нѣсколько словъ Бланки, исполненныхъ прелести, нѣжности и веселости, успокоиваютъ его, а чувство преданности къ своему государю заставляетъ его упрекать себя за то, что онъ возымѣлъ на него подозрѣніе.

Донъ Мендо, обязанный слѣдовать за королемъ, не отказался однако же отъ исполненія своихъ преступныхъ замысловъ. Убѣжденный въ высокомъ о себѣ мнѣніи, увѣренный, что въ сопротивленіи Бланки нѣтъ ничего серьозваго, онъ рѣшился сдѣлать новое покушеніе на ея добродѣтель.

На другой день, подкупленный имъ слуга доноситъ ему, что Гарсія отлучился на цѣлые сутки въ горы, на кабанью охоту. Онъ спѣшитъ воспользоваться отсутствіемъ хозяина и около полуночи, проникаетъ въ его домъ чрезъ окно, съ намѣреніемъ оставленное отворенным его сообщникомъ. Можно представить себѣ, какъ онъ былъ пораженъ, когда на мѣсто Бланки увидѣлъ самого Гарсія, который, по какому-то счастливому случаю, ранѣе обыкновеннаго возвратился съ охоты. Чтобы лучше оцѣнить слѣдующую сцену, должно припомнить ошибку, къ которой подала поводъ красная лента ордена, пожалованнаго дону Мендо.

Д. Мендо, (завертываясь въ плащъ). Видитъ Богъ!.. это Гарсія! Но дѣлать нечего!.. Смѣлѣй, Мендо! отступленіе не возможно! Вотъ каково ввѣряться деревенскому слуху!

Д. Гарсія. Милостивый государь, если только человѣкъ, способный къ подобной низости, можетъ быть благороднымъ,— если крайность внушила вамъ намѣреніе меня обокрасть, скажите мнѣ, чего вы желаете; клянусь честію, я постараюсь васъ удовлетворить.

Д. Мендо. Пустите меня, Гарсія.

Д. Гарсія. О, что касается до этого, то прошу извинить. Прежде всего, я долженъ узнать, кто вы такой. Скажите мнѣ немедленно, или я стану стрѣлять по васъ.

Д. Мендо. Только старайся не про-

махнуться; предупреждаю тебя, что когда ты будешь безоруженъ, бой будетъ не равенъ. Быть можетъ, справедливость-то на твоей сторонѣ; но превосходство, которое я имѣю надъ тобою въ храбрости и въ знатности рода, кажется слишкомъ достаточно перевѣшиваетъ это единственное преимущество. Лента, украшающая мою грудь покажетъ тебѣ, кто я таковъ. (*Сбрасываетъ плащь*).

Д. Гарсія, (*въ сторону, роняя ружье*). Король! Боже, подкрѣпи меня! И судя по его словамъ, ему извѣстно, что я его знаю. Честь, долгъ!.. что дѣлать! Какъ остаться вѣрнымъ одному, не измѣнивъ другой!

Д. Мендо, (*въ сторону*). Какъ ясно обнаруживается душа презрѣннаго плебейца! Уже одно мое званіе поражаетъ его ужасомъ. Это ли герой, котораго графъ Оргасъ выхвалялъ съ такимъ восторгомъ! Добрый старикъ видно уже разучился судить о храбрости. (*громко*) Вы застали меня въ вашемъ домѣ; я не могу бѣжать, не хочу оправдывать моего поступка; я вошелъ къ вамъ ночью...

Д. Гарія. Чтобы похитить мою честь. Да, вы благородно платите за гостепріимство, оказанное вамъ Бланкою и мною. Какая разница въ нашихъ поступкахъ! Оскорбленный вами, я не перестаю васъ уважать, а вы, которому я далъ доказательства нелицемѣрной преданности, вы награждаете меня смертельною обидою.

Д. Мендо. (*Въ сторону, намѣреваясь поднять ружье*). Не должно ввѣряться человѣку такого разбора, когда мы его оскорбили.—Это оружіе послужитъ мнѣ защитою.

Д. Гарсія. Что вы дѣлаете? Оставьте это ружье!—Я непозволю вамъ его взять; не хочу, чтобы вы могли приписать мое поведеніе преимуществу, которое дало бы вамъ надо мною оружіе. Орденъ, украшающій вашу грудь, достаточно васъ защищаетъ: лучи Кастильскаго солнца спасли васъ, ослѣпивъ меня.

Д. Мендо. И такъ, вамъ извѣстно кто я.

Д. Гарсія. Судите о томъ по моимъ поступкамъ.

Д. Мендо. Мое званіе не позволяетъ мнѣ удовлетворить васъ. Что же намъ дѣлать?

Д. Гарсія. Удалитесь. Молите Бога, чтобы онъ помогъ вамъ умѣрять ваши страсти и не возвращайтесь болѣе въ Кастаньяръ. Мнѣ непозволено мстить за мою обиду, но небо, которому поручаю я мщеніе, окажетъ мнѣ справедливость.

Д. Мендо. Гарсія, я не забуду, чѣмъ вамъ обязанъ.

Д. Гарсія. Мнѣ не нужна ваша благодарность.

Д. Мендо. Я желалъ бы, чтобы графъ Оргасъ ничего не зналъ о происшедшемъ.

Д. Гарсія. Я вамъ это обѣщаю.

Д. Мендо. Да благословитъ васъ небо!

Д. Гарсія. Да поможетъ вамъ Господь и да сохранитъ Бланку и меня отъ вашихъ замысловъ.

Д. Мендо. Ваша жена...

Д. Гарсія. Ни слова больше. Я знаю ее; убѣжденъ, что вы одни виновны. Куда вы идете?

Д. Мендо. Я ищу дверей.

Д. Гарсія. Какое ослѣпленіе! Вы должны уйти какъ пришли (*показываетъ ему на окно*).

Д. Мендо. Еще разъ, вы меня знаете?

Д. Гарсія. Увѣряю васъ, что если бы не зналъ, то вы сошли бы отсюда гораздо скорѣе. Теперь можете взять это оружіе. Въ лѣсу бродятъ разбойники. Они могутъ поступить съ вами не такъ снисходительно, какъ я. Сходите скорѣе. Я хочу, чтобы Бланка ничего не знала объ этомъ приключеніи.

Д. Мендо. Повинуюсь вамъ.

Д. Гарсія. Не теряйте времени на изъясненія; поспѣшайте удалиться и берегитесь, чтобы не упасть. Мнѣ было бы не пріятно, если бы, ранивъ себя, вы поставили меня въ необходимость снова принять васъ въ мой домъ. Сходите, не бойтесь, я держу лѣстницу.

Очень не много найдется положеній, столь сильныхъ, столь драматическихъ, какъ двойное заблужденіе Гарсія и дона Мендо. Одинъ, уже готовый поразить человѣка, который хотѣлъ нанести ему смертельное оскорбленіе, переходитъ отъ угрозъ, къ изъявленіямъ почтенія, полагая, что узналъ въ немъ своего госуда-

ря. Другой, въ своемъ тщеславіи, даже не подозрѣваетъ, что чрезмѣрная снисходительность, которую ему оказываетъ Гарсія, происходитъ совершенно отъ иныхъ причинъ, а не отъ чувства превосходства званія велеможи надъ бѣднымъ деревенскимъ жителемъ, ослѣпленнымъ его происхожденіемъ и почестями. Не возможно лучше выставить эти два характера.

Оставшись одинъ, Гарсія предается самому глубокому и живому отчаянію. Голова его кружится. Онъ не знаетъ, на что рѣшиться ему. Разгоряченное воображеніе непредставляетъ ему наконецъ другаго средства разстроить преступные замыслы, спасти свою честь, какъ предавъ смерти свою невинную жену. Въ его сердцѣ возникаетъ жестокая борьба между любовью и ревностію; наконецъ, онъ беретъ кинжалъ и спѣшитъ къ женѣ. Между тѣмъ, какъ онъ колеблется, терзается горестью и сомнѣніемъ, Бланка въ испугѣ убѣгаетъ изъ дома и ищетъ убѣжища въ сосѣднемъ лѣсу. Тамъ встрѣчается ей ихъ покровитель, графъ Оргасъ. Онъ ѣхалъ къ ея мужу, объявить ему, что король намѣренъ ему ввѣрить начальство надъ отрядомъ войска, которое онъ посылаетъ противъ Мавровъ. Бланка, нѣсколько успокоенная его присутствіемъ, разсказываетъ ему объ опасности, которой она подвергалась. Всегда нѣжная и кроткая, она старается извинить мужа, хотя не можетъ постигнуть причины его изступленія. Графъ поручаетъ одному изъ своихъ служителей отвести Бланку къ королевѣ, повѣряя ей тайну ея рожденія и прося принять ее подъ свое покровительство. Потомъ онъ идетъ къ Гарсію и осыпаетъ его упреками за варварскій поступокъ съ женою. Наконецъ, приглашаетъ слѣдовать за собою въ Толедо, чтобы возблагодарить короля за высокое доказательство довѣренности къ нему и уваженія. Гарсія изъ словъ графа понялъ только то, что Бланку отвели во дворецъ короля. Ужасаясь одной мысли объ этомъ, не смѣя изъяснить на своего поведенія, ни своего страха, чтобы не нарушить клятвы, данной своему государю, онъ имѣетъ одно только желаніе одну мысль—ту же минуту отправиться ко двору. Лишь только онъ пріѣзжаетъ, его вводятъ къ королю, окруженному придворными. Здѣсь наконецъ истина открывается глазамъ Гарсія.

Король. Подойди и прими изъ устъ моихъ выраженіе благосклонности, которую ты въ полной мѣрѣ заслуживаешь.

Д. Гарсія, (неузнавая короля). Простите меня. Сначала я долженъ облобызать стопы Е. В. (*подходитъ къ Мендо*).

Д. Мендо. Гарсія, вотъ король.

Д. Гарсія (въ сторону). Что слышу! о моя честь! Но какимъ образомъ произошла такая ошибка? Государь! Удостойте позволить мнѣ облобызать вашу руку... если я достоинъ...

Король. Успокойся. Отъ чего происходитъ тное волненіе? Ты блѣднѣешь?

Д. Гарсія (въ сторону). Можетъ ли не блѣднѣть дворянинъ, когда онъ лишился чести! Государь, позвольте мнѣ сказать вамъ два слова. Вы солнце Кастиліи. Простертый у ногъ вашихъ, ослѣпленный блескомъ вашихъ лучей, я невольно обнаружилъ то, что вы читаете на лицѣ моемъ.

Король. Развѣ кто нибудь тебя оскорбилъ?

Д. Гарсія. Да, и я знаю того, кто оскорбилъ меня.

Король. Кто онъ такой?

Д. Гарсія. Мнѣ не извѣстно его имя.

Король. Укажи мнѣ его.

Д. Гарсія. Я хочу это сдѣлать. (*къ дону Мендо*). Я желалъ бы поговорить съ вами о важномъ дѣлѣ, такъ, чтобы король не былъ свидѣтелемъ нашего объясненія.

Д. Мендо. Я буду васъ ждать въ сосѣдней комнатѣ.

Король. Кута ты идешь, Гарсія?

Д. Гарсія. Исполнить приказаніе В. В.

Король. Его горесть меня трогаетъ. Желалъ бы я поскорѣе узнать, кто его оскорбилъ.

Д. Гарія (за сценою). Д. Мендо, вотъ чего требуетъ оскорбленная честь! (*закалываетъ его*).

Д. Мендо. Умираю!

Король повелѣваетъ схватить убійцу. Гарсія не только не изъявляетъ намѣренія скрыться, но самъ, съ гордымъ ви-

домъ, является къ королю. Честь его отмщена: что ему до остальнаго. За минуту рѣчь его была запутана, не ясна; теперь онъ выражается съ благородною увѣренностію и даже съ безстрашною восторженностію. Онъ открываетъ королю тайну своего происхожденія; разсказываетъ, какая гнусная обида побудила его къ отмщенію. «Этотъ вѣроломный человѣкъ, говоритъ онъ, только лишь вступилъ въ мой домъ и уже осмѣлился обратить на жену мою преступные взоры. Принимая его за васъ, государь, вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія, я принудилъ справедливый гнѣвъ свой умолкнуть передъ обязанностію вѣрноподданнаго и пощадилъ его. Но заблужденіе открылось и честь моя громко востребовала мщенія. Я схватилъ кинжалъ и пронзилъ его сердце. Вы видите его простертаго мертвымъ. Вы сочли бы меня безчестнымъ, если бы на вопросъ: «кто оскорбилъ тебя?» Я показалъ бы вамъ на живаго. Мнѣ не для чего было разбирать кто онъ,—сынъ ли солнца, важнѣйшее лицо въ государствѣ, первый вашъ любимецъ, второй послѣ васъ. Вамъ извѣстно, кто я и какую получилъ обиду. Вотъ виновный, вотъ рука, которая его поразила. Пусть падетъ она подъ сѣкирою палача, но до тѣхъ поръ, пока голова моя останется на плечахъ, «*никто, кромѣ короля*» не оскорбитъ меня безнаказанно.

— Король, вполнѣ убѣжденный его оправданіемъ, одобряетъ поступокъ Гарсія. Онъ поручаетъ ему начальство въ Альджезираскомъ походѣ и новый полководецъ немедленно отправляется въ Андалузію.

Нельзя не признаться, что ужасная развязка этой драмы подготовлена съ большимъ искусствомъ. Самый ужасъ, внушаемый преступленіемъ, исчезаетъ нѣкоторымъ образомъ, передъ участіемъ, которое поэтъ умѣлъ возбудить въ пользу Гарсія. При всемъ томъ, когда впечатлѣніе, производимое послѣднею сценою, проходитъ, слова Гарсія: вотъ чего требуетъ честь! возбуждаютъ въ насъ чувство близкое къ негодованію. Подобное восклицаніе, сопровождаемое ударомъ кинжала безоружному, было бы понятно для насъ только тогда, когда бы, уничтоживъ въ себѣ врожденныя намъ понятія, мы могли въ духѣ современниковъ короля Альфонса воспринимать всѣ вплечатлѣнія и чувства вѣка, изображаемаго драмою Рохаса.

Одна черта испанскихъ нравовъ въ особенности такъ часто встрѣчается въ ихъ древнихъ драмахъ, что невозможно видѣть въ ней только поэтическій вымыселъ; эта черта—есть ревность. Не та страсть, которая невольно порождается нѣжною, опасливою, недовѣрчивою любовію, или прихотливымъ пыломъ чувствъ, а ревность чести, или лучше сказать, ревность ума, потому что она проистекаетъ болѣе изъ обязанностей и приличій, нежели изъ страсти, и имѣетъ одинаковый характеръ, возбуждается подъ одними и тѣми же признаками въ отцѣ, братѣ, мужѣ, даже въ любовникѣ. То, что сохранилось отъ этого чувства въ новѣйшихъ европейскихъ нравахъ, едва достаточно дать самое слабое понятіе о чувствѣ, господствовавшемъ тогда въ Испаніи. Невольно подумаешь, что въ слѣдствіе продолжительнаго владычества Мавровъ, часть восточныхъ магометанскихъ идей о образѣ жизни женщинъ и ихъ общественныхъ отношеніяхъ, смѣшалась въ этой странѣ съ понятіями и обычаями христіанъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что находимъ мы во всѣхъ испанскихъ драмахъ, не исключая и тѣхъ, которыя, по выбору предметовъ и лицъ, очевидно имѣютъ цѣлію представить намъ картину жизни обыкновенной, а не какое нибудь явленіе, исключительно трагическое и романтическое. Для того, чтобы обнести женщину злословіемъ, довольно, если незнакомый мужчина проникнетъ безъ явной причины въ домъ, гдѣ она живетъ, или даже пройдетъ вечеромъ подъ ея балкономъ; нѣсколько словъ, съ нею сказанныхъ, сужатъ почти несомнѣннымъ доказательствомъ преступной связи; а увѣренность, или даже простое подозрѣніе въ такой связи, относясь еще болѣе къ чести мужчины, обязаннаго ей покровительствовать, нежели къ ея собственной, вмѣняетъ ему въ непремѣнную обязанность не отвергать ни одного средства возстановить свою честь, или за нее от-

мститъ. Разумъ его можетъ возставать противъ этой необходимости; часто онъ громко вопіетъ противъ жестокаго закона, подвергающаго его ужаснымъ послѣдствіямъ заблужденій и страстей, которымъ онъ нисколько не причастенъ.

Эти жалобы, которыя у Мольера такъ забавны и простодушны, когда произноситъ ихъ трусъ Сганарель, принимаютъ возвышенный и трогательный характеръ у испанскихъ поэтовъ, которые влагаютъ ихъ въ уста людей исполненныхъ мужества и чести. Но какъ бы ни было сильно ихъ отвращеніе, они не колеблятся ни минуты. Подъ опасеніемъ прослыть безчестными, они должны проливать кровь, не только дерзкаго, который осмѣливался обратиться съ изъясненіями любви къ ихъ дочери, сестрѣ, женѣ, но даже кровь безразсудной, которая принимала или не отвергала ихъ со всевозможными силами. Виновная такъ хорошо это знаетъ, что когда она дѣлается предметомъ подозрѣній, то первая ея мысль, есть мысль о смерти, которую она считаетъ неизбѣжнымъ и самымъ естественнымъ послѣдствіемъ своего проступка. Въ драмахъ, наименѣе трагическихъ, среди самыхъ веселыхъ сценъ зритель безпрестанно видитъ, какъ братъ, отецъ, при малѣйшемъ подозрѣніи извлекаетъ кинжалъ, чтобы поразить несчастную, которая его возбудила. Обыкновенная развязка состоитъ въ томъ, что въ эту критическую минуту, любовникъ предлагаетъ бракъ, на который съ удовольствіемъ соглашаются, потому что онъ во всѣхъ отношеніяхъ приличенъ. Этотъ бракъ, конечно, могъ бы быть совершенъ съ первой минуты; но для составленія комедіи, такая интрига необходима.

Изъ этого видно, что въ самыхъ забавныхъ произведеніяхъ испанскихъ поэтовъ дѣйствіе необходится безъ убійства, которое составляетъ необходимую принадлежность любви и ревности. Что же въ трагедіяхъ? Они выводятъ на сцену оскорбленнаго супруга, для котораго нанесенная обида незагладима, который не можетъ извинить покушеній, по его мнѣнію, очевидно преступныхъ, потому что слѣдуя, ужасной логикѣ чести, уже намѣреніе оскорбить ее столь же виновно и столь же мало можетъ быть прощено, какъ преступленіе, уже совершеное: оскорбленіе неминуемо должно быть омыто кровью въ ту же минуту, потому что малѣйшее замедленіе увеличило бы оскорбленіе. Такъ поступаетъ Гарсія де Кастаньяръ, такъ поступаютъ и въ другихъ испанскихъ драмахъ, которыхъ дѣйствіе, если судить его по нашимъ понятіямъ, возмутило бы насъ еще болѣе и показалось бы намъ рѣшительно не совмѣстнымъ съ благородствомъ души, даже съ честностью.

Въ «Врачѣ своей чести» Калдерона, выставленъ мужъ, который не можетъ отмстить любовнику своей жены, потому что почти царское званіе защищаетъ виновнаго отъ его ударовъ. По внушенію утонченной гордости, онъ не хочетъ также дать своему мщенію гласность, и открыть передъ всѣми мнимо-нанесенную ему обиду. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ предаетъ самой страшной смерти женщину, страстно имъ любимую, которой существованіе, по его мнѣнію, было бы для него смертельнымъ поношеніемъ если бы продлилось хотя минуту. Онъ заставляетъ лекаря пустить ей кровь, оставляетъ ее изойти кровію и когда она умерла, отправляется къ королю и говоритъ ему съ отчаяніемъ, что невѣжество лекаря похитило у него все счастіе жизни; король, который знаетъ истину и который глубоко тѣмъ огорченъ, строгій, справедливый, «*правосудный*» Донъ-Педро не смѣетъ однако же громко осудить подобный поступокъ, совершенный со всѣмъ хладнокровіемъ и заранѣе обдуманный.

Еще поразительнѣе дѣйствіе въ другой піесѣ. Самое заглавіе ея чрезвычайно значительно: «За тайную обиду, тайная месть.» Тамъ, обиженный супругъ не имѣетъ ни какой причины судить своего счастливаго соперника; его удерживаетъ только страхъ сдѣлать гласнымъ свое безчестіе. Дѣлая видъ, что онъ ничего не подозрѣваетъ, онъ коварно умерщвляетъ несчастнаго въ лодкѣ пригласивъ его кататься по Таго, и потомъ опрокидываетъ лодку, чтобы подумали будто онъ уто-

нулъ въ волнахъ. Насладившись отчаяніемъ жены, которой онъ сообщаетъ это извѣстіе, какъ вещь для нея постороннюю, онъ закалываетъ и ее ночью; потомъ зажигаетъ домъ и когда онъ обратился въ пепелъ, разсказываетъ, что не смотря на всѣ его усилія, онъ не могъ спасти изъ пламени свою милую подругу. Король Себастіянъ, которому извѣстно все, что между ними происходило, не только, подобно дону Педро, оставляетъ безъ наказанія такое отвратительное возмездіе; онъ показываетъ даже, что проникнутъ къ нему удивленіемъ. Этому удивленію, конечно, сочувствовали соотечественники Кальдерона, потому что онъ осмѣлился выразить его передъ ними въ драмѣ, чрезвычайно замѣчательной по таинственному фатализму и мрачному ужасу, которые онъ умѣлъ на нее разлить.

Одно обстоятельство особенно поражаетъ насъ въ этихъ странныхъ вымыслахъ, которые, повторяемъ, были по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, отраженіемъ современныхъ понятій. Испанцы той эпохи понимали со всѣмъ иначе мщеніе за оскорбленіе чести, нежели понимаютъ въ наше время. Теперь, требуя въ нѣкоторыхъ, чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, кроваваго удовлетворенія, имѣютъ цѣлію не столько насытить свою ненависть, и наказать соперника, сколько дать доказательство собственной храбрости, доказать, что не заслуживали обиды, которой стали жертвою и тѣмъ самымъ избѣгнуть презрѣнія. Эта цѣль не могла существовать въ XVI вѣкѣ, быть можетъ, потому-что въ томъ классѣ, гдѣ господствовали самыя строгія требованія чести, личное мужество, въ слѣдствіе привычекъ и воспитанія, было слишкомъ обыкновеннымъ, слишкомъ натуральнымъ, чтобы нужно было его доказывать.

Обиженная честь требовала непремѣнно жертвы кровавой, единственнаго средства смыть съ себя пятно. Мщеніе, собственно такъ называемое, это непримиримое чувство, такъ сильно вкоренившееся въ сердце человѣка, что самое высокое просвѣщеніе безсильно не только истребить его, но даже укротить его порывы,—мщеніе въ видѣ самомъ грубомъ, самомъ жестокомъ,—таково было необходимое, непремѣнное требованіе обиженной чести. И надобно, чтобы это мщеніе было ужасно; если же оно вмѣстѣ отвратительно и подготовлено самыми низкими средствами,—до этого нѣтъ дѣла: цѣль, скоро и совершенно достигнутая, оправдывала средства. Все было позволено противъ оскорбителя. То былъ законъ жизни дикой, который продолжалъ владычествовать среди общества, во многихъ отношеніяхъ просвѣщеннаго до утонченности.

Не должно ничего преувеличивать: владычество подобныхъ понятій не было, конечно, ни всеобщимъ, ни безусловнымъ. Самый испанскій театръ, гдѣ мы находимъ столько доказательствъ ихъ вліянія, доказываетъ, что иногда примѣшивались къ нимъ порывы болѣе благородные и великодушные, которые, казалось, противорѣчили первымъ. Иначе и не могло быть; человѣческая природа, столь несовершенная, не постоянная въ добрѣ, къ счастію, еще болѣе несовершенна во злѣ. Но это были только исключенія. Неоспоримо, что авторы драмъ XVII-го вѣка не оскорбляли понятія публики, не унижали своихъ героевъ, приписывая имъ самыя ужасныя, безчеловѣчныя, звѣрскія дѣйствія мщенія; что напротивъ лица этихъ героевъ, выставленныя въ такомъ свѣтѣ, казались сильнѣе, способнѣе къ истинной страсти, достойнѣе живѣйшаго участія.

Какимъ образомъ подобныя заблужденія могли согласоваться съ восторженною, пламенною набожностію, которая тогда господствовала надъ умами, оживляла воображеніе каждаго? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, стоитъ только вспомнить, что сдѣлали испанцы въ то время изъ христіанской религіи. Тамъ, гдѣ уродливый, безчеловѣчный фанатизмъ заступилъ религіозное чувство, можно ли удивляться, что честь, этотъ образъ добродѣтели, былъ такъ безобразно искаженъ; даже кажется, что иначе и не могло случиться. Весьма сомнительно, чтобы нравственность могла долго оставаться не прикосновенною, когда ея основаніе, религія, испытала не только въ формѣ и принадлежностяхъ, но даже въ существѣ своемъ

такія глубокія, чудовищныя искаженія.

Какіе же пути довели испанцевъ до такихъ удивительныхъ заблужденій въ вѣкѣ, который, конечно, не возможно назвать вѣкомъ варварства и невѣжества? Нѣсколько словъ будутъ достаточны объяснить это.

Все преувеличивать, искать во всемъ крайностей, стремиться не только къ великому, но даже къ гигантскому, простирать одобреніе до восторга, порицаніе до негодованія, преданность и привязанность до слѣпаго обожанія, презрѣніе и отвращеніе до самой изступленной, самой безчеловѣчной ненависти; преслѣдовать до самыхъ крайнихъ послѣдствій ужасную логику страсти и фанатизма, которая имѣетъ надъ предубѣжденнымъ воображеніемъ такую гибельную, пагубную власть:—все это въ природѣ ума испанцевъ. Очень понятно, что въ душѣ ихъ немного остается мѣста для человѣколюбія, того добраго чувства, которое вложило въ насъ провидѣніе, чтобы вознаградить недостаточность нашего разума и которое одно можетъ удержать насъ, когда мы допускаемъ обольщать себя софизмами хитрихъ доводовъ, или внушеніями гордости и мщенія. Эти благодѣтельныя, святыя побужденія не опираются на умствованія; ихъ могущество заключается въ нихъ самихъ. Когда же это могущество подавлено, когда человѣкъ дѣлается способнымъ думать, что есть нѣчто истиннѣе разума, достойнѣе уваженія, чѣмъ человѣческая жизнь, что похвально попирать ногами, какъ слабости, какъ пошлые предразсудки, и доброе чувство, и состраданіе, и вѣрованія души, тогда не возможно назначить предѣловъ отвратительнымъ, безумнымъ поступкамъ. Тогда человѣкъ становится способнымъ и къ ужасамъ инквизиціи, и къ совершенію убійствъ Варѳоломеевской ночи и, прибавамъ мы, рукоплескать, какъ славнымъ подвигамъ, мщенію героевъ Кальдерона и Рохаса.

Л. ДЕ-ВІЕЛЬ-КАСТЕЛЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

КУПЛЕТЫ.

ИЗМѢНА МИЛОЙ.

Была пора, пора златая,
Я быстро шелъ въ свой дальній путь —
И жизнь, какъ дѣва молодая,
Любовью къ странпику пылая,
Меня звала къ себѣ на грудь.

На зовъ любви, на зовъ отрадный,
Въ избыткѣ юношескихъ силъ,
Въ объятья дѣвы непаглядной,
Дарами счастія нарядной,
Я съ жаркимъ сердцемъ поспѣшилъ...

Но радость пламенною вьюгой
Промчалась быстро надо мной —
И скоро милая подруга,
Для ласкъ посторженнаго друга,
Холодной сдѣлалась женой....

Онъ тяжекъ былъ, обманъ жестокій,
Для сердца жаднаго любить:
И вотъ размолвка и упреки,
Предвѣстьемъ бури недалекой,
Явилась миръ нашъ возмутить.

И буря грянула бѣдою:
Мнѣ измѣнила жизнь моя —
И уцѣлѣвшій подъ грозою,
Остался грустнымъ сиротою
Я на распутьи бытія.

1841 года. Вологда.

Николай Вуичъ.

НЕГОДОВАНІЕ.

Когда вхожу я въ залъ, гдѣ тысячи огней
Горятъ привѣтливо для созванныхъ гостей,
Гдѣ бронза, золото и дорогія ткани,
(Тщеславной прихоти роскошнѣйшія дани)
Рукой искусною разбросаны;—я тамъ
Не предаюсь моимъ восторженнымъ мечтамъ,
О, нѣтъ! я на толпу безмолвно негодую,
За родину мою я къ Франціи ревную,
Къ той самой Франціи, которая въ слезахъ
Лобзала нашихъ ногъ побѣдоносный прахъ!

И какъ не ревновать? Вотъ я въ гостиной русской;
Но слухъ мой оглушенъ здѣсь рѣчію французской.
Родной, плѣнительный, могучій нашъ языкъ,
Отъ этой почести заслуженной отвыкъ;
Онъ изгнанъ, и теперь, скиталецъ благородный,
Нашелъ себѣ пріютъ на площади народной.
Какой досадою мой блещетъ гнѣвный взглядъ,
Когда взгляну на нашъ уродливый нарядъ:
Смѣяться хочется надъ глупостью людскою!
Рабами слѣдуя за модой выписною,
За модой, прихотью лѣнивыхъ богачей,
За выдумкой пустой искусныхъ торгашей,
Мы дѣдовскій нарядъ оставили съ презрѣньемъ;

И чтобъ съ французами сравняться просвѣщеньемъ,
Забыли свой кафтанъ и шляпу и кушакъ,
Надѣли на себя широкофалдый фракъ,
И чтобы наравнѣ стать съ вѣтреннымъ народомъ,
Покрой одежды мы измѣнили съ каждымъ годомъ.
А гдѣ нашъ парчевой, богатый сарафанъ,
Который стягивалъ красавицъ легкій станъ?
Гдѣ онъ, нарядъ родной, нарядъ національный?
Взгляните вы на дамъ, когда на вечеръ бальный
Онѣ съѣзжаются: не русскія онѣ;
И хочется вздохнуть по милой старинѣ!

А пляска? Вы ее не встрѣтите въ гостиной.
Съ очами черными и съ грудью лебединой,
Красотка русская не выйдетъ предъ гостей
И чуднымъ языкомъ рукъ бѣлыхъ и плечей,
Бесѣдой ласковой очей краснорѣчивыхъ,
На развлечетъ она танцоровъ говорливыхъ,
Которые, лоща блистающій паркетъ,
Небрежно шаркаютъ и удивляютъ свѣтъ
Искусствомъ бѣганья и быстротою вальса.
Не удивитъ она героевъ преферанса,
Сидящихъ ночь и день за ломбернымъ столомъ,
Гдѣ вянутъ чувствами, душою и умомъ;
Гдѣ золото одно суть цѣль всѣхъ желаній;
Гдѣ юность плутовству безумно платитъ дани,
Служа посѣтителямъ картежнымъ мудрецамъ...
Какъ негодую я, когда бываю тамъ!
И Лядова смычекъ волшебный и свободный
Нашъ слухъ не радуетъ мелодіей народной;
Здѣсь пѣсня Русская для всякаго чужда;
Своею славою гордиться мы несмѣемъ,
И робко предъ своимъ могуществомъ красѣемъ!
Печально я смотрю на этотъ жалкій вѣкъ,
Когда въ рядъ обезьянъ сталъ русской человѣкъ!
И гдѣ народный духъ? Здѣсь русію не пахнетъ!
Презрѣньемъ онъ покрытъ, въ забвеніи онъ чахнетъ.
Давно ли на поляхъ родныхъ Бородина
Онъ славой озарилъ святыя знамена?
Давно ли онъ, презрѣвъ судъ тягостный потомковъ,
Погребъ своихъ враговъ подъ грудою обломковъ,
Столицы сѣверной, гдѣ онъ мужалъ и росъ,
Гдѣ сокрушенный палъ воинственный колосъ?
Давно ли создавалъ, въ избахъ, въ чертогахъ царскихъ,
Изъ гражданъ—Мининыхъ, изъ воиновъ—Пожарскихъ?
А гдѣ же онъ теперь? Онъ, старый инвалидъ,
Для моды суетной, заброшенъ, позабытъ.
Теперь да здравствуетъ у насъ не постоянство!...
Французамъ чопорнымъ смѣшное обезьянство
Въ пословицу вошло... Но знайте, русскій духъ
Въ насъ тлѣетъ искрою, а не совсѣмъ потухъ:
Пусть оскорбляютъ его,—единое мгновенье
И духа русскаго настанетъ воскресенье!

Пора воспрянуть намъ отъ самовластія модъ!
Будь русскимъ нашъ стальной, могучій нашъ народъ!
Возстань, крѣпись, иди, иди съ Европой рядомъ,
По русскимъ будь умомъ, душою и нарядомъ;
Гордись ты славою, могуществомъ Царей,
Не забывай своихъ священныхъ олтарей,
Иди своей стезей съ рѣшимостью стартанца
И гордо презирай насѣшки иностранца.

Н. Третьяковъ.

9 декабря.
1841.

ОПЫТЪ.

Дни мои чудные, дни мои ясные,
Васъ я не знаю давно!
Дѣвы-красавицы, дѣвы прекрасныя
Слова не молвятъ со мной.
Прежде, бывало, я мыслью могучею,
Мчался въ засолнечный край;
Нынѣ, какъ встрѣчусь съ мечтою летучею,
Ей говорю я: прощай!
Прежде, за кубкомъ съ друзьями разгульными,
Ночи и дни я сижу;
Нынче, на кубокъ глазами разумными,
Съ горькой улыбкой гляжу.
Что же такое со мной приключилося?
Жаръ ли остынулъ въ крови,
Или ужь сердце любить разучилося,
Или, нѣтъ въ свѣтѣ любви?
Мысли ль утратили прелесть чудесную,
Смолкнулъ ли чувства глаголъ,

Строгій разсудокъ темницу ли тесную
Быстрымъ мечтаньямъ отпелъ?
Мнѣ ль измѣнила ты, дружба завѣтная,
Стали ль врагами друзья;
Ядомъ ли брызжетъ вино искрометное;
Смерть ли сулитъ намъ струя?
Нѣтъ! Посмотрите, все въ мірѣ попрежнему,
Что же я мраченъ, унылъ?
Двери я отперъ, радъ старцу заѣзжему,
Въ хатѣ его пріютилъ.
Старецъ испытанъ былъ жизнію строгою,
Тайну онъ жизни постигъ;
Шелъ онъ по свѣту прямою дорогою,
Въ душу людей онъ проникъ;
Ясно онъ понялъ всѣ чувства красавицы,
Ясно онъ въ сердцѣ читалъ;
Зналъ отличить онъ ханжу отъ страдалицы,
Хитрый обманъ понималъ.
Старецъ сказалъ мнѣ съ улыбкою грустною:
«Дружба, любовь и мечты
«Губятъ васъ, люди, личиной искусною:
«Вѣрь мнѣ, погибнешь и ты!
«Рѣчь ихъ коварная дышетъ отравою,
«Лобзаній ты ихъ берегись;
«Другъ, не гонись за любовью, за славою,
«Съ дружбой на вѣки простись;
«Ты не прельщайся ихъ лаской мгновенною,
«Ласки ихъ яда полны; —
«Вѣрь, все вдаль чередой неизмѣнною,
«Только мѣняетесь вы!»
—Кто ты? спросилъ я разскащика чуднаго,
Гдѣ же твой мирный пріютъ?
«Кто я?—не знаю; меня безпріютнаго
Опытомъ люди зовутъ.

Н. Третьяковъ.

=

МОГИЛА.

(Памяти В. Н. А.)

Незабвенная могила,
Я принесъ тебѣ поклонъ.
Здѣсь цвѣтокъ для сердца милый
Смертью ранней схороненъ.
Здѣсь отъ бурь суровой жизни,
Скрылся свѣтлый херувимъ,
Онъ, соскуча по отчизнѣ,
Улетѣлъ къ своимъ роднымъ.

Изъ-за облачной онъ кельи,
На друзей своихъ глядитъ,
И въ святое новоселье,
Взоромъ ласковымъ манитъ.
Полечу къ тебѣ я скоро,
Въ твой чудесный, новый край:
Безъ упрека, безъ укора
Въ небесахъ меня встрѣчай.

А теперь печаль и слезы
Надъ могилою твоей!
Въ ней на вѣкъ сокрыты грезы
Буйной юности моей.
Но язвительной отравой
Міръ тебя не очернитъ:
Бросилъ ты ему въ забаву
Незапятнанную славу
И безчувственный гранитъ.

Свѣтъ! ты тѣшься славой чудной,
Но она меня не льститъ:
Я какъ путникъ безпріютный —
Я возьму себѣ гранитъ.
И предъ нимъ, склоня колѣни,
Я молитвами упьюсь
И въ заоблачныя сѣни
Свѣтлой мыслью унесусь.

А пока съ пустой землею
Свой расчетъ не кончу я,
Каждой день ночной порою,
Незабвенная моя,
Прилетусь, какъ старецъ хилый,
Подъ могильную я сѣнь,
И надъ ранней могилой
Встрѣчу я, мой ангелъ милый,
Со слезами Божій день.

Н. Третьяковъ.

=

ОБЛАКА.

Серебристою грядою
Быстро мчатся облака.
Подъ лазурной пеленою
Имъ дорога широка.
Полны яркаго сіянья,
Полны радужныхъ цвѣтовъ,
Какъ видѣнья чудныхъ сновъ,
Какъ волшебныя мечтанья,
Вдаль стрѣлой они летятъ,
Блескомъ землю озаряютъ
И по небу разстилаютъ
Свой серебряный нарядъ.
Но воздушнымъ участь таже,
Что мечтаньямъ молодымъ:
Ждетъ одинъ законъ на стражѣ
Ихъ подъ сводомъ голубымъ:
Минетъ утра часъ летучій,
Полдень небо раскалитъ
И серебрено-зыбучій
Облаковъ волшебный видъ,
Въ громовыя сдвинетъ тучи,
Жгучей молньей окаймитъ.
И сольется на лазури,
Серебро ихъ въ ризу бури

И спадетъ въ грозѣ своей
Мутной влагою дождей.
Такъ кипучими страстями
Полдень жизни обожжетъ
Сновъ восторженныхъ полетъ,
Броситъ долу ихъ слезами
И туманными мечтами
Душу бурно обовьетъ.

Н. Грековъ.

=

* * *

Бываетъ порою:
Такъ хочешь молиться,
Такъ радъ бы душою
Съ душой подѣлиться.

И сердце бъ изъ груди
Здѣсь вырвалъ охотно,
И молилъ бы: люди!
Терзайте свободно!
А темныя грезы
Бушуютъ и вьются,
А жгучія слезы
Такъ моремъ и льются.

И въ эти мгновенья
Ужасна непогода....
Ей нѣтъ выраженья,
Ей нѣтъ перепода.

Н. Грековъ.

=

МЕЛОДІЯ.

Любовь—благотворная сила;
Но въ памяти грустной моей
Она, какъ жиная могила,
Гдѣ много схоронено дней.
Не радости свѣтлой зарею,
Не счастья торжественнымъ днемъ,
Она пронеслася грозою
На небѣ ненастномъ моемъ.
И долго пылала волканомъ,
Кипучею лавой текла;
А тамъ, разлилася туманомъ
И въ душу глубоко легла.
И вотъ на своемъ пепелищѣ,
Лелѣя терновый вѣнокъ,
Горитъ, какъ порой на кладбищѣ
Могильный во тьмѣ огонекъ.

Н. Грековъ.

=

ЭЛЕГИЧЕСКИМЪ ПОЭТАМЪ.

Пойте пѣсни Дагестана,
Иль надъ Каспіемъ утесъ!
Пойте злобу Адельстана,
Иль возмездіе небесъ!
Пойте прелесть юной розы,
Иль восторги сладкихъ грезъ!
Хоть жаръ-птицу,—но не слезы,
Намъ не надо вашихъ слезъ!
Развѣ мало мы страдаемъ?
Развѣ мало мы безъ васъ
Слезъ горячихъ проливаемъ,
И томятъ тѣ слезы насъ?
Нѣтъ! даръ слова, даръ полезный
Не на то намъ далъ Творецъ,
Чтобы пѣть печали слезны,
Иль страданія вѣнецъ;
Нѣтъ онъ далъ для наслажденья
Эту неба благодать,
Чтобы ею, средь забвенья,
Славу Бога воспѣвать!...

Ипполитъ Голубинъ.

1839 г.

=

НА СПУСКЪ КОРАБЛЯ «ВЫБОРГА», 30-го ІЮЛЯ, 1841.

Корабль еще не окрыленъ,
И бури ужасовъ, среди пучины волнъ,
Не испыталъ. Въ безбрежномъ морѣ
Онъ не носился на просторѣ.

Что ждетъ тебя, Нептуна жрецъ?...
Къ чему назначенъ ты судьбою:
Въ согласьи-ль будешь жить съ волною,
Или погибнешь, какъ пловецъ,
Лишенный силъ.—О! счастливъ будь!
Летай въ моряхъ, препонъ не зная:
Неси перуны Николая,—
И слѣдъ твой будетъ славы путь.

К.....кій.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

О ТЕАТРАХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ, ПРИ ШЕКСПИРѢ.

Очень ошибочно полагали, что въ Лондонѣ при Шекспирѣ было семнадцать театровъ и что на всѣхъ ихъ играли въ одно и то же время. Настоящее число ихъ было десять и три частныхъ: *Блэкфрайерскій*, *Уайтъ-Фрайерскій* и *Кокъ Питъ* или *Фениксъ* въ Дрюри-лейнѣ; и семь публичныхъ (какъ ихъ въ то время называли): *Глобъ*, *Кэртенъ*, *Редъ Булъ*, *Форчунъ*, *Сгуанъ*, *Розъ* и *Гоупъ*. Чѣмъ отличались первые театры отъ послѣднихъ, въ точности еще не изслѣдовано. Достовѣрно только то, что частные театры были гораздо менѣе публичныхъ и открывались только зимою.

ВНУТРЕННОСТЬ ТЕАТРОВЪ.

Первоначально играли на постоялыхъ дворахъ, гдѣ обыкновенно устроивали временные театры. Галлереи, находившіеся по сторонамъ этихъ дворовъ, были весьма удобны для помѣщенія большаго числа зрителей. Средина двора назначалась для низкаго класса людей. — Представленія на этихъ временныхъ театрахъ давались только въ хорошую погоду, потому что надъ ними не было крышъ. Но въ скоромъ времени стали заботиться объ основаніи постояннаго театра и первое такое зданіе, исключительно назначенное для представленія драмъ и комедій, по мнѣнію *Скоттова* было Блэкфрайерскій театръ, построенный въ 1570 году. Около этого же времени были также основаны и другіе театры: Уайтъ-Фрайерскій и пр.

СЦЕНА.

Сцена отдѣлялась отъ зрителей только перилами и по ней иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсыпался мелкій камышъ; были однако случаи, впрочемъ очень рѣдкіе, когда вся сцена покрывалась камышемъ. Занавѣсъ, которая у насъ поднимается посредствомъ веревокъ и блоковъ, въ древнихъ англійскихъ театрахъ была иначе устроена, потому что механизмъ тогда еще не былъ доведенъ до такого совершенства, какое теперь существуетъ. Въ то время занавѣсъ открывалась на срединѣ и двигалась взадъ и впередъ на желѣзныхъ прутьяхъ. Въ нѣкоторыхъ театрахъ занавѣсы были шерстяныя, а въ иныхъ даже и шелковыя. Въ глубинѣ сцены находился балконъ или родъ верхняго театра, около осьми или девяти футовъ отъ земли; напереди его висѣли занавѣски для того, чтобы скрывать тѣхъ, которые садились въ немъ. По обѣимъ сторонамъ этого балкона находилось по одной ложѣ, которыя стоили гораздо дешевле и назывались иногда—частными ложами; въ нихъ садились или изъ скупости или для оригинальности.

Если нужно было представить театръ въ какой нибудь піесѣ, какъ на пр. въ Гамлетѣ, то придворные или зрители,

предъ которыми нужно было представлять, садились въ балконъ и актеры обращались къ нимъ лицомъ, а къ настоящимъ зрителямъ спиною.

Когда играли трагедію, то вся сцена покрывалась чѣмъ нибудь черным, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ въ старинныхъ драмахъ. Вотъ между прочимъ:

«Я только лишь замѣтилъ, что сцена обвѣшена черным и примѣчаю, что слушатели приготовлены для трагедіи».

Люки не нынѣшняго изобрѣтенія; они употреблялись во многихъ старинныхъ піесахъ, такъ на пр. въ драмѣ Марстона: «Мщеніе Антонія» упоминается, что Балурдо *входитъ изъ подъ пола*. Въ Макбетѣ сказано, что *сосудъ опускается*.

Сцена обыкновенно освѣщалась свѣчками, поставленными въ жирандоли (въ 1611 году употреблялись даже восковыя свѣчи). Въ скоромъ времени нашли, что такой способъ освѣщенія очень неудобенъ, потому что свѣтъ ударялъ прямо въ глаза зрителямъ; въ слѣдствіе этого старались замѣнить жирандоли чѣмъ нибудь другимъ, однако не было сдѣлано особеннаго улучшенія. Только при Гаррикѣ, послѣ его возвращенія изъ Франціи въ 1765 г., стали освѣщать такъ, какъ у насъ, посредствомъ лампъ, скрытыхъ отъ зрителей.

ДЕКОРАЦІИ.

Были ли во время Шекспира декораціи—неизвѣстно; даже это спорный пунктъ между критиками. *Стивенсъ* рѣшаетъ этотъ вопросъ положительно; но доказательства, приводимыя имъ, составлены по аналогіи и основаны, по большой части, на предположеніяхъ.

Онъ говоритъ: «*Ромео, стоя въ саду, указываетъ на верхушки деревъ, осребренныхъ луною*», потомъ: «*Іахимо, въ Цимбелинѣ, описываетъ подробно каждую малость, находившуюся въ спальнѣ Имоджены.*» Если бы внутренность этой комнаты, прибавляетъ Стивенсъ, не была представлена на самомъ дѣлѣ, то какимъ бы забавнымъ показался разсказъ Іохима!

Мэлонъ утверждаетъ напротивъ, что декораціи при Шекспирѣ не были извѣстны и это, кажется, справедливо. Онъ говоритъ, что декораціи были въ первый разъ употреблены въ Оксфордѣ, при одномъ представленіи, данномъ для Іакова перваго.

Одинъ современный писатель, описывая это представленіе, упоминаетъ, что сцена три раза перемѣнялась въ одной трагедіи посредствомъ разкрашеной матеріи — это должно быть не что иное, какъ наши декораціи.

Что касается до ботафорскихъ вещей и машинъ, то онѣ были давно уже извѣстны. Многіе, впрочемъ, сомнѣваются, былъ ли представленъ на сценѣ памятникъ Юліи, «въ Ромео и Юліи». Можетъ быть, Ромео отворялъ только люкъ, посредствомъ котораго онъ и сходилъ въ могилу.

При первомъ сношеніи Шекспира съ театромъ, вмѣсто декорацій писали названіе мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе, на доскахъ поставленныхъ въ виду всѣхъ зрителей; въ доказательство этого есть одно мѣсто у современнаго писателя: «Какой ребенокъ, находясь въ театрѣ, и увидѣвъ, что на старыхъ дверяхъ написаны Ѳивы, повѣритъ, что это настоящіе Ѳивы?»

АКТЕРЫ.

Въ 1583 г., послѣ жестокаго нападенія на театръ со стороны Пуританцевъ, двѣнадцать изъ первостатейныхъ актеровъ были приняты подъ покровительство различныхъ вельможъ и названы придворными актерами. Восемь человѣкъ изъ нихъ получали въ годъ около трехъ фунтовъ стерлинговъ, шесть шиллинговъ и восемь пенсовъ жалованья.

Въ это время существовало восемь различныхъ труппъ актеровъ, игравшихъ

два или три раза въ недѣлю. Шекспиръ самъ былъ актеромъ болѣе семнадцати лѣтъ и оставилъ эту должность за тринадцать лѣтъ до своей смерти. О достоинствахъ его, какъ актера, не осталось вѣрныхъ извѣстій, на которыя бы можно было положиться. У всѣхъ критиковъ существуетъ большое несогласіе въ мнѣніяхъ.

Тогда мало слѣдили за игрою актеровъ и ихъ слава совершенно зависѣла отъ воли судей, сужденіе которыхъ часто было очень не основательно. Изъ нѣкоторыхъ сатирическихъ мѣстъ у современниковъ Шекспира можно предполагать, что Шекспиръ не былъ любимцемъ публики; съ другой стороны совѣты и наставленія Гамлета актерамъ въ 3 дѣйствіи, явленіе III—такъ хороши и столько говорятъ въ пользу Шекспира, что гораздо скорѣе можно думать, что его не умѣли цѣнить, нежели самъ онъ былъ худымъ актеромъ. Роли, выполняемыя Шекспиромъ, были: *Тѣнь, въ «Гамлетѣ»* и *Адамъ* въ *«Какъ вамъ угодно»*, и нѣкоторыя другія, большею частью не такъ важныя. Достовѣрно извѣстно, что Шекспиръ никогда не занималъ первыхъ ролей.

Мальчики или юноши обыкновенно занимали женскія роли и хотя уже въ 1592 женщины играли на нѣкоторыхъ европейскихъ театрахъ, но на англійской сценѣ явились онѣ не прежде возстановленія. Первая актриса дебютировала въ ролѣ Дездемоны; имя ея неизвѣстно. Чтобы представить ее лондонской публикѣ, былъ написанъ прологъ, который мы и помѣщаемъ здѣсь:

«Я пришелъ сюда безъ вѣдома другихъ сказать вамъ новость: я видѣлъ одѣтую даму! Сегодня вѣдь играетъ женщина! понимаете ли вы меня? не мужчина въ женскомъ платьѣ и не пажъ въ юбкѣ, но женщина, сколько мнѣ извѣстно, однако, хоть умру здѣсь на мѣстѣ, но не могу поклясться въ этомъ. Не удивляетъ ли это насъ, господа? Я знаю, вы будете критиковать ее, но, смотрите, добросовѣстнѣе. Очень возможно, что добродѣтельная женщина, хотя она и врагъ всякихъ слабостей, однако играетъ и играетъ на сценѣ, гдѣ глаза всѣхъ обращены на нее. Неужели мы должны считать порокомъ то, что Франція признаетъ за честь? Въ другихъ государствахъ мужья безъ всякаго опасенія довѣряютъ это искусство своимъ женамъ, различіе только въ обыкновеніи; пускай же оно и у насъ войдетъ въ обычай и когда женщина станетъ играть, то, вѣроятно, каменныя сердца растаютъ отъ состраданія. Но вы, господа, судьи въ партерѣ, не составляйте объ ней худаго мнѣнія: пожалуйста, вы не дѣлайте ей визитовъ послѣ представленія и не предлагайте своихъ услугъ; но къ дѣлу. Въ этомъ вѣкѣ преобразованія, мы намѣреваемся просвѣтить и сцену. Теперь ваши женщины на сценѣ такъ уродливы и такъ худо сложены, что можно подумать, будто онѣ переряженные гвардейцы: потому что, говоря правду, мужчины отъ сорока до пятидесяти лѣтъ представляютъ пятнадцати-лѣтнихъ дѣвицъ; когда позовутъ Дездемону, вдругъ является неповоротливый великанъ, огромнаго роста. Мы удалимъ все, что не чисто, неприлично или отвратительно, и когда мы приведемъ все въ порядокъ, то пусть самый взыскательный критикъ приходитъ въ театръ».

Послѣ представленія былъ прочитанъ слѣдующій эпилогъ:

«Ну, какъ вамъ она нравится, господа? На что вы хотите напасть? она точно такая же въ обществѣ, какъ и въ частной жизни, въ такой же мѣрѣ распутна, какъ и Дездемона, оскорбленная и опозоренная, Мавромъ; кто обвиняетъ ее, тотъ имѣетъ душу червѣ лица Оттелло. Но вы, милостивыя государыни—вы какъ думаете? Если полагаете, что она приноситъ безчестіе вашему полу, то она не станетъ болѣе играть, и эта піеса будетъ служить ей собственною ея трагедіею. Она совершенно подчинится ва-

шимъ приказаніямъ и примѣтъ повелѣніе отъ вашихъ рукъ».

Даже послѣ возстановленія, когда уже довольно появилось актрисъ, мужчины играли женскія роли. Нѣкто *Кинастонъ*, человѣкъ прекрасной наружности, раздѣлялъ пальму съ женщинами и во многихъ роляхъ ему отдавали даже преимущество.

Въ піесахъ, въ которыхъ выводилось на сцену высшее общество, или ежели дѣйствіе происходило при какомъ нибудь дворѣ, то актеры надѣвали на себя богатыя платья; золото, серебро, шелкъ, атласъ, бархатъ и перья употреблялись въ изобиліи; при публичныхъ театрахъ сначала гардеробъ былъ очень незначителенъ и бѣденъ, по этому поношенныя платья знати и маскерадныя костюмы поступали въ театральный гардеробъ.

Актеры раздѣлялись на два разряда; *Shareers* получали вмѣсто жалованья часть театральныхъ доходовъ; другіе *Hirelings* получали понедѣльно до пяти шиллинговъ и болѣе, сообразно съ ихъ способностями. При окончаніи спектакля актеры должны были стать на колѣна и молиться за своихъ покровителей, такъ напр. въ публичныхъ театрахъ—за короля и королеву. Эта молитва составляла иногда часть эпилога, подобно эпилогу во II части Генриха IV, въ драмѣ Шекспира.

ОБЪ АВТОРАХЪ.

Олдизъ въ одномъ изъ своихъ манускриптовъ утверждаетъ, что весь сборъ перваго представленія новой піесы поступалъ въ пользу автора; въ концѣ же царствованія Елисаветы, только деньги, собранныя во второе представленіе, дѣлались его собственностію. Еще достовѣрно не извѣстно, когда авторы стали получать сборы съ трехъ первыхъ представленій своихъ піесъ; но въ 1720 г. каждый уже драматическій писатель пользовался этимъ правомъ.

Авторъ или продавалъ свою піесу, какому нибудь содержателю театра, — въ такомъ случаѣ ни одна изъ остальныхъ труппъ не имѣла права поставить ее на свою сцену,—или печаталъ на свой счетъ. При Шекспирѣ обыкновенно давали за рукопись шесть фунтовъ стерлинговъ, тринадцать шиллинговъ и четыре пенса. Цѣна печатнаго экземпляра была шесть пенсовъ. Тотъ, кому посвящалась піеса, обыкновенно давалъ сочинителю, въ подарокъ, сорокъ шиллинговъ. Драматическіе писатели могли ходить въ театръ безденежно.

Многіе очень часто носили съ собою въ театръ памятныя книжки, въ которыя записывали изъ піесъ мѣста заслуживающія одобренія или долженствующія быть подвергнутыми критикѣ. Это самое можетъ служить объясненіемъ множеству невѣрныхъ списковъ Шекспировыхъ драмъ. Ошикать и освистать піесу при первомъ представленіи было также въ обыкновеніи при Шекспирѣ. Три піесы Бена Джонсона подвергнулись подобной участи.

О ЗРИТЕЛЯХЪ.

Предъ начатіемъ представленія и во время антрактовъ, зрители забавлялись различнымъ образомъ: читали книги, играли въ карты, пили, болѣе пиво, и курили табакъ.

Разнощики продавали различныя лакомства и прохладительныя напитки, проходя мимо зрителей, громко называли свои товары. Въ 1633 г. и женщины курили табакъ въ театрѣ.—Высшему классу зрителей позволено было во время представленій садиться на сценѣ. Здѣсь можно было встрѣтить критика, остряка, франта и другихъ подобныхъ, желающихъ показать всѣмъ себя и свое платье. Сидя или лежа на камышѣ разсыпанномъ по полу, они курили трубки, приносимыя имъ собственными ихъ пажами. Мѣсто, занимаемое этими зрителями, было причиною зависти, потому что они своимъ жеманствомъ и наглостію раздражали про-

тивъ себя менѣе образованную часть публики, которая не рѣдко явно выражала свое неудовольствіе, шикая и кидая въ своихъ противниковъ грязью. Франты, желая показать свое высокое происхожденіе, не обращали никакого вниманія на буйную толпу. Неудовольстіе ея обнаруживалось не только на сидѣвшихъ на сценѣ, но также и самые актеры часто были жертвами ея каприза, какъ это видно изъ слѣдующаго разсказа:

«Я знаю, что во время праздниковъ, особенно въ масляницу, когда матросы, перевощики, башмачники, мясники и подмастерья не работаютъ, актеры должны играть совсѣмъ не то, что возвѣщается на афишахъ, но что требуетъ большая часть зрителей: *Тамерлана*, *Югурту*, *Еврея Малтійскаго*. Наконецъ, не будучи въ состояніи сыграть ни той, ни другой піесы, актеры должны разлѣваться, снять трагическія платья и заключить спектакль комедіею. Если актеры неудовлетворяли желанію зрителей и были упорны (что иногда случалось), то скамейки, черепки, доски, каменья, апельсины, яблоки, орѣхи летали во всѣ стороны; ни прологи, ни эпилоги, ни шутъ, однимъ словомъ, ничто не могло укротить разъяренную толпу и самое зданіе не рѣдко было разрушаемо въ короткое время».

МУЗЫКА.

Оркестръ состоялъ изъ осьми или десяти музыкантовъ. Главныя инструменты были: рожки, гобои, лиры, басы, органы и что-то въ родѣ флажелета. Предъ начатіемъ спектакля музыка играла три раза или дѣлала, какъ тогда называли, три *saundings;* музыка также играла во время антрактовъ. Послѣ смерти Шекспира оркестръ въ Блэкфрайерскомъ театрѣ значительно увеличился и сдѣлался такъ извѣстнымъ, что музыканты этого театра считались лучшими между всѣми театральными. Они должны были платить ежегодно казнѣ по двадцати шиллинговъ за позволеніе играть.

ШУТЪ.

Постоянная обязанность этого лица состояла въ томъ, чтобы занимать зрителей своими остротами и шутками. Между шутомъ и публикою часто завязывался какой нибудь забавный разговоръ и шутъ долженъ былъ здѣсь употреблять все свое стараніе, чтобы наговорить побольше каламбуровъ, остротъ и риемъ. *Уйльсонъ* и *Тарльтонъ*, особенно послѣдній, славились за свой комическій талантъ. Говорятъ, Тарльтонъ только что показывался на сценѣ, какъ весь театръ начиналъ надъ нимъ хохотать.

Впрочемъ, главною обязанностію шута считалось занимать зрителей предъ окончаніемъ спектакля; онъ обыкновенно юмористически разсуждалъ о вещахъ, предложенныхъ ему публикою; или обыкновеннѣе занималъ зрителей пѣсвею, такъ называемою *джигомъ* (это было пасквильное сочиненіе съ риемами).

Въ этихъ джигахъ принимали иногда участіе два или три лица и тутъ шутамъ позволялось говорить самыя величайшія непристойности и неприличія; болѣе всего нравилось публикѣ то, что шуты осмѣивали въ своихъ пѣсняхъ лицъ ей извѣстныхъ.

Прологи и Епилоги.

Актеръ, которому надлежало говорить прологъ, выходилъ на сцену тотчасъ же по окончаніи музыки и былъ одѣтъ въ длинной черной бархотной мантіи. Слѣды этого обыкновенія можно замѣтить въ черной одеждѣ, которую въ послѣдніе годы носили лица, говорившія прологи. При Шекспирѣ епилоги не всегда считались принадлежностію піесъ; многія изъ его драмъ не имѣютъ ни какихъ епилоговъ, если и имѣли, то они не дошли до насъ. Въ драмахъ Шекспира, гдѣ встрѣчаются епилоги, исключая второй части Генриха IV, всѣ они приспособлены къ ролѣ какого нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ. Это обстоятельство ни-

гдѣ не встрѣчается у современниковъ Шекспира кромѣ его одного.

СМѢСЬ.

При Шекспирѣ хотя и не было газетъ или другихъ періодическихъ изданій, за то недостатокъ журналовъ замѣнялся афишами, которыя разносились по всему городу, приклеивались къ столбамъ и тумбамъ, число которыхъ въ Лондонѣ было безчисленное. Въ театръ пріѣзжали въ каретахъ, часто верхомъ, или (что тогда считалось самымъ благороднымъ) на лодкахъ. Цѣна за входъ въ лучшія *комнаты* театра или ложи была различна; по большой части назначалась по одному шиллингу. Мѣста въ галлереѣ и партерѣ стоили полшиллинга или шесть пенсовъ; но во второстепенныхъ театрахъ по одному или по два пенса.

При первомъ представленіи какой нибудь новой піесы цѣна возвышалась, иногда удвоивалась и даже утроивалась. Также увеличивали цѣну при представленіи такихъ піесъ, обстановка которыхъ требовала слишкомъ много денегъ, или когда давали бенефисъ какому нибудь актеру.

Въ царствованіе Елисаветы играли въ театрахъ по буднимъ и по воскреснымъ днямъ (разумѣется, въ тѣ часы, когда не было службы). Полиція, впрочемъ, скоро запретила играть по воскреснымъ днямъ; но, кажется, это запрещеніе не долго существовало, потому что Елисавета, посѣщая Оксфордъ въ 1592 году, присутствовала при одномъ представленіи, данномъ въ воскресенье вечеромъ.

Представленіе обыкновенно начиналось въ часъ по полудни и по большей части продолжалось не болѣе двухъ часовъ. Въ 1667 г., уже стали начинать въ три часа по полудни, а въ 1696 г. часомъ еще позже. При Яковѣ I зимою играли каждый день на всѣхъ театрахъ, исключая поста, когда не позволено было играть по средамъ и пятницамъ. За позволеніе играть въ остальные дни недѣли, содержатели труппъ должны были платить казнѣ извѣстную сумму денегъ.

—

ЗНАМЕНИТЫЕ АНГЛІЙСКІЕ АКТЕРЫ И АКТРИСЫ, ПРОСЛАВИВШІЕСЯ ВЪ ШЕКСПИРОВЫХЪ ДРАМАХЪ.

БЕТТЕРТОНЪ.

Томасъ Беттертонъ, знаменитый Англійскій актеръ, родился въ 1595 г. и сначала служилъ прикащикомъ у одного книгопродавца. Первый дебютъ его былъ въ 1656 на большой оперѣ, въ *Чартеръ-гаусъ-ярдъ*.

Послѣ возстановленія, Карлъ II послалъ его въ Парижъ изучать игру и пріемы лучшихъ французскихъ актеровъ. Пробывъ въ Парижѣ нѣсколько времени, Беттертонъ совершенно изучилъ сценическое искусство и возвратившись въ Лондонъ, привлекалъ въ Дрюри-лейнской театръ, своею неподражаемою игрою, многочисленную публику. По свидѣтельству современныхъ критиковъ, Беттертонъ съ удивительнымъ искусствомъ выполнялъ роли: *Отелло*, *Макбета* и *Брута*. Но верхъ торжества его былъ *Гамлетъ*. До него никто не понималъ такъ хорошо того мѣста, гдѣ являлется тѣнь отца Гамлетова. Начиная эту сцену, онъ оставался нѣсколько времени въ безмолвномъ изумленіи, потомъ тихо и постепенно голосъ его становился дрожащимъ и этимъ самымъ онъ дѣлалъ явившуюся тѣнь равномѣрно страшною и для зрителей. Голосъ его никогда не доходилъ до оскорбленія или дикаго ужаса къ тому лицу, которое онъ естественно уважалъ. *Коллей-Сибберъ* (*), въ своей апологіи говоритъ, что Беттертонъ какъ актеръ и Шекспиръ какъ авторъ, не имѣли соперниковъ: первый, одинъ передавалъ вѣрно въ словахъ то, что кромѣ

(*). Коллей Сибберъ придворный поэтъ у Георга II, родился въ Лондонѣ въ 1671 году.

втораго никто не могъ написать. Они явились въ міръ для того, чтобы объяснить и прославить другъ друга.—Томасъ Беттертонъ умеръ въ 1710 году.

БУТЪ.

Бутъ родился въ 1681 г. и получилъ свое воспитаніе въ Весминстерѣ. Будучи еще школьникомъ, онъ почувствовалъ свое призваніе къ театру, при представленіи одной латинской драмы, разыгранной его товарищами. Обнаруживъ необыкновенный талантъ и получая безпрестанныя похвалы за свою игру, онъ на мѣсто того, чтобы приготовлять себя къ духовному званію, какъ того желалъ его отецъ, убѣжалъ въ Ирландію и присоединился къ труппѣ кочующихъ актеровъ. Пробывъ три года въ Дублинѣ, Бутъ возвратился въ Лондонъ, гдѣ скоро обратилъ на себя вниманіе Беттертона и сдѣлался любимцемъ англійской публики. Бутъ съ большимъ искусствомъ выполнилъ роли: *Отелло*, *Короля Лира*, *Брута* и *Тѣнь отца Гамлета*. Коллей Сибберъ превозноситъ его въ роли Отелло, особенно въ слѣдующихъ мѣстахъ.

«Этотъ честнѣйшій слуга своимъ опытнымъ умомъ знаетъ всѣ качества человѣческихъ дѣйствій».

Актъ III, сцена III.

Эти слова Бутъ произносилъ весьма тихо, устремивъ пристально глаза на удаляющагося Яго, какъ будто бы взвѣшивая въ умѣ своемъ характеръ этого человѣка. Послѣ онъ приходилъ въ бѣшенство.

«Если я найду ее невѣрною, хотя бы и связи, соединяющія ее со мною, были дорогими первами моего сердца, я оторву ее и брошу на произволъ судьбы».

Потомъ опять дѣлался спокойнымъ, какъ бы для того, чтобы подуматься.

«Можетъ быть, потому что я черенъ и я нѣтъ у меня тѣхъ нѣжныхъ словъ въ разговорѣ, которыми обладаютъ волокиты».

Послѣ этихъ словъ, при виды Дездемоны голосъ его смягчался и на лицѣ выражалась любовь.

«Если она невѣрна, тогда небо насмѣхается само надъ собою! Я не хочу вѣрить этому».

Въ этихъ и во всѣхъ трогательныхъ мѣстахъ, гдѣ выражены всѣ муки ревности,—всѣ люди, способные къ нѣжнымъ чувствамъ, обливались слезами.

Своей превосходной игрѣ въ Юліи Цезарѣ — въ роли Брута, Бутъ много обязанъ изученію древнихъ классиковъ. Онъ также неподражаемо игралъ въ Лирѣ, особенно онъ производилъ сильный эффектъ въ той сценѣ, когда престарѣлый король спитъ на колѣняхъ Корделіи и вдругъ произноситъ:

«Старый Лиръ опять будетъ королемъ».

Но любимая роль Бута была: Тѣнь въ Гамлетѣ, которую онъ выполнялъ мастерски. Голосъ и поступь Бута были величественны, шаги медленны. Когда онъ разсказывалъ о своей погибели отъ руки брата и о поведеніи мнимо-добродѣтельной королевы, зрителямъ казалось, что они видятъ и слышатъ настоящаго мертвеца. Кромѣ того, Бутъ всегда былъ хорошо одѣтъ, не дѣлалъ ни малѣйшаго шума и когда ходилъ по сценѣ, то казалось, онъ скользилъ по ней. Бутъ умеръ въ Маѣ, 1733 г.

ГАРРИКЪ.

Давидъ Гаррикъ, подобно Буту, пристрастился къ театру еще будучи въ школѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ своими товарищами разыгрывалъ много піесъ. Предъ лондонскою публикою онъ явился въ 1741 г. и заслужилъ всеобщее одобреніе. Въ 1763 г. онъ отправился за границу, сперва въ Парижъ, а потомъ въ Италію, для поправленія своего здоровья. Находясь на Континентѣ, Гаррикъ участвовалъ въ нѣсколькихъ представленіяхъ у Герцога Пармскаго и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Черезъ два года Гаррикъ воз-

вратился въ Лондонъ и снова вступилъ на сцену.

Торжество его было въ роли Ричарда III. Когда Гаррикъ выходилъ на сцену, то тотчасъ же принятый имъ характеръ изображался на его лицѣ; силы воображенія у него были такъ велики, что онъ совершенно преобразовывался въ то лицо, которое хотѣлъ представить; страсти у него возрастали въ быстрой последовательности и прежде нежели онъ выражалъ ихъ словами, можно было прочесть ихъ въ его выразительной физіономіи. Видъ, лицо и поступь Гаррика, перемѣнялись съ каждымъ чувствомъ. Ярость и быстрота, съ которыми онъ произносилъ:

«На Сѣверѣ... что дѣлаютъ на Сѣверѣ они, когда на западѣ должны служить своему королю». (Ричардъ III, Актъ IV, сцена IV,)—производили изумительный эффектъ. Его монологъ въ палаткѣ (Актъ V, сц. III,) кажется, раскрывалъ самую душу его. Все, что ни описывалъ Гаррикъ, казалось какъ бы въ самомъ дѣлѣ существующимъ. А когда онъ въ испугѣ вскакивалъ отъ сна, ужасно было даже смотрѣть на него. Онъ восклицалъ громкимъ и сильнымъ голосомъ: «дайте мнѣ другаго коня;» послѣ этого, пробывъ нѣсколько минутъ въ безмолвномъ состояніи, Гаррикъ подвигался впередъ и говорилъ самымъ жалкимъ голосомъ: «Перевяжите мои раны.» Здѣсь и вообщее въ продолженіе всей піесы было чистое подражаніе природѣ.

Въ королѣ Лирѣ, Гаррикъ остается безъ соперника. Въ этой ролѣ онъ совершенно дѣлался слабымъ, дряхлымъ старикомъ, сохраняя впрочемъ въ своемъ видѣ величіе. Внезапныхъ порывовъ или сильныхъ тѣлодвиженій у него не было, на лицѣ выражалась горесть, глаза были неподвижны, и если онъ устремлялъ ихъ на кого нибудь, близь себя находившагося, то не вдругъ а послѣ нѣкоторой остановки. Въ продолженіе всей драмы, Гаррикъ представлялъ зрѣлище крайней скорби и совершенное отчужденіе ума отъ всего, кромѣ неблагодарности своихъ дочерей. Какъ страшно было его приготовленіе къ проклятію Гонериллы! Съ минуту онъ стоялъ какъ нѣмой, при нечаянномъ и не ожиданномъ чувствѣ неблагодарности своей дочери, потомъ бросивъ свой костыль, становился на одно колѣно и, сложивъ руки, поднималъ свои глаза къ небу и произносилъ проклятіе такъ страшно, что зрители были внѣ себя отъ ужаса. Въ самомъ дѣлѣ, картина, которую Гаррикъ представлялъ собою, была бы достойна кисти Рафаеля въ божественныя минуты вдохновенія. Гаррикъ обыкновенно разсказывалъ, какъ онъ пріобрѣлъ вѣрное понятіе объ этой ролѣ. У него былъ знакомый въ Леманъ-Стритъ, Гудмэнсъ, Филдсъ который имѣлъ двухлѣтнюю дочь. Стоя однажды у окна столовой, знакомецъ Гаррика баловалъ съ своимъ ребенкомъ и нечаянно уронилъ его на улицу. Ребенокъ убился до смерти. Отецъ остался неподвижнымъ у окна, вскрикнувъ отъ ужаса; сосѣди подняли трупъ младенца и принесли его несчастному отцу, который горько плакалъ; съ этой минуты онъ лишился ума и навсегда. Гаррикъ часто посѣщалъ своего несчастнаго друга, который проводилъ все свое время у окна, представляя себѣ, что онъ забавляется съ своею дочерью; то роняла ее и впадалъ въ какую-то мучительную скорбь, то садился въ задумчивости и пристально смотрѣлъ на какой нибудь предметъ. По временамъ осматривался, какъ бы умоляя о состраданіи къ себѣ. Гаррикъ часто присутствовалъ при этихъ сценахъ друга и говорилъ, что они дали ему первое понятіе о безумствѣ Лира. — Макбетъ и Гамлетъ также доставляли Гаррику случай выказать свой талантъ; Отелло онъ выполнялъ гораздо слабѣе.

Гаррикъ самъ написалъ до 30 піесъ, частію оригинальныхъ, между прочимъ: *Изабеллу, Деревенскую Простоту, Кимона, Ирландскую вдову, Тайный бракъ,*

Опекуна и др., частію переводныхъ. Послѣ него осталось еще множество прологовъ, епилоговъ, пѣсенъ и элегій. Онъ умеръ въ 1779 году. Въ память его сооруженъ памятникъ въ Весминстерскомъ Аббатствѣ.

МАКЛИНЪ.

Онъ первый понялъ, какъ должно играть Шайлока, и эту роль онъ совершенно усвоилъ себѣ. Прежде него дѣлали изъ Венеціанскаго купца какой то фарсъ. Маклинъ съ большимъ успѣхомъ игралъ много и другихъ ролей, но только одинъ Шайлокъ, такъ сказать, роднитъ его съ Шекспиромъ. Слѣдующій эпизодъ изъ жизни Маклина можетъ вѣрнѣе всего показать всю силу и достоинство игры его.

Въ 1741 г. Маклинъ рѣшился возобновить Венеціанскаго купца съ тѣмъ, чтобы уронить Венеціанскаго Еврея, передѣланнаго изъ Шекспира *Лордомъ Лэндздауномъ*. Драму начали репетировать по тексту Шекспира, безъ всякихъ перемѣнъ и самъ Маклинъ изучалъ роль Шайлока съ большимъ прилежаніемъ. Онъ съ самаго начала увидѣлъ, что эта роль, хорошо имъ разученная, представляла обширное поле для обнаруженія вполнѣ его таланта. Впрочемъ, Маклину нужно было превзойти много трудностей.

Публика давно уже привыкла смотрѣть и одобрять Венеціянскаго Еврея, въ которомъ роль Шайлока была второстепенная и всегда выполнялась какимъ нибудь незначительнымъ актеромъ. Маклинъ однако не унывалъ; во время репетиціи онъ никому, даже самымъ актерамъ, не показывалъ, какъ намѣревался играть эту роль. Маклинъ просто читалъ ее и даже ни однимъ взглядомъ, ни однимъ жестомъ не обнаруживалъ, какимъ образомъ онъ хотѣлъ олицетворить жестокаго израильтянина. Актеры утверждали, что Маклинъ только портитъ всю піесу, говорили, что его ошикаютъ за его дерзость и тщеславіе. Маклинъ однако не обращалъ никакого вниманія на своихъ товарищей и поставилъ на своемъ. Первое представленіе Венеціанскаго купца было возвѣщено. Театральная зала была полна. Нѣкоторые пришли для того, чтобы изъявить свое неудовольствіе; иные, чтобы поддержать актера, нѣкоторые и для того, чтобы провести только время и полюбопытствовать. Актеры съ нетерпѣніемъ ожидали, какой имъ предстоитъ пріемъ и острили надъ упорствомъ Маклина. Невозможно выразить чувствъ бѣднаго Шайлока въ эту минуту: онъ зналъ, что совершенно правъ, но могъ ли ожидать себѣ хорошаго пріема отъ такого шумнаго и смѣшаннаго собранія зрителей.

Занавѣсъ взвилась и актеры, начавшіе піесу, были приняты какъ и всегда. Но когда Шайлокъ и Бассаніо, въ третьемъ явленіи, вышли на сцену, то воцарилось такое молчаніе, что можно было слышать стукъ булавки, если бы только она упала въ это время.

Маклинъ былъ очень тронутъ холоднымъ пріемомъ. Онъ былъ любимцемъ публики уже нѣсколько лѣтъ и бывало, какъ только появится на сцену, тотчасъ же раздавались громкія восклицанія. Надобно себѣ представить положеніе Маклина, когда ни одинъ аплодисментъ не привѣтствовалъ его. Не смотря на это, онъ приблизился съ Бассаніо, который проситъ у него три тысячи дукатовъ, при поручительствѣ Антонія.

Все еще не слышно было въ театрѣ ни однаго шопота; входитъ Антоніо и еврей начинаетъ объяснять ему причину своей антипатіи къ купцу. Едва Маклинъ произнесъ этотъ монологъ, какъ вдругъ всѣ пришли въ восторгъ, и театръ задрожалъ отъ крика; послѣ уже этаго и въ продолженіе всей піесы Маклинъ заставлялъ зрителей невольно изъявлять свое удовольствіе громкими рукоплесканіями. Представленіе

этой піесы было повторено девятнадцать вечеровъ сряду и съ неслыханнымъ успѣхомъ. *Попе*, сидѣвшій въ театрѣ при одномъ представленіи Венеціанскаго купца, смотря на игру Маклина, произнесъ слѣдующія слова:

«Вотъ Еврей, котораго начертилъ Шекспиръ».

Маклинъ умеръ въ 1797 г., будучи уже столѣтнимъ старикомъ.

ДЖОНЪ КЭМБЛЪ.

Тацитово описаніе Агриколы можно почти совершенно отнести и Кэмблу. Въ частной жизни Кэмблъ былъ граціозенъ, но не величественъ. Въ лицѣ его не было той повелительности, которая обыкновенно внушаетъ страхъ, но напротивъ, какое то пріятное выраженіе; походка по большой части была небрежна, въ глазахъ выражалась какая-то доброта, а не проницательность. Талантъ его особенно выказался съ четырехъ роляхъ: Гамлетѣ, Макбетѣ, Брутѣ и Коріоланѣ.

Гамлетъ, представленный Кэмблемъ, едва ли былъ и будетъ когда нибудь такъ превосходно разыгранъ, какъ имъ. Спокойный и созерцательный умъ царственнаго датчанина чрезвычайно хорошо шелъ къ Кэмблу. Вся поэзія этой роли вытекала изъ устъ его, будучи облечена во все богатство и гармонію красноречія. Сцена, гдѣ является тѣнь, была превосходно выполняема Кэмбломъ, такъ что самая строгая критика не могла требовать чего либо лучшаго. Особенно поразительно было то мѣсто, когда онъ бросался на колѣни при удаленіи призрака, прося отцовскаго благословенія. Монологъ «быть или не быть» и также совѣтъ его актерамъ производили большой эффектъ. Въ послѣднемъ актѣ, при извѣстіи о смерти Офеліи, Кэмблъ произносилъ слова: «что прелестная Офелія?» съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что невольно глаза у каждаго зрителя наполнялись слезами.

Макбетъ. Одежда Шотландскаго Тана, выказывала прекрасныя формы Кэмбла; граціозная небрежность наряда, густыя перья его тока и блестящій щитъ— все содѣйствовало къ тому, чтобы представить картину, хотя не классическую, но въ высшей степени романтическую. Появленіе вѣдьмъ, казалось, приводило его въ раздумье и ихъ обманчивыя предсказанія сильно поражали его умъ. Въ эту минуту предъ вами стоялъ, какой-то добродѣтельный и добродушный воинъ, который, оставя истинный путь, рѣшается предаться пороку. Въ той сценѣ, гдѣ жена его, подобно злому духу, внушаемъ ему мысль убить своего гостя, слова:

«Я сдѣлаю все, что прилично мужчинѣ!»

Кэмблъ произносилъ съ энергіею, которая чрезвычайно вѣрно и сильно дѣйствовала на душу зрителя. По совершеніи преступленія, голосъ убійцы раздавался еще, пока онъ шелъ изъ комнаты своей жертвы; это мѣсто было въ высшей степени эффектно, потому что Кэмблъ говорилъ какимъ то дикимъ, замогильнымъ тономъ, предсказывающимъ ужасъ, отчаяніе и казнь преступника. Черезъ минуту Макбетъ входилъ машинально, подобно безумному, который хочетъ уйти отъ какого-то неизвѣстнаго, не опредѣленнаго зла. Глаза, устремленные на его окровавленныя руки, казалось, хотѣли выскочить. Во время пира, когда является призракъ Банко, онъ бросалъ на землю свой не початой бакалъ, озираясь такъ, какъ будто бы самый адъ разверзался предъ его глазами. Кто видѣлъ Кэмбла въ ролѣ Мекбета, никогда не забудетъ, съ какимъ чувствомъ онъ выполнялъ ее.

Брутъ. Въ этой ролѣ и вообще, гдѣ нужно представить римлянина, Кэмблъ не имѣетъ себѣ соперника. Онъ олице-

творялъ все, что, можетъ быть, одно только воображеніе сохранило о древнихъ обыкновеніяхъ.

Коріоланъ. Кэмблъ простился въ этой піесѣ съ лондонскою публикою; это представленіе было блестящее и славное. Позабывъ свою дряхлость (ему было тогда 60 лѣтъ и уже четыре года онъ страдалъ отъ подагры), онъ явился на сцену гордымъ патріеціемъ, съ видомъ и энтузіазмомъ юноши. Съ такимъ же жаромъ Кэмблъ игралъ и до конца піесы. Его ненависть къ плебеямъ едва ли когда нибудь была передаваема съ подобною силою. Трибуны предъ нимъ превращались въ ничтожество. Въ Коріоланѣ Кемблъ являлся какимъ-то юнымъ Марсомъ, носящимъ съ собою на своемъ мечѣ смерть и побѣду. Негодованіе его, обвиненнаго въ измѣнѣ, было ужасно, и слова «есть миръ въ другомъ мѣстѣ» вырывались изъ устъ его подобно перекату грома. Сцены при Акціумѣ заслуживаютъ также величайшей похвалы, но нѣтъ словъ выразить, съ какимъ онъ совершенствомъ игралъ послѣднюю сцену! Это было лучшимъ доказательствомъ его удивительнаго таланта.

МИСТРИССЪ БЭРРИ.

Мистриссъ Бэрри была средняго роста, бѣлокурая, хорошо сложенная и приближалась нѣсколько къ en bon point. Черты лица ея были правильны и въ глазахъ выражалось всегда что-то пріятное и интересное; ко всему этому въ ея пріемахъ всегда преобладало нѣкоторое gaieté de coeur, которое заставляло питать къ ней уваженіе и любовь.

Бэрри всегда восхищала всѣхъ особенно въ тихихъ, нѣжныхъ и патетическихъ роляхъ, преимущественно въ Дездемонѣ. Подъ старость свою она была убѣждена содержателемъ Ковентъ Гарденскаго театра снова вступить на сцену и соперничать съ мистриссъ Сидонсъ, бывшею тогда въ зенитѣ своей славы. Критики хотя и отдаютъ мистриссъ Бэрри преимущество въ патетическихъ роляхъ, но все таки она должна была уступить пальму своей удивительной наслѣдницѣ. Берри умерла въ 1801 году.

МИСТРИССЪ ПРИТЧАРДЪ.

Мистриссъ Притчардъ особенно отличалась своимъ звучнымъ голосомъ и превосходною декламаціею. Лучше всего она выполняла королеву Екатерину, въ Генрихѣ VIII и королеву, въ Гамлетѣ. Притчардъ имѣла особенную способность услаждать даже въ самомъ пустомъ разговорѣ.

МИСТРИССЪ СИДДОНСЪ.

Эта удивительная женщина, можно сказать, получила отъ природы все: высокій ростъ, стройный, роскошный станъ, правильныя черты лица, лебединую грудь, бѣлыя, полныя плечи и благородную осанку; однимъ словомъ, въ своей юности мистриссъ Сиддонсъ обладала всѣми прелестями своего пола; и въ зрѣлыхъ лѣтахъ лицо ея ни сколько не потеряло своей красоты, но еще выражало нѣкоторую повелительность, обнаруживавшуюся въ каждой чертѣ. Голосъ ея былъ звученъ, чистъ и громокъ, такъ что можно было слышать каждое слово въ самой отдаленной части залы огромныхъ лондонскихъ театровъ.

Нельзя представить себѣ что либо совершеннѣе и величественнѣе мистриссъ Сиддонсъ въ роли *Лэди Макбетъ*. Она удивительно хороша была въ томъ мѣстѣ, гдѣ Шекспиръ хотѣлъ выразить всѣ ужасы угрызенія совѣсти. Платье Сиддонсъ было совершенно бѣлое и лицо еще блѣднѣе самого платья, глазы ея были открыты, но безъ чувства, безъ жизни, жесты казались фантастическими; она скользила по сценѣ подобно призраку и приблизившись къ столу, клала на него лампу, не говоря ни слова. Потомъ произносила съ болѣзнію и шопотомъ: «прочь, проклятое пятно»! Всѣ стара-

нія вымыть пятно—тщетны: доказательство ея преступленія остается. Она впадала въ совершенное отчаяніе. Сиддонсъ въ лэди Макбетъ была что то выше природы; съ ней можно сказать и умерла эта роль. Она посредствомъ не утомимаго и глубокаго изученія такъ постигла и выражала характеръ лэди Макбетъ, что нельзя себѣ представить что либо лучше и совершеннѣе этого. Однако Сиддонсъ сама говорила, что даже послѣ тридцатилѣтней игры въ этой ролѣ, она никогда не читала этого характера, не открывъ въ немъ новыхъ какихъ либо оттѣнковъ.

Мистриссъ Сиддонсъ съ большимъ также успѣхомъ играла: *Изабеллу* (Хитрость за хитрость); *Лэди Констансъ* (въ Королѣ Джонѣ) и *Королеву Екатерину* (въ Генрихъ VIII). — Эта великая актриса оставила сцену не задолго до смерти, хотя здоровье ея съ давняго времени было уже очень разстроено. Она умерла 76 лѣтъ отъ роду, 1830 года, посвятивъ 46 лѣтъ жизни театру.

Удивительно, что первые дебюты мистриссъ Сиддонсъ были безъ успѣха и— публика не признала въ ней той будущей славной актрисы, которая заслужила своимъ рѣдкимъ талантомъ имя *героини Шекспира — музы трагической*, которая достигла до такой степени совершенства, гдѣ искусство перестаетъ быть искусствомъ и дѣлается уже природою. Сиддонсъ впрочемъ ни чуть не упала духомъ, возвратилась опять въ провинцію, гдѣ и провела семь лѣтъ въ постоянномъ изученіи драматическаго искусства. На 28 году своей жизни она снова явилась на лондонской сценѣ, въ полной кратѣ и во всемъ могуществѣ таланта.

И. К.

—

КАЛОШИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА.

—Что такое человѣкъ?..

I.

Была дождливая, осенняя ночь. Рѣзкій вѣтеръ свистѣлъ въ опустѣлыхъ улицахъ маленькаго дома города К***, и изрѣдка тускло мелькали фонари, сіяя среди всеобщаго мрака. Изрѣдка раздавался окликъ часовыхъ, и замиралъ, стихая въ отдаленіи. Въ домахъ кое-гдѣ виднѣлся огонь въ окнахъ, но когда на городской башнѣ часы пробили полночь, всѣ жители мирнаго города К*** покоились въ объятіяхъ сна.

Среди этого мрака и безмолвія, глаза прохожаго невольно останавливались на ярко освѣщенномъ бель-этажѣ огромнаго каменнаго дома. Видно было, что балъ приходилъ къ концу. Кареты, одна за другою, подъѣзжая къ крыльцу, развозили по домамъ рѣзвыхъ жрицъ Темпсихоры, съ ихъ почтенными маменьками. Мало по малу всѣ разъѣхались; послѣдняя карета стояла у подъѣзда. Съ крыльца порхнула въ нее высокая, стройная дѣвица, и вслѣдъ за нею показалась толстая дама, въ лисьемъ салопѣ, въ сопровожденіи молодаго человѣка. Этотъ молодой человѣкъ былъ Петръ Ивановичъ.

—Не безпокойтесь, Петръ Ивановичъ, говорила дама: — вы простудитесь, — здѣсь такъ холодно...

— Одно прикосновеніе къ вамъ бросаетъ меня въ жаръ, — отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, усаживая даму въ карету, и при свѣтѣ фонаря можно было видѣть, какъ самодовольная улыбка мелькнула на лицѣ его.

— Прекрасный молодой человѣкъ! сказала дама своей дочери.

— Да—а? спросила дѣвица, зѣвая. —Какая темная ночь!

Между тѣмъ, какъ этотъ разговоръ происходилъ въ каретѣ, катившейся по грязнымъ улицамъ города К***, — Петръ Ивановичъ возвратился въ прихожую, надѣлъ шинель, и съ отчаяніемъ уви-

дѣлъ, что его калоши исчезли. Швейцаръ дремалъ въ углу, и на всѣ вопросы отвѣчалъ: «не могу знать».

Петръ Ивановичъ вышелъ на улицу. Дождь лилъ ливмя, и улицы превратились въ какое-то грязное болото. Кругомъ не видно было ни зги; фонари потухли, и только вой вѣтра сливался съ однообразнымъ шумомъ дождя.

— Извощикъ! закричалъ Петръ Ивановичъ.

Но, увы! ни одного живаго существа не было на улицахъ: не слышно было даже лая собакъ. Петръ Ивановичъ задумался. — Вотъ до чего доводитъ услужливость, разсуждалъ онъ: — о женщины! прекрасныя и милыя созданія,—вы одвѣ причиною всѣхъ страданій и паденія человѣка!...

Петръ Ивановичъ запнулся о камень, и со всѣхъ ногъ полетѣлъ въ грязь.

— Извощикъ! закричалъ съ отчаяніемъ Петръ Ивановичъ.

Эхо повторило крикъ его, но никто не откликался. Утомленный, прозябшій, промоченный до костей, Петръ Ивановичъ возвратился домой, проклиная все на свѣтѣ, и не спалъ цѣлую ночь, все думая о томъ, какимъ образомъ пропали его калоши.

II.

Петръ Ивановичъ далъ себѣ обѣщаніе непремѣнно отыскать калоши, гдѣ бы то ни было. Но напрасно онъ обѣгалъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ на балѣ,—калоши не отыскивались. Отчаяніе стало закрадываться въ его душу; потеря друга, любовницы, не столько опечалила бы его, какъ потеря калошъ. Петръ Ивановичъ потерялъ аппетитъ, похудѣлъ, и ходилъ какъ помѣшанный. Знакомые сначала удивлялись такой перемѣнѣ Петра Ивановича, но потомъ перестали удивляться.

Былъ праздникъ. Петръ Ивановичъ шелъ по улицѣ, печально повѣся голову. Его ни что не радовало; онъ не отвѣчалъ на поклоны, ничего не видѣлъ, ничего не хотѣлъ слушать. Вдругъ глаза его, машинально устремленные въ землю, увидѣли чьи то ноги, — и на ногахъ тѣ самыя калоши, которыхъ онъ искалъ такъ долго и безуспѣшно. Ноги стояли на одномъ мѣстѣ, и Петръ Ивановичъ началъ разсматривать того, кому онѣ принадлежали.

Это былъ маленькій, толстенькій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, съ улыбающимся лицомъ, въ низенькой шляпѣ и плащѣ изъ непромокаемой матеріи. Онъ весело поглядывалъ на всѣ стороны, не обращая никакого вниманія на Петра Ивановича, который осматривалъ его съ головы до ногъ.

Петръ Ивановичъ былъ чрезвычайно робокъ отъ природы, но боязнь—выпустить изъ рукъ потерянныя калоши, заставила его превозмочь себя: онъ подошелъ къ толстому господину, смотря ему на ноги.

— Милостивый государь.... началъ Петръ Ивановичъ.

— Смѣю спросить, прервалъ толстякъ отрывисто и скороговоркою:—съ кѣмъ имѣю честь говорить? Что касается до меня, то я чиновникъ: титулярный совѣтникъ, Иванъ Петровичъ Шмоль.

— Я Петръ Ивановичъ... мнѣ кажется... у васъ... я ищу ка... ква...

— Квартиру? спросилъ толстякъ.—У меня въ домѣ отдается покой, для холостаго; угодно взглянуть? Квартира теплая, смѣю доложить.

— Но, началъ Петръ Ивановичъ.

—Съ дровами, водой—помѣщеніе удобное, окна на улицу, смѣю доложить.

Петръ Ивановичъ не смѣлъ противорѣчить. Ему совсѣмъ не нужно было квартиры; но надежда отнять свои калоши, заставила его итти вслѣдъ за Иваномъ Петровичемъ Шмолемъ.

Они подошли къ одноэтажному сѣренькому домику съ зелеными ставнями, и вошли въ калитку. Толстякъ не умолкалъ во всю дорогу. Заспаленый лакей

снялъ съ нихъ шинели, и они вошли въ комнату.

— Рекомендую, жена и дочь; семейство небольшое, смѣю доложить, началъ Шмоль.

Петръ Ивановичъ ловко разшаркался передъ хозяйкою дома, въ огромномъ чепцѣ съ разноцвѣтными лентами, и остолбенѣлъ, взглянувъ на дочь. У окна, за пяльцами, сидѣло очаровательнѣйшее существо, лѣтъ семнадцати; съ прекрасными голубыми глазами и маленькимъ коралловымъ ротикомъ, изъ котораго выглядывали два ряда чистѣйшихъ перловъ. Петръ Ивановичъ разинулъ ротъ и выпучилъ глаза.

— Моя дочь — смѣю доложить,—сказалъ толстякъ.—Мамзель Лотхенъ вышиваетъ ермолку.

Петръ Ивановичъ машинально подошелъ къ пяльцамъ, но ему показалось, что на нихъ вышиты голубые глаза и и маленькій ротикъ. Лотхенъ лукаво улыбалась.

— Прелестно! вскричалъ Петръ Ивановичъ.

— Квартира прекрасная, угодно взглянуть,— смѣю доложить.

— Я знаю ее; здѣсь жилъ мой пріятель, сказалъ Петръ Ивановичъ, стараясь ложью прикрыть свое смущеніе:—я согласенъ, объ условіяхъ послѣ.

И на другой день Петръ Ивановичъ переѣхалъ на новую квартиру.

III.

На паперти приходской церкви толпилось множество народа. По врожденному любопытству я втерся между зѣваками и вскрикнулъ отъ удивленія, увидя, что женихъ и невѣста были—Петръ Ивановичъ и мамзель Лотхенъ.

Я только двѣ недѣли былъ въ отлучкѣ, и не могъ не удивляться такой поспѣшной сватьбѣ.

Молодыхъ начали поздравлять. Я подошелъ къ Петру Ивановичу.

— Поздравь меня, сказалъ онъ съ восторгомъ, я счастливѣйшій изъ смертныхъ!

— Но помилуй, шепнулъ я ему, не ты ли далъ клятву никогда не жениться?

— Обстоятельства мой милый, обстоятельства. Къ тому жъ семейная жизнь—истинное блаженство.

— Оно такъ, но....

— Я нашелъ все, что было необходимо для моего счастія.

— Да, красавицу жену...

— И потерянныя калоши.

Лихая четверня умчала молодыхъ, и выходя изъ церкви, я невольно спросилъ себя: «что такое человѣкъ»?...

А. Г.

—

ИСТОРІЯ МАКБЕТА.

Вскорѣ послѣ того, какъ Пикты и Скотты составили одинъ народъ, у нихъ былъ король Дунканъ, дряхлый, старый и добрый. У него были два сына Малькольмъ и Доналдбанъ. Дунканъ былъ очень старъ, и самъ немогъ уже водить войска на войну, а дѣти его были еще очень молоды, и не могли помогать старику.

Около этого времени Шотландія, Франція, Англія и всѣ прочія Европейскія государства многократно подвергались опустошенію Датчанъ. Это былъ самой дикой и воинственной народъ, который плавалъ съ мѣста на мѣсто, высаживалъ свои войска на берега, и все, что ни встрѣчалъ на пути предавалъ огню и мечу. Датчане были язычники, не вѣрили откровенію, всѣ ихъ мысли были устремлены только на войну, битвы и добычу. Иногда, приставая къ берегамъ Англіи, населенной трусами, они легко овладѣвали ею. Иногда, высадивъ свои войска, они брали только добычу, сожигали жилища, и довольствуясь тѣмъ, входили опять на корабли, подымали паруса и пускались въ обратный путь. Они дѣлали столько зла, что народъ мо-

лилъ Бога избавить его отъ неистовыхъ Датчанъ.

Разъ, во времена Дункана, эти Датчане въ огромномъ количествѣ пристали къ берегамъ Шотландіи, высадились въ Фифахъ и отселѣ грозили завоеваніемъ Шотландіи. Противъ нихъ было собрано многочисленное войско. Но король, какъ сказано, былъ слишкомъ старъ и немогъ уже командовать войсками, а его дѣти было слишкомъ молоды. По этому Дунканъ выслалъ противъ нихъ своего родственника Макбета. Онъ былъ сынъ Финеля, Глямисскаго Тана. Танами въ то время назывались въ Шотландіи губернаторы провинцій; послѣ они назывались графами.

И такъ Макбетъ, этотъ храбрый солдатъ, сдѣлался главою Шотландской арміи, противопоставленной Датчанамъ. Съ нимъ находился его родственникъ. Банко, Лохаберскій Танъ, человѣкъ также чрезвычайно храбрый. Дѣло дошло до генеральнаго сраженія, въ которомъ Макбетъ и Банко разбили Датчанъ, множество положили на мѣстѣ, а остальныхъ прогнали на свои корабли. Макбетъ, торжествуя побѣду, отправился послѣ того съ своею арміею въ Форры, городъ Сѣверной Шотландіи.

Въ Форрахъ въ то время жили три старухи. Народъ называлъ ихъ вѣдьмами, и вѣрилъ, что онѣ знаютъ будущее. Въ наше время, исключая необразованный классъ людей, который вѣритъ предсказанію цыганъ, всякій смѣется подобнымъ глупостямъ; а въ то время люди были простѣе; отъ чего даже великіе мужи, каковъ Макбетъ, отъ души вѣрили, что старухи, Форрскіе вѣльмы, знаютъ будущее, и всякую нелѣпость ихъ принимали за пророчество. Страшныя и уважаемыя народомъ, эти старыя бабы обманывали людей своимъ мнимымъ даромъ пророчества, и получали отъ того порядочный барышъ.

Эти три старыя бабы выбрели изъ Форръ, остановились на топкомъ болотѣ не далеко отъ города и ждали Макбета. Когда онъ приближился, старухи пошли къ нему, и одна изъ нихъ сказала: «слава тебѣ, Макбетъ, слава тебѣ, танъ Глямисскій!» за ней другая: «слава тебѣ, Макбетъ; слава тебѣ, танъ Кавдорскій!» потомъ третья, желая польстить получше первыхъ двухъ, сказала: «слава тебѣ, Макбетъ, будущій король Шотландскій!» Макбетъ, слыша такое привѣтствіе, былъ всѣ себя отъ изумленія; еще не успѣлъ онъ опомниться, какъ подошелъ Банко и спросилъ ихъ: не скажутъ ли онѣ и ему чего нибудь? Онѣ отвѣчали, что онъ хуже Макбета и самъ никогда не будетъ королемъ, а его дѣти взойдутъ нѣкогда на Шотландскій престолъ, и долго будутъ царствовать.

Макбетъ еще не успѣлъ притти въ себя отъ изумленія, какъ къ нему является посланный, и извѣщаетъ, что отецъ его умеръ, и что онъ, по праву наслѣдства, теперь танъ Глямисскій. За тѣмъ другой вѣстникъ отъ короля благодаритъ Макбета за славную побѣду, и извѣщаетъ, что Кавдорскій танъ возмутился противъ короля; король жалуетъ его этимъ достоинствомъ и привѣтствуетъ Макбета таномъ Кавдорскимъ.

И такъ двѣ первыя старухи правы. Макбетъ ужъ получилъ оба титула, коими онѣ привѣтствовали его. Вѣроятно, онѣ ужъ знали, что отецъ Макбета умеръ, и что губернаторство Кавдорское было предоставлено ему, хоть самъ онъ еще ничего не слыхалъ о томъ.

Самымъ дѣломъ увѣрившись въ справедливости первыхъ двухъ предсказаній, Макбетъ вачалъ думать объ исполненіи и послѣдняго. У Макбета была жена, самая честолюбивая и безбожная женщина. Замѣтивъ, что мужъ ея занятъ мыслію о Шотландскомъ престолѣ, она побуждала его къ тому всѣми средствами зависящими отъ нея, и говорила, что единственный путь къ достиженію престола есть убіеніе слабаго старика Дункана. Макбетъ не

рѣшался совершить такое страшное злодѣяніе, представляя себѣ всѣ милости Дункана, свое родство съ нимъ и отеческое его попеченіе о себѣ; онъ помнилъ, что этотъ Дунканъ ввѣрилъ ему недавно свое войско, и сдѣлалъ его губернаторомъ Кавдорскимъ. Но жена его была настойчива.—Имѣть случай сдѣлаться королемъ и невоспользоваться имъ, имѣть возможность достигнуть обѣщаннаго вѣдьмами и отказаться отъ того—что заглупость, говорила она ему, что за трусость! Такія убѣжденія этой безбожной женщины и предсказанія старыхъ вѣдьмъ наконецъ склонили Макбета убить своего короля и друга. Образъ исполненія этого злодѣйства дѣлаетъ его еще ужаснѣе.

Макбетъ пригласилъ Дункана въ свой Инфернскій замокъ; доброй король, не подозрѣвая злаго умысла, съ большою охотою согласился на приглашеніе. Макбетъ и его жена, при встрѣчѣ его и свиты, изъявили, по-видимому, большую радость, приняли торжественно, какъ слѣдуетъ подданному принять своего короля. Около полуночи король изъявилъ желаніе отправиться на покой; Макбетъ проводилъ его въ великолѣпную комнату, нарочно убранную для короля. По обыкновенію того времени, въ спальнѣ короля должны были находиться два вооруженныхъ человѣка; это дѣлалось изъ предосторожности, для защиты короля въ случаѣ нападенія на него. Безбожная леди Макбетъ напоила ихъ допьяна, и сверхъ того еще подмѣшала въ вино усыпительной порошокъ, такъ что едва только вошли они въ спальню короля, и вмигъ уснули мертвымъ сномъ, отъ котораго, ничто немогло пробудить ихъ.

Въ два часа ночи ужасный Макбетъ вошолъ въ спальную комнату короля. На дворѣ свирѣпствовала страшная буря; но стоны вѣтра, ни удары грома не разбудили короля; онъ былъ старъ и утомился отъ пути. Оба стража, опьянѣвшіе отъ поданнаго имъ напитка съ усыпительнымъ порошкомъ, то же не пробудились. Всѣ они спали крѣпко. Вошелъ въ комнату, Макбетъ на цыпочкахъ подкрался къ стражамъ, взялъ у нихъ кинжалы, и поразилъ ими стараго, бѣднаго короля въ самое сердце, такъ удачно, что тотъ умеръ, не испустивъ ни одного стона. Послѣ того, Макбетъ вложилъ въ руки стражамъ кровавые кинжалы, и замаралъ кровію лица ихъ, чтобъ показать, будто они совершили убійство. Макбетъ былъ въ ужасѣ отъ своего поступка. Жена его вымыла ему руки и ушла спать.

Рано утромъ, дворяне и вельможи, сопровождавшіе короля, собрались въ большой залѣ замка и разговаривали объ ужасной бурѣ, которая свирѣпствовала въ прошлую ночь. Но Макбетъ почти не помнилъ, о чемъ они говорили: онъ думалъ о томъ, что несравненно страшнѣе и ужаснѣе бури, и жадно желалъ услышать, что станутъ говорить они когда узнаютъ объ убійствѣ. Прошло нѣсколько времени въ ожиданіи короля, но онъ, казалось, не хотѣлъ выходить изъ своей комнаты. Тогда одинъ изъ придворныхъ рѣшился посмотрѣть здоровъ ли онъ, или нѣтъ. Вошедъ въ спальну короля, онъ нашелъ его оцепенѣлымъ, холоднымъ и покрытымъ кровью, и обоихъ стражей въ крѣпкомъ снѣ, обрызганныхъ кровью и съ кинжалами въ рукахъ. Шотландскіе дворяне, увидѣвъ это ужасное зрѣлище, пришли въ величайшее изумленіе и неистовство; Макбетъ, казалось, былъ раздраженъ больше всѣхъ. Обнаживъ мечь, онъ, прежде чѣмъ кто нибудь успѣлъ остановить его, умертвилъ обоихъ стражей, которые спали въ комнатѣ короля, съ тѣмъ намѣреніемъ, что тогда ихъ будутъ считать виновными въ убійствѣ короля Дункана.

Малькольмъ и Доналдбанъ, сыновья добраго короля, получившіе извѣстіе о смерти своего отца, послѣдовавшей

столь таинственно въ замкѣ Макбета, начали опасаться за свою жизнь и убѣжали изъ Шотландіи. Несмотря на всѣ извиненія, какія представлялъ имъ Макбетъ, они несомнѣвались въ томъ, что онъ умертвилъ ихъ отца.

Доналдбанъ удалился на отдаленный островъ, а Малькольмъ, старшій сынъ Дункана, отправился къ Англійскому двору, и сталъ просить тамъ короля подать ему помощь взойти на престолъ своего отца.

Между тѣмъ Макбетъ завладѣлъ шотландскимъ трономъ, и тѣмъ, казалось, удовлетворилъ всѣ преступныя свои желанія. Однако онъ не былъ счастливъ. Его стала мучить мысль о томъ, какъ безбожно, какъ злодѣйски умертвилъ своего друга и благодѣтеля, и что, быть можетъ, кто нибудь такой же честолюбецъ, какъ и онъ, и ему готовитъ подобную участь. Онъ исполнилъ предсказаніе старухъ, что сыновья Банко послѣ него наслѣдуютъ тровъ, и заключилъ изъ того, что Банко рѣшится на заговоръ противъ него, какъ онъ противъ короля Дункана.

Преступникъ считаетъ другихъ людей столь же худыми, каковъ самъ. Чтобы предотвратить эту воображаемую опасность, Макбетъ подкупилъ разбойниковъ, и приказалъ имъ поджидать Банко и сына его въ лѣсу, куда они иногда вечеромъ ходили прогуливаться; напасть на нихъ и убить обоихъ, отца и сына. Злодѣи исполнили, что приказалъ имъ Макбетъ; но между тѣмъ какъ они убивали Банко, мальчикъ Флеансъ ускользнулъ изъ ихъ преступныхъ рукъ и убѣжалъ изъ Шотландіи въ Ваменсъ. Спустя много времени послѣ этого, дѣти его, какъ говорятъ, получили Шотландскую корону.

Макбетъ не сдѣлался счастливѣе отъ того, что убилъ храбраго своего друга и родственника Банко. Онъ зналъ, что уже начали подозрѣвать его въ преступленіи, какое совершилъ онъ, и былъ вѣчно въ страхѣ, что кто нибудь умертвитъ его, какъ онъ своего стараго государя; или, что Малькольмъ, получивъ помощь отъ Англійскаго короля, пойдетъ на него войной и отниметъ у него шотландское королевство. Въ этомъ ужасномъ безпокойствѣ, онъ рѣшился итти къ старухамъ, слова которыхъ заронили въ душу его желаніе сдѣлаться королемъ. Нужно предполагать, что онъ принесъ имъ подарки, и что онѣ были столько хитры, что дали ему такой отвѣтъ, который бы поддержалъ въ немъ вѣру въ ихъ предсказанія. Онѣ отвѣчали ему, что онъ будетъ побѣжденъ, или потеряетъ шотландскую корону не прежде, какъ когда большой лѣсъ, называемый бирнамскимъ, сдѣлаетъ нападеніе на крѣпкій замокъ, лежащій на высокой горѣ, поимени Дунсинанъ, (*въ этомъ замкѣ обыкновенно жилъ Макбетъ*). Гора Дунсинанъ лежитъ на одномъ краю большой долины, а бирнамскій лѣсъ на другомъ. Разстояніе между ними двѣнадцать миль; сверхъ того, Макбету казалось невозможнымъ, чтобы дерева могли напасть на замокъ. Не смотря на то, онъ рѣшился, какъ можно лучше, укрѣпить замокъ на горѣ, чтобы сдѣлать его такимъ, гдѣ бы онъ могъ быть совершенно безопаснымъ. Съ этою цѣлію онъ приказалъ всему своему дворянству и танамъ доставлять ему камни, дерево и другія необходимыя для постройки матеріалы, и также воловъ, которые бы перевозили всѣ эти матеріалы на вершину горы, гдѣ онъ вздумалъ строить замокъ.

Между дворянами, которые обязаны были доставлять воловъ, лошадей и матеріалы для постройки, находился одинъ по имени Макдуфъ, танъ Фифскій. Макбетъ страшится этого тана, потому что тотъ былъ силенъ, и считался сколько храбрымъ, столько же и благоразумнымъ; Макбетъ не сомнѣвался также и въ томъ, что Макдуфъ при-

станетъ къ принцу Мальбольму, какъ скоро послѣдній вступитъ съ арміею въ Англію. По этому король питалъ къ тану Фифскому тайную ненависть, которую онъ скрывалъ онъ всѣхъ до тѣхъ поръ, пока не представился ему благопріятный случай сдѣлать съ нимъ тоже, что съ Дунканомъ и Банко. Макдуфъ съ своей стороны также принялъ предосторожности, и бывалъ но дворцѣ короля какъ можно рѣже, потому что онъ нигдѣ не считалъ себя безопаснымъ, кромѣ собственнаго своего замка, лежавшаго на берегу моря.

Однажды король пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ дворянъ, между ними Макдуфа, и приказалъ имъ явиться въ замокъ Дунсиненъ. Онъ хотѣлъ устроить для нихъ большое пиршество, къ чему уже и сдѣланы были приготовленія. Въ одно время Макбетъ съ небольшою свитою отправился посмотрѣть, какъ волы тащили на гору дерево и камни для увеличенія и укрѣпленія замка. Они особенно смотрѣли на тѣхъ воловъ, которые съ большимъ трудомъ всходили на гору, потому-что гора была очень крута, тяжесть велика, и погода чрезвычайно жаркая. Наконецъ Макбетъ замѣтилъ пару воловъ, столь утомленныхъ, что они не могли уже итти на гору и пали подъ тяжестію. Король чрезвычайно разсердился на это, и пожелалъ узнать, кто изъ его тановъ послалъ такихъ слабыхъ и негодныхъ воловъ, тогда какъ столько для нихъ работы. Кто-то отвѣчалъ ему, что это волы Макдуфа, тана Фифскаго. «Такъ если, сказалъ король въ сильномъ гнѣвѣ:—танъ фифскій присылаетъ такой дурной скотъ для моихъ работъ, то запречь его самаго подъ ярмо и пусть самъ онъ таскаетъ тяжести.»

Другъ Мандуфа, бывшій при этомъ, и слышавшій гнѣвныя слова короля, тотчасъ же передалъ ихъ тану Фифскому, который, въ ожиданіи полдника прогуливался по галлереѣ королевскаго замка. Выслушавъ слова короля, онъ увидѣлъ, что нельзя терять времени. Нужно скорѣе бѣжать; потому что ужъ если Макбетъ грозилъ кому нибудь несчастіемъ, то вѣрно сдерживалъ свое слово. По этому Мандуфъ взялъ со стола кусокъ хлѣба, позвалъ слугъ, чтобы они приготовили лошадей, и поспѣшилъ уѣхать въ свою область Фифы прежде, чѣмъ Макбетъ и дворяне воротились въ замокъ. Первый вопросъ Макбета былъ о Мандуфѣ. Едва только сказали ему, что Мандуфъ убѣжалъ изъ Дунсинена, то въ тотъ же мигъ, приказавъ стражѣ своей слѣдовать за собою, вскочилъ на лошадь и пустился въ слѣдъ за таномъ, съ намѣреніемъ убить его.

Мандуфъ между тѣмъ летѣлъ на лошади, какъ только можно быстро... Онъ такъ мало запасся деньгами на свои издержки, что, доскакавъ до большой переправы черезъ рѣку Тай, ничего не могъ дать своему перевощику, кромѣ куска хлѣба, который былъ взятъ имъ со стола короля. Послѣ сего это мѣсто долго называлось хлѣбнымъ перевозомъ.

Прибывъ въ свою область Фифу, лежащую на другомъ берегу рѣки Тай, онъ ѣхалъ еще быстрѣе въ свой замокъ Кенновой, который, какъ сказано, лежалъ у самаго моря; когда онъ достигъ до него, король былъ уже не далеко за нимъ. Макдуфъ приказалъ своей супругѣ запереть ворота, поднять мосты и ни подъ какимъ условіемъ не впускать въ замокъ ни короля, ни одного изъ его воиновъ. Самъ онъ между тѣмъ отправился въ небольшую пристань, принадлежавшую замку; приказалъ, какъ можно скорѣе, спустить въ море корабль, стоявшій въ пристани, и взошелъ на бортъ, чтобы бѣжать отъ Макбета. Послѣдній требовалъ отъ леди Макдуфъ, чтобы она сдала ему замокъ и выдала своего мужа. Леди Макдуфъ, женщина благоразумная и храбрая, чтобъ выиграть время, представила ему разнаго рода извиненія и отговорки до тѣхъ поръ, пока не узнала, что супругъ ея уже на кораб-

лъ и выступилъ изъ пристани. Тогда она дерзко стала говорить съ королемъ, который стоялъ предъ воротами, и ожидая сдачи замка, дѣлалъ ей страшныя угрозы.

«Видишь ли ты, сказала она, бѣлый парусъ на морѣ? Это Макдуфъ плыветъ къ Англійскому двору. Ты увидишь его не прежде, какъ когда онъ воротится съ молодымъ принцемъ Малькольмомъ, чтобы свергнуть тебя съ трона и убить. Тебѣ никогда не удастся положить ярмо на спину тана Фифскаго, сколько бы ты ни хвалился.

Макбетъ былъ взбѣшенъ этимъ дерзкимъ отвѣтомъ; онъ напалъ на замокъ, овладѣлъ имъ и умертвилъ отважную леди Макдуфъ, и всѣхъ кто былъ тамъ. Впрочемъ, другіе говорятъ, и мнѣ это кажется вѣроятнѣе, что король видя сильныя укрѣпленія замка, и узнавъ, что Макдуфъ убѣжалъ изъ него и отправился на кораблѣ въ Англію, воротился въ Дунсиненъ, не попытавшись овладѣть замкомъ. Развалины его и доселѣ видны и называются замкомъ тановъ.

Въ это время въ Англіи царствовалъ очень добрый король, по имени Эдуаръ исповѣдникъ. Я упоминалъ уже, что принцъ Малькольмъ, сынъ Дункана, находился при его дворѣ и просилъ у него помощи для завоеванія Шотландскаго трона. Прибытіе Макдуфа чрезвычайно содѣйствовало успѣху его просьбы, потому-что Макдуфъ былъ извѣстенъ королю какъ храбрый и благоразумный человѣкъ. Когда онъ увѣрилъ Эдуарда, что Шотландцы ненавидятъ ужаснаго Макбета, но охотно покорятся принцу Малькольму, если только онъ воротится въ свое отечество съ войскомъ, то король приказалъ великому воину, по имени Сиварду, Графу Нортумберландскому, съ сильнымъ войскомъ проникнуть въ Шотландію и помочь принцу Малькольму снова завоевать корону его отца. Какъ сказалъ Макдуфъ, такъ и случилось. Шотландскіе таны и дворяне не хотѣли сражаться за Макбета, но соединялись съ Малькольмомъ и Макдуфомъ противъ него. Онъ воодушевлялъ своихъ воиновъ защищаться храбро, предсказывая вѣрную побѣду. Въ это время Малькольмъ и Макдуфъ пришли въ Бирнамскій лѣсъ, и здѣсь расположились лагеремъ съ своимъ войскомъ. На другое утро, когда они хотѣли переходить широкую долину, чтобы попасть на замокъ, Макдуфъ приказалъ каждому солдату отрѣзать вѣтвь дерева и держать ее въ рукѣ, чтобы непріятель не могъ замѣтить сколько въ войскѣ людей.

Стража, стоявшая на стѣнахъ Макбетова замка, увидѣвъ вѣтви, которыя несли солдаты принца Малькольма, побѣжала къ королю и объявила ему, что Бирнамскій лѣсъ идетъ на замокъ. Король сначала назвалъ вѣстника лжецомъ и грозилъ смертью; но когда самъ посмотрѣлъ со стѣны и увидѣлъ, что къ замку его приближается нѣчто подобное Бирнамскому лѣсу, то увѣрился, что часъ погибели его насталъ. Защитники его тоже начали терять духъ и убѣжали изъ замка, замѣтивъ, что государь ихъ потерялъ всю надежду.

Однако Макбетъ собрался съ духомъ, и бросился внезапно на врага, впереди не многихъ сопутниковъ, которые остались ему вѣрны.

Встрѣтившись съ Макдуфомъ лицомъ къ лицу въ пылу битвы, онъ, послѣ отчаяннаго противоборства, былъ убитъ. Принцъ Малькольмъ взошелъ на Шотландскій тронъ и правилъ долго и счастливо. Макдуфа онъ наградилъ тѣмъ, что потомкамъ его навсегда поручилъ предводительствовать авангардомъ Шотландской арміи, короновать королей, и учреждать перемоніи коронованія. Онъ же дѣлалъ Шотландскихъ тановъ графами.

—

ДЖАКОМО МЕЙЕРБЕЕРЪ.

Джакомо Мейербееръ родился въ Берлинѣ, въ 1797, отъ богатой и почтенной фамиліи. Какъ всѣ люди съ особымъ призваніемъ къ славѣ, Джакомо Мейербееръ рано обнаружилъ свои музыкальныя способности: въ томъ возрастѣ, когда дѣти едва умѣютъ говорить, онъ былъ композиторомъ и композиторомъ искуснымъ. Кантилены, которыя наигрывали органы въ берлинскихъ улицахъ, Джакомо Мейербееръ тотчасъ клалъ на фортепіано. Переложеніе нотъ на гармоніи дѣлалось безъ всякаго затрудненія, и едва эхо народной пѣсни замирало въ сосѣднемъ переулкѣ, какъ уже оживало оно подъ гибкими пальцами чудеснаго малютки-маэстро, съ акомпаньеманомъ полнымъ граціи и легкости. На пятомъ году, Джакомо Мейербееръ разгадалъ науку Мюзара. Девяти лѣтъ, онъ былъ, какъ и Моцартъ, музыкальнымъ чудомъ. Въ Берлинѣ, городѣ такъ богатомъ славными виртуозами, не нашлось соперника, ему на фортепіано. Въ это время, аббатъ Фоглеръ, этотъ типъ музыканта услышалъ вертуоза-ребенка. Передъ такимъ мастеромъ самолюбіе заиграло въ Джакомѣ и онъ началъ импровизировать съ какою-то бѣшеною силою. Добрый аббатъ, поставленный между удивленіемъ къ оригинальности вдохновеній молодаго композитора и виднымъ въ нихъ ребяческимъ презрѣніемъ къ великимъ правиламъ искусства, не могъ не изъявить большаго изумленія, съ предсказаніемъ ему великой музыкальной славы.

Черезъ шесть лѣтъ, Джакомо Мейербееръ, чувствуя необходимость призвать науку на помощь природѣ, рѣшился начать важное и примѣрное изученіе музыки. Аббатъ Фоглеръ, свидѣтель лирическихъ забавъ ребенка, сталъ строгимъ учителемъ юноши. Прямой наслѣдникъ династіи Баховъ основалъ на родинѣ своей, въ Дармштадтѣ, родъ музыкальной семинаріи, гдѣ искусство чтили какъ религію. Воспитанниками аббата Фоглера были, кромѣ Мейербеера,—Корлъ-Марія-Веберъ, другъ Мейербеера до самой смерти, Гамебахеръ, директоръ капеллы въ Вѣнѣ, и Готфридъ Веберъ. День начинался обѣднею; служилъ аббатъ Фоглеръ; причетникомъ былъ авторъ Фрейшица. За молитвою слѣдовала—работа; учитель давалъ каждому изъ учениковъ тему, которую тотъ долженъ былъ исполнить въ теченіе дня. Самъ Фоглеръ садился за работу и вечеромъ было довольно благочестивой пищи для всѣхъ приходовъ великаго герцогства Дармштадтскаго.

Этому примѣрному, основательному ученію обязанъ Мейербееръ способностію передавать такъ хорошо тонами величіе религіи. Робертъ-Діяволъ есть самая прекрасная, самая полная ораторія. Впрочемъ, Джакомо Мейербееръ былъ въ этомъ училищѣ только два года. По истеченіи этого времени, онъ объѣхалъ съ аббатомъ Фоглеромъ Германію, собирая вездѣ похвалы, какъ піанистъ, а иногда и какъ композиторъ. Въ семнадцать лѣтъ, Мейербееръ отдалъ на сцену въ Мюнхенѣ свое первое драматическое произведеніе: *Дочь Ефты*, оперу въ трехъ дѣйствіяхъ; она имѣла успѣхъ; но опера: *Два Халифа*, данная послѣ на придворномъ театрѣ въ Вѣнѣ, не удалась. Это единственная неудача Мейербеера, но и ее можно считать успѣхомъ, потому что —Сальери, самъ пришелъ къ молодому маэстро, утѣшить его и одобрить на будущее время.

Тогда Мейербееръ, подобно Гёте обратилъ взоры къ странѣ лимонныхъ рощей: онъ отправился въ Италію и его музыкальное направленіе вдругъ измѣнилось, когда онъ услышалъ *Тенкреда*. Мейербееръ далъ тогда семь сраженій и одержалъ семь побѣдъ. Въ Падуѣ, въ 1818, онъ далъ оперу *Romilda e Con-*

stanza, для знаменитой Пизарони; въ 1819, на королевскомъ театрѣ въ Туринѣ, Семирамиду *(Semiramide riconosciuta)*, въ которой пѣла Каролина Басси. Въ 1820, театръ Санъ-Бенедетто въ Венеціи былъ свидѣтелемъ блистательнаго успѣха *Еммы ди Рисбурго*. Среди этихъ итальянскихъ вдохновеній, Мейербеерь не забывалъ и своего отечества. *Бранденбургскія ворота*, написанныя для народнаго праздника, не поспѣли въ Берлинъ къ назначенному для торжества дню и не могли быть представлены. Наконецъ сцена *della scala* отворилась для юной славы автора Эммы. *Маргарита Анжуйская*, которой Парижъ апплодировалъ въ 1826, въ Одеонѣ, была дебютомъ Мейербеера въ Миланѣ. *Esuea di Granata*, была, не смотря на явныя козни, продолженіемъ торжества *Маргариты*. *Альманзоръ*, написанный въ томъ же году для Рима, не былъ игранъ по причинѣ внезапной важной болѣзни сеньоры Бассы. Наконецъ въ 1824, явился въ Венеціи *Крестоносецъ* (Il Granato), имѣвшій европейскій успѣхъ. Мейербееръ, приглашенный въ Парижъ г. Ларошфуко, явился тамъ въ 1826 году. Знаменитая Паста исполнила главную роль *Крестоносца* передъ восторженною публикою. Потомъ *Крестоносецъ* началъ свой лирическій походъ и остановился только въ Ріо-Жанейро, откуда бразильскій императоръ прислалъ Мейербееру орденъ Южнаго Креста.

Въ 1827 году, Мейербееръ женился; смерть двухъ дѣтей заставила его удалиться отъ свѣта. Въ уединеніи и слезахъ, провелъ онъ два года на мызѣ близь Берлина. Мейербееръ проснулся только, чтобъ писать Роберта-Діавола. Въ эту горестную эпоху, написалъ, безъ сомнѣнія, Мейербееръ большую часть своей религіозной музыки, въ которой кромѣ другихъ пьесъ замѣчательны: *Stabat*, *Miserere*, *Te-Deum*, двѣнадцать *неалистовъ* съ двойнымъ хоромъ, восемь пѣсенъ Клопштока въ четыре голоса, безъ аккомпаньемана, ораторія *Богъ и природа* и нѣсколько религіозныхъ кантатъ. Диѳирамбъ *Богу* и *Гимнъ* для открытія памятника Гуттенбергу въ Маинцѣ, принадлежатъ къ созданіямъ, исполненнымъ возвышенной прелести, въ которыхъ видѣнъ уже музыкантъ-поэтъ создавшій: *Обѣтъ во время бури*, *Аппенцельскихъ коровъ*, *Рахиль* и *Нефтали* и наконецъ *Монаха*, составившаго бы украшеніе оперы.

Въ Парижѣ, опера *Робертъ-Діаволъ* была верхомъ славы Мейербеера. Театръ не запомнитъ подобнаго блистательнаго успѣха. Это первая пятіактная пьеса, которая стала народною отъ интродукціи до финальнаго тріо, и произвела глубокое впечатлѣніе на всѣ классы европейскаго общества. Роберта можно назвать образцомъ совершенства по вдохновенію, искусству, мысли, отдѣлкѣ, удачѣ. Это великолѣпная партиція, удовлетворяющая въ каждомъ актѣ, въ каждой сценѣ всѣмъ требованіямъ, всѣмъ чувствамъ публики. Геній музыканта разсѣялъ въ ней сокровища мелодій, съ невѣроятною щедростію. Но главная основа блистательнаго успѣха Роберта, есть рѣдкое разнообразіе формъ. Здѣсь искусство надѣлало чудесъ; оно украсило обширное произведеніе безконечными оттѣнками; излило въ оркестръ всѣ силы гармоніи, и вышедшая оттуда музыкальная эпопея явилась совершенною, потому что въ ней соединились— грація, умъ, веселость, страсть, ужасъ, идеи религіозныя и мірскія: это жизнь человѣка въ пяти пѣсняхъ. Оттого человѣкъ жадно схватился за поэму; и она обѣжала свѣтъ, какъ легкая пѣсенка, которая затверживается съ перваго раза. Робертъ былъ игранъ и на пышныхъ, и на бѣдныхъ театрахъ. Европа передала его Америкѣ! Эхо этой чудесной музыки долетѣло изъ одного свѣта до другаго; оке-

анъ былъ посредникомъ.—Не разъ должно было переводить слова, но мелодія была понята міромъ, безъ перевода.

Послѣ Роберта, нужны были необыкновенный геній и необыкновенное счастіе, чтобы купить новое равное торжество пьесою равнаго достоинства. *Гугеноты*, явясь за Робертомъ, не могли заставить забыть его; вторая опера была продолженіемъ первой; это лучшая ей похвала.

Веберъ былъ не такъ счастливъ, написавъ *Эвріанту* послѣ *Фрейшица*, и *Спонтини*, давъ *Фердинанда Кортеса* послѣ *Весталки*. Огромный успѣхъ — врагъ самый сильный послѣдующаго успѣха.

Мейербееръ живетъ по большей части въ Парижѣ. Онъ носитъ крестъ Почетнаго Легіона, сдружился со всѣми парижскими знаменитостями; онъ оракулъ консерваторіи; покровитель молодыхъ дебютантовъ оркестра; совѣтникъ лавреатовъ музыкальной композиціи; человѣкъ съ сильнымъ голосомъ у властей, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь рѣшеніи по части изящныхъ искусствъ.

—

ВЫДЕРЖКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА.

Ужъ этотъ мнѣ Іюль... прелосадный мѣсяцъ! Ужъ этотъ мнѣ климатъ петербургскій... прегадкій климатъ! Ужъ эта мнѣ Болотная... наскучила такъ, что мочи нѣтъ. Какая жара! какъ раскалился воздухъ! Какая глухая тишь на мостовой! Изрѣдка, вихорь вихорничь закрутится, завертится колесомъ, пронесется стрѣлою съ одного конца улицы на другой, и опять все смолкнетъ, и опять какая-то мертвенность окуетъ все гробовымъ безмолвіемъ. Ни стука извощецкихъ дрожекъ, ни шелеста мѣрныхъ человѣческихъ шаговъ. Ни откуда не услышишь ни словечка. Всѣ живыя существа попрятались. На всѣхъ окнахъ опущены гардины. Не мелькнетъ ни одна хорошенькая головка. Какъ это досадно. И старые и малые, и красавицы и уроды — всѣ спятъ мертвымъ, непробуднымъ сномъ, за неприступною каменною стѣною. А солнце, несносное іюльское солнце все печетъ и печетъ каменную мостовую — все калитъ и калитъ желѣзныя кровли домовъ... Въ четверть часа на улицѣ можно задохнуться.

..... 5 минутъ перваго. Скука смертная. Проклятое время! вѣчно тащится на костыляхъ. А на этомъ диванѣ лежать мнѣ не дурно. Вотъ, напримѣръ, такъ. Зеркало не обманываетъ; оно не въ людей. Какъ гордо закинута эта голова! Румянецъ во всю щеку. Каштановые волосы, подстриженные à la Russe, вьются небрежно кольцами. А это возвышенное чело скрываетъ въ своемъ тайникѣ думы свѣтлыя, высокія! А эти голубые глаза блестятъ любовію и нѣжностію. А это молодое сердце кипитъ страстію бурною!... Что и говорить; я, точно, красавецъ. Лечу, лечу, сейчасъ же лечу!.. куда? Разумѣется, на дачи, волочиться за хорошенькими...

—Эй! Ванька! Куда дѣвался этотъ негодный мальчишка? А самому встать не хочется. Нѣтъ, нѣтъ; не встану, ни за что не встану. Лучше умереть, умереть... у..ме..реть...

..... Кто тамъ безпощадно звонитъ такъ? Ванько, каналья Ванько! Опять нѣтъ этаго мерзавца. Только часъ, ровно часъ! Въ ушахъ звенитъ отъ этаго неугомоннаго колокольчика. Ну, хоть умри такъ незваный гость. Я не пойду, — я самъ умираю.

..... Къ вамъ пришелъ гость, сударь.

— А гдѣ ты былъ, мерзавецъ, до сихъ поръ?

— Помилуйте, сударь! Вы посылали меня за парикмахеромъ. Въ три часа онъ будетъ.

— Ахъ, да; я и забылъ.

— Къ вамъ, сударь, пожаловалъ Александръ Иванычъ.

— Саша, Саша; гдѣ онъ? гдѣ онъ? проси скорѣе; пошелъ дуракъ. — Здравствуй, другъ мой. Какъ тебѣ не стыдно забывать своего земляка? Я право не помню, когда мы съ тобою видѣлись.

— Что ты, Николай? Послушай, что съ тобою? Развѣ ты не помнишь, какъ мы прощались за московскою заставою? Право, совѣстно не вспомнить о своемъ другѣ, пробывшемъ два мѣсяца въ отпуску. Ты обѣщался еще ко мнѣ писать каждую недѣлю. Спасибо, братъ. Хоть бы одну строчку! На что это похоже? А!

— О, прости меня, ради Бога прости. Въ вихрѣ свѣта, въ безпрестанныхъ заботахъ и хлопотахъ я совершенно забылъ о тебѣ.

— Какіе же это были хлопоты?

— Женюсь, братецъ.

— Женишься! на комъ, на комъ? Какая счастливица будетъ упиваться твоими страстными взорами?

— Евгенія Павловна Беззубова.

— Сирота; единственная наслѣдница покойнаго откупщика.

— Знаю, знаю, братецъ. Но эта красавица не слишкомъ взрачна собою, а притомъ ей подходитъ чередъ вступить въ благословенное сословіе старыхъ дѣвъ.

— Ты ничего не сказалъ о ея великолѣпномъ замкѣ на Фонтанкѣ, въ которомъ, я думаю, всѣ трещинки набиты банковыми билетами.

— Все такъ; но вѣдь у ней, кажется, ужъ былъ женихъ; я полагалъ, что она давно вышла за Гусевича. Этотъ человѣкъ былъ ея безсмѣннымъ поклонникомъ и кавалеромъ. Съ нимъ она ѣздила на балы, въ театръ, на гулянья. Безъ него я невидалъ ее нигдѣ.

— Ты жестоко ошибся, Саша. Этому-то Гусевичу я обязанъ всѣмъ; безъ его холатайства я никогда не женился бы на этой рѣдкости въ наше меркатильное время.

— Да къ чему тебѣ, богатство? У тебя своихъ триста душъ: ты занимаешь хорошее мѣсто; имѣешь надежныхъ протекторовъ. Тебѣ, по настоящему, слѣдовало бы жениться не по расчетамъ а, по любови. Матушка твоя, какъ я вижу, ничего не знаетъ о твоей женитьбѣ; я гостилъ у ней довольно; она все грустить и тоскуетъ, что ты не шлёшь ей о себѣ никакой вѣсточки.

— Ахъ, Боже мой! а я и забылъ написать ей о своихъ новыхъ обстоятельствахъ. Ну да полно объ этомъ толковать. Когда-нибудь напишу. Разскажи-ка лучше, какъ ты провелъ время на нашей родинѣ. Что подѣлываютъ мои родные? Нѣтъ ли у нихъ перемѣнъ? Какъ живетъ моя матушка, сестра? Что подѣлываетъ мой недоростокъ, Миша?

— Тамъ, не какъ здѣсь. Все идетъ по прежнему. Матушка твоя такая же добрая и радушная старушка, какъ и прежде. Сестра день ото дня разцвѣтаетъ и хорошѣетъ. А братъ твой Миша, чудной малой. Теперь ужь онъ не недоростокъ, а юноша съ бѣлокурыми волосами, чуть не почище тебя; онъ доканчиваетъ свои приготовленія для поступленія въ здѣшній университетъ. А ужъ какой онъ ловкой охотникъ? это просто чудо. Я гостилъ у вашихъ цѣлыхъ двѣ недѣли и во все это время мы регулярно ходили съ нимъ каждый день на охоту. Ты помнишь еще, я думаю, ту прекрасную долину въ дубовомъ дремучемъ лѣсу, который начинается отъ самой горы и оканчивается у рубежа вашихъ полей.

— Какъ не помнить этого бархатнаго ковра, разостланнаго подъ голубымъ шатромъ неба, гдѣ, подъ тѣнію столѣтнихъ дубовъ, въ ясное весеннее утро, мы часто пили чай и слушали прекрасные трели залетнаго соловья. Эта же долина служила для насъ съ тобою постояннымъ отдыхомъ во время утреннихъ лѣтнихъ прогулокъ...

— Хорошо, хорошо... Слушай, я разскажу тебѣ занимательную сцену, которой случилось мнѣ быть свидѣтелемъ на той же самой долинѣ.

— Разсказывай, отъ нечего дѣлать; только поскорѣе, потому что въ 6 часовъ вечера назначена моя свадьба. Теперь ровно два; значитъ осталось не много.

— Время терпитъ, а исторія моя очень не долга.

«Однажды, вышедъ съ Мишою изъ дому въ семь часовъ вечера, мы бродили по лѣсу долѣе обыкновеннаго. Охота наша шла какъ-то неудачно. Мы по напрасну потеряли всѣ запасныя патроны и порядочно таки поустали. Кое-какъ добрались мы до долины и повалились на траву, какъ пьяные, чтобы хоть немного отдохнуть отъ утомленія. Было уже около одинадцати часовъ ночи. Полный, круглый мѣсяцъ весело катился по небу и придавалъ окружающимъ предметамъ ярко-блѣдный свѣтъ. Роса ночная начинала смачивать траву. Соловьи защелкали и засвистали. Изрѣдка слышны были говоръ или заунывныя пѣсни молодыхъ парней, собравшихся *въ ночное* (*).

Болѣе получаса прошло, какъ наши оцѣпенѣлые отъ усталости члены покоились и нѣжились на мягкомъ муравчатомъ ложѣ. Вдругъ послышался легкій шелестъ шаговъ; мы обратили взоры въ ту сторону, откуда доходили до насъ звуки, повторяемые лѣснымъ эхомъ. Черезъ минуту, изъ подъ густыхъ вѣтвей деревъ показалось привидѣніе, завернутое въ бѣлую мантилью; рядомъ съ нимъ шло дитя, тоже въ бѣлой мантильи; за ними шелъ сѣдой старецъ, съ длиннымъ копьемъ, какъ намъ тогда показалось. Три тѣни, рисуясь на полянѣ, болѣе и болѣе увеличивались; три призрака подходили къ намъ ближе и ближе. Мы спрятались въ травѣ и терпѣливо ожидали, что изъ этого будетъ. Мимоходомъ сказать, немножко струсили. Не далеко отъ насъ виднѣлся маленькій курганчикъ; на немъ росла одиноко небольшая березка съ длинными вѣтвями и густыми листьями. Существо въ бѣлой мантии вмѣстѣ съ малюткою приблизилось къ этому кургану; старикъ сталъ поодоль. Все смолкло; пернатые пѣвцы пріутихли; легкій вѣтерокъ не шелеститъ болѣе листьями деревъ. И въ этотъ безмолвный часъ полночи, на узорчатой полянѣ, среди лѣсу дремучаго, раздались громкія рыданія женщины. Она пала ницъ на курганъ, рыдала и цѣловала землю; дитя тихо плакало; старикъ утиралъ слезы. Такъ прошло съ четверть часа. Послѣ чего привидѣніе или женщина въ бѣлой мантильи встала, взяла малютку за руку, опустилась вмѣстѣ съ нимъ на колѣна и возвела взоры къ небу. При яркомъ свѣтѣ луны мы могли ясно разсмотрѣть черты лица ея. Ахъ, какъ она хороша была въ эту минуту! Богъ мой, какъ хороша!.. Бѣлизна лица ея неуступала бѣлизни луны, освѣщавшей въ ту ночь природу; а голубые глаза ея, казалось, гармонировали съ лазуревымъ небомъ; къ которому они были обращены. Я долго смотрѣлъ на нее и удивлялся ея неизъяснимо-привлекательной красотѣ.

* Въ нашихъ степныхъ губерніяхъ, молодые парни, обыкновенно на ночь выгоняютъ своихъ лошадей въ лѣсъ на свѣжую траву и, чтобы веселѣе сторожить ихъ отъ волковъ и разныхъ звѣрей, они собираются по нѣскольку человѣкъ и сидя вкругу, о чемъ нибудь толкуютъ или поютъ пѣсни, не выпуская изъ виду тѣхъ, кого они сторожатъ.

Еслибъ я не слыхалъ ея вздоховъ и рыданій, еслибъ я невидѣлъ, что она у неба чего-то просила, я принялъ бы ее за не земную фею, которая въ часъ полуночи бродитъ по лѣсамъ и лугамъ и упивается благоуханіемъ весеннихъ цвѣтовъ. Мы разсмотрѣли хорошо и дитя; это былъ свѣженькій и веселенькій мальчикъ, съ розовыми щечками, настоящій амуръ. Еслибъ ты видѣлъ, Николай, какъ она молилась... О, клянусь нашею дружбою, ты отдалъ бы всѣ теперешніе мечты и надежды твои за то только, чтобы узнать, о четъ она молилась! Ея тихой, безмолвной молитвѣ, казалось, внимала вся природа, которая, на этотъ разъ, была молчаливѣй рыбы. О чемъ она молилась, Николай? Ты никогда бы не разрѣшилъ этой загадки, будучи на моемъ мѣстѣ. Замѣть, что въ эту минуту я испыталъ двойное счастіе: я блаженствовалъ, любуясь невыразимою прелестію прекраснѣйшей женщины, и вмѣстѣ воспоминаніе въ неясныхъ чертахъ представляло мнѣ одного изъ лучшихъ друзей моихъ. Да, да, точно; лицо малютки напоминало мнѣ тебя, мой другъ.

— Что ты такъ блѣденъ, Николай? Быть можетъ тебѣ наскучилъ мой разсказъ; пожалуй, я кончу.

— О, нѣтъ, нѣтъ, ради Бога! продолжай. Меня это чрезвычайно занимаетъ.

«Скоро она встала и взявъ за руку дитя, пошла назадъ тѣмъ же путемъ; проводникъ шелъ впереди. Твой братъ, Миша, замѣтилъ, что это былъ вашъ лѣсничій. Узнавъ это, я предложилъ ему итти слѣдомъ за ночными посѣтителями лѣсной поляны и спросить у лѣсничаго, кто была эта дама съ пятилѣтнимъ мальчикомъ. Вотъ что разсказалъ намъ лѣсничій:

«Въ самое заговѣнье передъ петровками, этакъ ужъ за полночь, я былъ въ обходѣ. На ту пору случись мнѣ подойти къ этой полянѣ; ну, гдѣ вы изволили, баринъ, видѣть насъ. Тутъ мнѣ почудилось, будто русалка балагуритъ съ лѣшимъ; ну, право слово, не лгу. Вотъ я и трухнулъ было немножко; такая оторопь взяла, что хоть умирай ложись. Поголя немного, я пріосамился, взвалилъ дубинку на плечо и вышелъ на поляну. Кой чортъ! съ нами крестная сила! Да это нашъ молодой баринъ гутаритъ съ барышнею, вонъ что сиротою-то осталась; тамъ, за нашей деревней, есть у ней тяголъ десятокъ, да и тѣ разорены въ конецъ; покойный батюшко-то ея, вашъ, былъ, не тѣмъ будь помянутъ, такой мотыга, чко и Господи упаси. Ну, сами смекаете, коли баринъ въ лѣсу, да и самъ другъ, нашему брату нечa дѣлать. Я и притаись у куста да и сталъ примѣчать за ними.»

— Николай, Николай, что ты? Да на тебѣ вовсе лица нѣтъ. Посмотрись въ зеркало, ты побѣлѣлъ, какъ полотно. Здоровъ ли ты?

— Солнце ужасно печетъ. Опусти, пожалуйста, сторы.

— Хочешь ли дослушать?

— Говори, говори.

«Баринъ-то все божился и клялся, продолжалъ лѣсничій, какъ-то по ихнему; а она, бѣдняжка все плакала, да кручинилась. Ужъ пѣтухи пропѣли; они говорили, говорили, плакали, плакали, а потомъ ужъ начали цѣловаться, миловаться; да вѣдь какъ громко, такъ по лѣсу и раздается. Баринъ-то все хотѣлъ оторваться отъ нее, а барышня-то повисла къ нему на шею, да и не пускаетъ. Баринъ, вѣрно былъ по сильнѣе, оттолкулъ ее отъ себя, да и бѣгомъ бросился въ лѣсъ, а она, сердешная скрикнула и покатилась на траву. Жалость да и только. Я подбѣжалъ къ ней; лежитъ, какъ мертвая. Я схватилъ ее бережно руками и понесъ въ свою землянку, авось дискать опомнится тамъ, смекалъ я. Дорогой она и проснись. А по залѣсью скачетъ тройка удалая, колокольчитъ такъ и звѣнитъ. Барышня родимая опять вскрикнула и опять закрыла глазенки. Кое-какъ мы добрели съ нею до моей ла-

чуги и ужъ у меня-то она насилу очнулась.

— Смотри жь, Севастьянычъ, молвила она мнѣ, никому не сказывай, что тутъ было. Видитъ Богъ, я никому ни гу-гу! Да бояринъ-то нашъ неустойчивъ на своемъ словѣ; ни нѣсточки о себѣ не шлетъ, ни глазъ сюда не кажетъ. Такъ ужъ куда вишло! На душѣ моей лежитъ тяжкій грѣхъ. Надо же и покаяться добрымъ людямъ. Авось моя исповѣль наставитъ на путь-разумъ Михайла Михайлыча.

— Зачѣмъ же тотъ курганъ, старичекъ, и зачѣмъ сюда ходитъ по ночамъ твоя барышня? спросилъ я у Севастьяныча.

«Видишь-что, отвѣчалъ онъ:—на другой день вечеромъ, по отъѣздѣ молодаго барина, сирота, которую вы видѣли, пришла ко мнѣ и велѣла мнѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она съ нимъ прощалась, нарыть курганъ; потомъ она сама посадила цвѣтовъ и своими руками посадила тутъ березку. Съ той поры, однажды съ годъ, въ туже ночь и въ тотъ часъ, она приходитъ сюда, плачетъ и молится. Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ баринъ, каждый годъ его суженая приходила одна, а потомъ съ ребенкомъ; серденька, такой пухленькій, румяненькій, вотъ уже по шестомъ годочку. А она больно исхудала; видно сердечушко ноетъ по своемъ ненаглядномъ; кабы не сыночекъ, глядишь давно бы изчахла и слегла въ могилу. Имъ и для него только живетъ. Простите добрые люди. Ступайте своей дорогой, да не выдайте меня, старика.»

— Что ты закрылъ руками лицо, Николай!

— Боже мой, Боже мой! Изъ памяти вонъ. Позабылъ, рѣшительно позабылъ!

— Что такое? вѣрно нужно было что-нибудь приготовить къ свадьбѣ?

— О, нѣтъ! Я не женюсь!

— Какъ не женишься? А милліоны твоей невѣсты!

— Ахъ, да; я и забылъ. Ну, такъ пріѣзжай, Саша, ко мнѣ въ шесть часовъ; попируй на моей свадьбѣ.

— Нѣтъ, не буду. Мнѣ сегодня-же нужно заготовить прошеніе объ увольненіи изъ службы. Не знаю, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этого омута — Петербурга, гдѣ такъ много толковъ о чести и такъ многіе поступаютъ безчестно.

..... Первый часъ по полуночи. Какъ не призадуматься? Я женатъ; подлѣ меня сидитъ уродъ, безъ зубовъ и безъ гроша приданаго. Удивительно! Стыдно даже и признаться, отъ чего моя молодая не милліонщица.

—

ТРИ ПОДРУГИ ЭКУЕНСКАГО ИНСТИТУТА.

Кто бывалъ въ Парижѣ, тотъ вѣрно гулялъ по берегамъ Сены и посѣщалъ Сен-Дени; по лѣвую сторону этого загороднаго предмѣстья видѣются аспидныя башни, покрытыя плющемъ стѣны и часовня замка Экуеня. Во время оно въ замкѣ этомъ часто давалъ пиры знаменитый полководецъ Монморанси, а при Наполеонѣ здѣсь основанъ былъ женскій институтъ, подъ надзоромъ директриссы г-жи Кампань. Герой девятнадцаго вѣка любилъ героевъ своего вѣка. Институтъ экуенскій учрежденъ былъ въ пользу тѣхъ наполеоновскихъ храбрецовъ, которые въ замѣну крови, пролитой ими за государя, носили на груди кресты.

Между экуенскими институтками царствовала общая дружба, безкорыстная, живая, дѣвственная, которая изглаживала совершенно память о неравенствѣ ихъ происхожденія. Всѣ эти юныя воспитанницы составляли вѣтви одного огромнаго дерева, хотя не всѣ могли гордиться знаменитыми фамиліями. Дружба дѣтей была счастливѣе соперничества о славѣ отцевъ; она не знала ни чина, ни титула. Дочь не слишкомъ чиновнаго

офицера называла сладостнымъ именемъ сестры дочь генерала; наслѣдница маршала Франціи повѣряла свои честолюбивыя надежды сиротѣ простаго солдата, убитаго въ Ваграмской битвѣ. Наполеонъ поддерживалъ и поощрялъ эту дружбу. Онъ часто ѣздилъ въ Экуенъ и ласково привѣтствовалъ всѣхъ дѣтей, безъ различія чиновъ и фамилій ихъ родителей. Онъ называлъ ихъ своими дѣтьми. А для отца не всѣ ли дѣти равны? Разговаривая съ ними, онъ всегда старался употреблять самыя нѣжныя и завлекательныя выраженія, которыя невольно потрясаютъ сердце. Напримѣръ, къ одной онъ обращался такъ: — «При переходѣ чрезъ Бернардъ вашъ папинька безмолвно и нетрогаясь съ мѣста выдерживалъ огонь непріятеля цѣлыхъ 12 часовъ. Когда я приказалъ ему удалиться съ этого основнаго поста, онъ хладнокровно отвѣчалъ мнѣ: это невозможно. я потерялъ ногу. Будьте же вы такъ добры, какъ онъ былъ храбръ.» Другой онъ говорилъ: «Поздравляю васъ, дочь моя, вашъ батюшка пожалованъ полковникомъ на мѣстѣ битвы.» Прочимъ онъ ничего не говорилъ, но прижимая ихъ къ своей груди, плакалъ вмѣстѣ съ ними.

Между всѣми этими воспитанницами, набранными изъ всѣхъ департаментовъ Франціи, болѣе всѣхъ замѣчательны были три, которыхъ взаимная привязанность такъ была велика, что ее ставили въ примѣръ даже въ институтѣ, гдѣ соревнованіе никогда не достигало предѣловъ зависти и гдѣ успѣхи однихъ составляли счастіе другихъ.

И какіе успѣхи! Канцлеръ Франціи произноситъ имена воспитанницъ, удостоенныхъ наградъ, и сама императрица возлагала на ихъ миленькія головки лавровые вѣнки. Но мы забыли сказать кто такія были три героини нашего разсказа. Имена ихъ самыя простыя: Марія, Клариса и Гортензія. Марія была дочь бѣднаго штабсъ-капитана, потерявшаго отъ пули зрѣніе во время Рейнской компаніи. Клариса была дочь одного изъ тѣхъ же генераловъ, которые обогатились войною и получили отъ Наполеона, на время, большія имѣнія и графскій титулъ. Третья подруга, Гортензія, превосходила ихъ знаменитостію своего происхожденія Неизвѣстно, были ль эти подруги лучшими ученицами г-жи Кампань, но по своимъ занятіямъ они шли такъ равно, что при раздачѣ наградъ, онѣ были увѣрены, что ихъ имена произнесетъ канцлеръ, въ числѣ другихъ воспитанницъ, удостоенныхъ лавроваго вѣнка и что онѣ всѣ три получатъ одинакую благодарность.—И въ то время, какъ толпы матерей апплодировали своимъ дочерямъ, когда руки генераловъ, покрытыхъ ранами, привѣтствовали Кларису и Гортензію, въ одномъ углу сидѣла женщина, которая не показывала и вида радости, радуясь внутренно успѣхамъ своей дочери. Вся ея радость сосредоточивалась въ ея глазахъ! Эта задумчивая и безмолвная женщина была мать Марін, жена бѣднаго штабсъ-капитана, раненаго пулею въ глазъ въ Рейнскую кампанію.

Прошло нѣсколько лѣтъ, но искренняя привязанность юныхъ подругъ неизсякала. Случилось однако жь, что дружба ихъ должна была подвергнуться жестокому испытанію, одному изъ тѣхъ горькихъ опытовъ молодой жизни, при воспоминаніи коихъ глаза покрываются густою пеленою слезъ. — Нужно было разлучиться.

Изъ трехъ подругъ остались только двѣ. Что станется съ той, которая вступаетъ въ сферу новой жизни? Что станется съ ея подругами, пока еще запертыми въ стѣнахъ института? Простите, удовольствія, радости! Прости, дѣтская безпечность! Простите, дѣвственность, невинность и стыдливость! Тамъ, за стѣнами Экуеня, вы испытаете все, все, чего вамъ и негрезилось подъ мрачными сводами замка. Съ какимъ бывало нетер-

пѣніемъ онѣ ожидали вечеромъ, когда вѣтерокъ дохнетъ изъ Парижа! Какъ онѣ, бывало, сладко упивались смолистымъ запахомъ шантильской рощи! Ахъ! много пролито слезъ въ этихъ башняхъ, за этими, обросшими плющемъ, стѣнами, подлѣ этой единственной часовни въ Экуенѣ!

Мать Маріи умерла, а отецъ ея уже старикъ слѣпой. Жизнь его течетъ однообразно и грустно. Надо усладить его старость, усыпить его болѣзни и страданія. А на комъ лежитъ эта обязанность, какъ не на дочери? И вотъ Марія, сквозь слезы, прощается съ своими подругами, прощается съ институтскою жизнію, прощается со всѣмъ, что для нея было дорого въ этихъ заповѣдныхъ стѣнамъ.

— Обѣщайтесь мнѣ, сказала своимъ подругамъ Клариса, оставлявшая также въ скоромъ времени институтъ, обѣщайтесь и поклянитесь мнѣ, что вступивъ на сцену свѣта, чтобы ни случилось съ вами въ жизни, вы непремѣнно сойдетесь у Тюльерійской рѣшотки черезъ десять лѣтъ, считая отъ сегодня.

— Да, вскричала Гортензія, клянусь тебѣ, Клариса, клянусь тебѣ, Марія; черезъ черезъ десять лѣтъ я буду у Тюльерійской рѣшотки. Ты будешь тамъ, Марія?

— И ты сомнѣваешься, Гортензія? И ты сомнѣваешься, Кларисса?

— Жоржъ, сказала Гортензія садовнику, рывшемуся въ цвѣтахъ не подалеку отъ нихъ, будь свидѣтелемъ нашей клятвы. Я, Кларисса и Марія клянемся, черезъ десять лѣтъ, въ этотъ день и часъ сойтись у тюльерійской рѣшотки.

Марія оставила Экуень. Три мѣсяца спустя то же сдѣлала и Кларисса и въ добавокъ вышла замужъ. Не прошло и года послѣ замужества Клариссы, а ужъ за Гортензіею прислана была карета. Воспитаніе ея кончилось, хотя г-жа Кампань и поговаривала иногда со вздохомъ, что надо бы еще съ годикъ поучиться ей рукодѣлью.

Десять лѣтъ! Бездѣлица!... Разумѣется; ихъ и не замѣтишь, какъ они пролетятъ, особенно при жизни счастливой и богатой. Вотъ, на примѣръ, Кларисса. что ей значатъ десять лѣтъ? Она такъ счастлива? Про нее говорили многое. Мы намекнули объ этомъ не безъ основанія. О такъ стремительно бросилась въ свѣтъ за своимъ мужемъ, однимъ изъ богатѣйшихъ банкировъ Европы, что скоро потеряла совсѣмъ изъ виду своихъ подругъ.

Десять лѣтъ составляютъ одинъ день въ жизни богатой и хорошенькой женщины. Что жъ они значатъ для такой знаменитой дамы, какова была Гортензія. У нея было нѣчто подрагоценнѣе золота, у нея былъ высокій титулъ; съ нимъ она ничего не видѣла выше себя.

Что до бѣдной Маріи, то у нея не было ни экипажа, не великолѣпнаго дворца, какъ у Клариссы и Гортензіи. Ей оставалось только утѣшать своего престарѣлаго отца и выводить его на солнце. Вы, быть можетъ, не знаете, какъ любятъ солнце тѣ, которые не могутъ его видѣть!

Наконецъ прошло восемь лѣтъ, вотъ ужь и девять, на исходѣ и десятый годъ, наступаетъ и условленный день! Три Экуенскія подруги обѣщались въ этотъ день видѣться у Тюльерійской рѣшотки, какія бы ни случились съ ними перемѣны въ жизни!

День этотъ приходился въ воскресенье; время было осенне; Тюльерійскій садъ позлащался листьями, начинавшими уже желтѣть. Все было по прежнему; все, какъ всегда, за рѣшоткою виднѣлись красивыя деревья, за деревьями статуи, между деревьями и статуями фонтаны, по лѣвую сторону дворецъ, а въ самой глубинѣ сада позлащенный куполъ дома инвалидовъ. Станемъ здѣсь у рѣшотки и подождемъ. Условленный часъ насталъ.

Шесть часовъ безъ десяти минутъ.... никого нѣтъ! Безъ пяти минутъ... Никого, рѣшительно никого! Дружба и лю-

бовь—прости! остается минута... 2 секунды... Ровно шесть!..

Подъѣхала карета съ позолоченными колесами, запряженная четвернею англійскихъ лошадей. Выходитъ очень молоденькая женщина и озирается во всѣ стороны. Какъ она роскошно и пышно одѣта! У рѣшотки толкается молодежь, чтобы полюбоваться ею. Дама эта, Марія, бѣдная Марія, дочь слѣпца штабсъ-капитана. Какимъ же образомъ она богата? А вотъ какимъ:

Имперія рушилась; новое правительство возвратило Маріи все состояніе ея родителей, котораго революція лишила ихъ. Мы уже, кажется, говорили, что десять лѣтъ проходятъ быстро. Да; а въ десять лѣтъ великолѣпная и громкая имперія Наполеона пала!... И пала такъ, какъ можетъ падать высокое до смѣшнаго... навсегда!

Марія все еще осматривается кругомъ. Является новая дама, закрытая черной вуалью, одѣтая очень просто; она пренизко кланяется Маріи, и дрожа всѣми членами съ нерѣшительностію бросается въ ея объятія. Марія обнимаетъ Клариссу.

Богатая Кларисса, генеральская дочь-на, разорилась, и давнымъ давно. Мужъ ея обанкрутится и уѣхалъ въ чужіе краи.

— Ты мнѣ разскажешь исторію своей десятилѣтней жизни у меня въ гостиной, сказала своей подругѣ Марія. Ты меня болѣе не оставишь; не правда ли? О, будь опять моимъ другомъ. Я была бѣдна въ Экуенѣ, а ты меня любила. Теперь я богата въ свою очередь, не будь же, смотри, гордѣе меня. Нѣтъ, нѣтъ, я знаю тебя, другъ. Мы съ тобой снова заживемъ по институтски.

И Марія потащила за собою Клариссу къ каретѣ; вдругъ они остановились, взглянули другъ на друга и обѣ почти въ одинъ голосъ вскричали:

— А Гортензія?

— А Гортензія?

— Ты знаешь, чѣмъ она была? сказала одна со вздохомъ.

— Ты знаешь, что она теперь? прибавила другая, утирая слезы.

Въ продолженіе десяти лѣтъ, бѣдная Марія разбогатѣла, богатая Кларисса нуждалась въ самомъ необходимомъ, а несчастная Гортензія осуждена на вѣчное изгнаніе...

— Не зовутъ ли васъ Маріею? а васъ Клариссою? спросилъ нашихъ дамъ садовникъ Жоржъ, свидѣтель клятвы трехъ институтокъ въ Экуенскомъ саду.

— Это вамъ, а это вамъ, сказалъ онъ, подавая каждой по ящичку и мгновенно скрылся.

Подруги открыли ящички и вынули оттуда двѣ половинки короны Гортензіи, бывшей королевы Голландской, невѣстки Наполеона.

—

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАРОДНЫХЪ КОМЕДІЯХЪ.

С. П. Глинки.

«Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Французскіе, англійскіе писатели могутъ обойтись безъ нашей похвалы, но русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе русскихъ».

(*Н. Карамзинъ*).

Давно сказано, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ; и сказано справедливо. Выдумайте, что хотите; вѣка прошедшіе откликнутся: «и у насъ это было, и мы это видѣли!» А паровозы? И объ этомъ давнымъ давно разлетѣлась *быль* или *сказка*, будто бы какой то скиѳъ *Абарисъ* летаетъ на стрѣлѣ по поднебесью. Если летаетъ, то ужъ вѣрно необходилось безъ дыма, который играетъ теперь такое блистательное лицо и на сушѣ, и на волнахъ океана. Извѣстно также, что еще 1796 года, когда генералъ Бонапартъ гремѣлъ въ Италіи, кто-то вызывался устроить пароходъ но

тогда юный герой, оглашая перунами побѣдными и грозныя вертепы *Альповъ*, и высоты *Апениновъ*, пропустилъ мимо ушей предложеніе о лымномъ плаваніи. И такъ, и теперь можно сказать съ *Н. М. Карамзинымъ*:

«Ничто не ново подъ луною».

Но дѣло не о томъ, рѣчь будетъ просто—*о народныхъ комедіяхъ*. Послѣ нашего двѣнадцатаго года, часъ отъ часу болѣе стали, говоря словами древняго *Баяна*, «свивать обѣ полы времени;» то есть, сливать минувшее съ настоящимъ и въ это настоящее зазывать и переселять въ различныхъ объемахъ весь бытъ русской завѣтной старины. Милости просимъ! мысль прекрасная—освѣжать прошедшимъ застой новаго. Ноги требуютъ движенія и умъ не охотникъ засиживаться сидѣмъ. И такъ съ нашего двѣнадцатаго года, у насъ часъ отъ часу болѣе появляются народныя драмы и комедіи. Но знаете ли, когда о народныхъ драмахъ и комедіяхъ проявилась первая мысль? Въ-семнадцатомъ столѣтіи. А кто первый предъявилъ ее?

Старшій *Бальзакъ*, который, если вѣрить упадку пера юнаго *Бальзака*, переживетъ своего потомка. Предложу подлинный переводъ съ статьи *Бальзака* семнадцатаго вѣка. Кажется, она вчера только написана. Вотъ она:

«У насъ доселѣ смѣшивали два различные *свойства* * въ комедіи и оттого подражаніе и очерки жизни частной перепутались и разбрелись, какъ будто въ потемкахъ и спросонья.

«Требуютъ портретовъ для прикрасы, а не для сходства. Нужно ли представить *бытъ деревенскій*,—что же *съ нимъ дѣлаютъ? Его* вырываютъ изъ самородности его; вытягиваютъ на какую-то стать щеголеватую и затѣсняютъ подъ личину образованности. Наши хижины превращаются въ дворцы; наши поля, луга и долины превращаются въ *Тюльери*.

— Да! наши придворные поэты и тутъ уцѣпились за погремушки и приторность лести; простодушныхъ крестьянокъ превратили они въ парижскихъ модныхъ щеголихъ; вмѣсто полевыхъ цвѣтовъ, набросали на нихъ кучи мишурнаго блеска. Вотъ отъ чего въ большей части нашихъ вымысловъ драматическихъ *обезьянство*, а *не природа*. Въ нихъ нѣтъ ничего безпримѣснаго, ничего самороднаго; въ нихъ люди искуственные, страсти поддѣльныя, дѣйствія искаженныя. Словомъ, еще повторяю, наша ходульная поэзія, окутавшись цѣпями лести и спѣси, отталкнула отъ себя природу и отняла у сердца — чувство, а у души — голосъ.

— Я увѣренъ что умный *Лелій* съ презрительною улыбкою взглянулъ бы на такое чудовище; а другъ его *Сципіонъ*, безстрашный на полѣ битвъ, ужаснулся бы при видѣ такого уродливаго призрака. Эти добрые римляне знали природу и все, что ее выказываетъ и высказываетъ. Здравый, свѣтлый ихъ умъ, нетерпѣлъ напыщеннаго самодурья тамъ, гдѣ голосъ души и сердца краснорѣчивѣе всѣхъ оборотней искусства. Не думали ни *Лелій*, ни *Сципіонъ*, будто бы умъ отдалъ себя въ наймы однимъ *рыцарямъ* и *патриціямъ*. Они убѣждены были, что здравый смыслъ сродняется и съ плугомъ, и съ сохою.

— Разсуждая о поэтахъ, *Вароиъ* приписываетъ *величіе Пакервію*, а *посредственность Теренцію*. Но онъ отнюдь не предпочитаетъ одно другому. Онъ только этимъ примѣромъ указываетъ на различіе слога *трагическаго* отъ слога *комическаго*. Ему и въ мысль не приходило, будто на театрѣ великанъ лучше карлика; онъ хотѣлъ только доказать, гдѣ сердце выражаетъ чувство, а умъ—истину. *Вароиъ* говорилъ, что есть посредственность ясная, золотая, блести-

* La Vérite n'est sujette ni à la vieillesse ni à la mort: elle doit durer plus que le temps; elle se conservera dans les ruines du monde.

щая и прелестная сама собою, уважаемая древностію и такъ очаровательно дышущая въ произведеніяхъ *Теренція* *.

«*Наши музы*, сказалъ одинъ древній писатель: *всегда прелестны; но онѣ не всегда звучатъ въ трубу о побѣдѣ Зевеса надъ титанами; красота мила; а потому музы и дорожатъ прелестію живою, естественною. Вдыхая въ лириковъ порывы стремительные, онѣ любятъ посѣщать луга и долины, гдѣ все дышетъ сельскимъ, сердечнымъ весельемъ. Онѣ не превращаютъ Сильвію въ Семирамиду, и не подавляютъ простоту пышностію. Наряжая Венеру, Музы облекаются завѣсою скромности.*

— Искусство тогда только подлинное искусство, тогда уловляетъ всѣ быстрыя внезапности, когда то дышетъ бурею, то лелѣетъ сердце тишиною; когда въ дѣйствующихъ лицахъ забываютъ *актеровъ* и когда театръ живой свѣтъ, а не обстановка *кулисная*. Напрасно сочинители комедій и драмъ вабиваются въ учители и умничаютъ. «Театръ не каѳедра ученыхъ. Говорите душѣ — и душа откликнется».

Въ статьѣ *Кони* «о московскомъ театрѣ при *Медоксѣ*», сказано было, что Медоксъ намѣренъ былъ учредить въ полномъ смыслѣ—*народный театръ*. Прибавлю, что для этого приготовлены были и нѣсколько представленій, заимствованныя изъ русскихъ сказокъ, повѣрій и изъ нашего быта историческаго. Но должно прибавить, что эта мысль первоначально принадлежала Екатеринѣ второй и что Она всю жизнь народа русскаго старалась осуществить въ драматическихъ произведеніяхъ пера своего. Она первая, въ драмахъ своихъ *Рюрикѣ* и *Олегѣ*, открыла поприще *Шекспировское*; Она первая смѣлою рукою расторгла цѣпи, которыми оковывали драматическихъ писателей три единства школы *Аристотелевой*. По предчувствію нашего двѣнадцатаго года, или единственно изъ страстной любви къ Россіи, но русская писательница Екатерина въ исходѣ осьмнадцатаго столѣтія, когда разгромъ старинной Франціи поколебалъ вѣковой бытъ областей европейскихъ, она изъ двей минувшихъ вызывала весь бытъ земли русской. Она засвѣтила полъ отечественымъ нашимъ небосклономъ зарю новой, самобытной русской словесности. Это Ея *вѣнецъ*.

А еслибъ я писалъ о *наказѣ* Екатерины второй, тогда бы могъ показать еще блистательнѣйшій Ея вѣвокъ и для Россіи, и для человѣчества. Но говоря здѣсь мимоходомъ о беасмертномъ этомъ твореніи, скажу только, что къ нему вполнѣ можно примѣнить слѣдующія слова *Наполеона*: «Les hommes sont trop impuissants pour assurer l'avenir, les institions seules fixent les destinées des nations».

Обращаясь къ *Бальзаку*, я предложу еще одно замѣчаніе, сдѣланное имъ *въ семнадцатомъ* столѣтіи, и такъ разительно осуществившееся во Франціи въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, что по неволѣ скажешь съ *Лейбницемъ*: «въ настоящемъ, зародышъ будущаго.»

Вотъ это замѣчаніе.

— Ужели, говоритъ *Бальзакъ*, въ царствованіе Людовика XIV, вы вызовете изъ могилъ какіе нибудь призраки временъ Франциска перваго и выведете на театръ *Клемана Маро* съ дикимъ его нарѣчіемъ? — Это сбылось. *Викторъ Гюго* въ драмѣ своей. Le Roi s'amuse, не только какое нибудь частное лицо, но самаго вывелъ на театръ Франциска перваго и балагура *Клемана Маро* и весь шутовской содомъ двора. Но утвердится ли новый родъ драмъ на поприщѣ французской словесности? Не знаю. Знаю только, что въ нашъ вѣкъ съ быстротою молніи пролетаютъ и улетаютъ и политическія событія и слава поэзіи и прозы. Живо еще помню, когда въ веснѣ лѣтъ моихъ, то есть 1796 году, въ первой разъ въ московскомъ благородномъ собра-

* Il y a une médiocrite toute d'or, toute pure et toute brillante.

ніи встрѣтилъ я въ кругу тогдашнихъ литераторовъ Василія Львовича *Пушкина*, бывшаго въ числѣ законодателей вкуса. Вотъ его слова: «мы должны дарить такимъ же вѣнкомъ Дмитріева *Голубка*, какимъ даримъ *Россіяду* Хераскова.» Но гдѣ теперь и *Голубокъ* и *Россіяда*?

Давно ли князь П. А *Вяземскій*, такими блистательными пальмами увѣнчалъ *Фингала* Озерова и такимъ живымъ словомъ выразилъ оссіановскую его поэзію, переселенную въ русское слово? А часто ли теперь *Фингалъ* является на театрѣ? Было время, когда Императрица Елисавета Петровна и весь ея дворъ плакали надъ трагедіями А. П. *Сумарокова*, а теперь его же повторимъ стихи:

«Время проходитъ,
Время летитъ,
Время проводитъ
Все, что ни льститъ!»

Давно ли жилъ Я. Б. *Княжнинъ*? А гдѣ его и трагедіи, и комедіи, и оперы? Давно ли, при представленіи моей драмы—*Мининъ*, отъ громкихъ рукоплесканій дражали стѣны *Арбатскаго* театра? Но и Арбатскій театръ исчезъ въ 1812 году, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло и все мое драматическое. Это ничего. На все время и все на время. Но вотъ, что важнѣе. Давно ли исторію Н. М. Карамзина возводили на чреду *Тацита*; а теперь куда ее засылаютъ? Въ область *романовъ*!!! Давно ли всѣ восхищались *Онѣгинымъ* и со всѣхъ сторонъ набрасывали на него вѣнки *байроновскіе*? А теперь на много ли лѣтъ даютъ ему жизни? И я напечаталъ при *Пушкинѣ*:

«Что твой Онѣгинъ? онъ лѣтописецъ
Нашихъ безцвѣтныхъ, безжизненныхъ дней».

Онъ прочиталъ и сказалъ: *это правда*. Вините не А. С. Пушкина; вините тотъ свѣтъ, изъ котораго вышелъ *Онѣгинъ* и о которомъ Фернейскій поэтъ давно сказалъ:

«Le tourbillon que l'on nomme le monde,
En tant d'erreurs abonde
Qu'il n'est permis d'en aimer le fracas
Qu'á l'étourdi qui ne le connait pas».

Въ нашей драматической словесности отринутъ и брошенъ прежній размѣръ стиховъ: но кто поручится, что и новый размѣръ стиховъ будетъ долговѣчнѣе прежняго? Говорятъ: будто надобно только писать для существующихъ *актеровъ*, чтобы пожинать пальмы успѣховъ и возбуждать громкія рукоплесканія. Не могу объ этомъ судить, небывъ никогда въ театрѣ послѣ того великаго спектакля, который 1812 года разыгрывался въ громѣ батарей и, какъ сказалъ Ѳ. А. *Кони*: «въ порфирѣ московскаго пожара.» Не вхожу въ разсужденіе о цѣли нынѣшнихъ драмъ, но всѣмъ извѣстно, что *Шекспиръ* писалъ, какъ будто не заботясь ни о современникахъ, ни о потомствѣ, и цѣлые вѣки не только не вырвали ни одного листка изъ вѣнка чудеснаго этого поэта, но послѣ всѣхъ нападковъ на него Аристотельскаго *классицизма*, онъ явился въ новой жизни, въ новой славѣ. А отъ чего? Отъ того, что всѣ его произведенія дышатъ общею жизнію человѣчества. Н. И. *Гречъ* нѣкогда сказалъ, что онъ жалѣетъ, что И. А. *Крыловъ* не стихами написалъ комедіи свои: *Модная ловкая* и *Урокъ дочкамъ*. Не счетъ слоговъ, а слова души, сердца и мысли даютъ жизнь родному слову и доказываютъ, что отечественный языкъ—двигатель народнаго духа. Изображайте и выражайте живымъ отечественнымъ словомъ стремленіе народнаго духа въ какихъ бы то ни было родахъ русской словесности и, не взирая ни на какія измѣненія *модъ* и *вкуса*, голосъ вашъ громко откликнется и въ потомствѣ.

ТЕКУЩІЙ

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 8. 1841.

РАЗДАЕТСЯ

ПРИ

ПАНТЕОНѢ

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

Актеръ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. *Соч. Н. А. Перепельскаго.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Іюня 2 дня, 1842 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМ.

АКТЕРЪ.

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Соч. Ю. А. Перепельскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кочергинъ, саратовскій помѣщикъ.
Лидія, дочь его.
Сухожиловъ, чиновникъ, женихъ Лидіи.
Стружкинъ, актеръ.
Слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ.

Театръ представляетъ комнату въ квартирѣ Кочергина. Три двери: на право въ билліардную, на лѣво въ комнату Лидіи; на срединѣ выходная.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сухожиловъ и Кочергинъ, съ кіемъ выходитъ изъ билліардной.

Кочергинъ. Ха! ха! ха! Какъ я васъ славно обыгралъ! Удивительная партія... И какъ мнѣ задалось—что ударъ, то либо въ среднюю блузу, либо дублетъ въ угольную... Я надѣюсь, вы не сердитесь, что я вамъ задалъ сухую партію... что не далъ ни одного очка сдѣлать...

Сухожиловъ. О, помилуйте, за что сердиться... на то игра; нельзя обоимъ вдругъ выиграть.

Кочергинъ. Истинная правда... вотъ я ужъ тридцать лѣтъ играю на билліардѣ, а никогда не замѣчалъ, чтобъ вдругъ оба выиграли... Такъ ужъ странно, какъ-то сочинены игры... Такъ вы не сердитесь за сухую партію?

Сухожиловъ. Нѣтъ; мнѣ остается только удивляться вашему искусству.

Кочергинъ. Да, отъ этой сухой партіи у меня и теперь лобъ мокрый... Вотъ посмотрѣли-бы вы меня въ прежніе годы, какъ я игралъ на билліардѣ!

Когда мнѣ было 20-ть лѣтъ —
Игралъ тогда я бойко, славно!
Со мной, бывало, сладу нѣтъ:
Всѣхъ обыграю преисправно!
Хоть на три тысячи изволь —
Вовѣкъ не праздновалъ я трусу:
Я славно дѣлалъ карамболь
И попадалъ отлично въ блузу!

Теперь совсѣмъ не то... меня узнать нельзя... я сталъ и старъ, и слѣпъ, и слабъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Лидія.

Лидія. Ахъ! Валерьянъ Андреичъ!

Сухожиловъ. Лидія Степановна! Здравствуйте! Кажется, цѣлый вѣкъ не видалъ... позвольте поцѣловать вашу ручку!

Лидія. Здоровы-ли вы?

Сухожиловъ. Здоровъ; но сердце у меня страдаетъ... матушка, кажется, на цѣлый вѣкъ замедлила нашу свадьбу... однакожъ, наконецъ...

Кочергинъ. Ну, что наконецъ?

Сухожиловъ. Она ужъ ѣдетъ... вотъ письмо прислала... что это за добродѣтельная женщина! Вы ее узнаете и съ ней не разстанетесь... Она напередъ дала свое согласіе на бракъ мой съ вашею дочерью... какъ она на меня надѣется... какъ любитъ меня! Послушайте, вотъ конецъ ея письма; волосы дыбомъ подымаются! (*Вынимаетъ письмо и читаетъ*). «Прощай, безцѣнный Валерынька,»—безцѣнный!—«Я скоро буду... прощай, сердце мое; береги свое здоровье, одѣвайся потеплѣй и будь добродѣтеленъ!» Будь добродѣтеленъ!.. Такое выраженіе можетъ изобрѣсть только материнская нѣжность.

Кочергинъ. Вотъ, сударь мой, скоро матушка ваша будетъ... Такъ, значитъ, по ожиданіи всерадостнаго пріѣзда, чтобъ незамѣтнѣе время прошло — мы теперь и сыграемъ еще партійку...

Сухожиловъ. Нѣкогда... я заѣхалъ только повидаться съ Лидіей Степановной. Вы и то меня задержали...

Кочергинъ. Эхъ! А я было только кій подпилилъ... такъ-бы и срѣзалъ желтаго въ срединю... Вѣдь вы берете у меня дочь, послѣднее мое утѣшеніе... можно-бы, кажется, за это партію другую сыграть... мнѣ вѣдь будетъ скучно...

Сухожиловъ. Скучно, позвольте! Вы говорите, что вамъ будетъ скучно? Мы найдемъ вамъ развлеченіе... Ахъ, позвольте... у меня есть чудесный знакомый, который вѣрно умѣетъ играть на билліардѣ...

Кочергинъ. Ну... такъ что-же?

Сухожиловъ. Я приведу къ вамъ славнаго малаго... онъ насмѣшитъ васъ и обыграетъ...

Кочергинъ. Обыграетъ? А кто онъ такой?

Сухожиловъ. Актеръ.

Кочергинъ. Ха, ха, ха! Актеръ. Слышишь, Лидія, къ намъ хотятъ привести актера...

Сухожиловъ. Лихая голова!.. только успѣвай смѣяться: вретъ, какъ трещетка!

Кочергинъ. Все это хорошо, но... (*беретъ его за руку*). Хотите, впередъ дамъ двадцать очковъ.

Сухожиловъ. Прощайте, иду за Стружкинымъ... сейчасъ-же приведу... онъ говорилъ, что куда-то отозванъ; ну, да не великъ баринъ, въ другой разъ туда сходитъ.

Кочергинъ. Я очень радъ буду!.. Люблю посмѣяться... ха, ха! и поиграть на билліардѣ! Актеръ... помнишь, Лидія, когда мы жили въ Саратовѣ и зазвали какого-то заѣзжаго штукаря... такія колѣнцы выкидывалъ, что чудо!.. А это столичный: должно быть еще лучше... ха, ха!

Сухожиловъ. Прощайте-же. (*Подаетъ ему руку*).

Кочергинъ. Ахъ, кіекъ-то хорошъ! Двадцать пять впередъ дамъ, сыграемъ; и выставку дамъ!

Сухожиловъ. Прощайте, Лидія Степановна... мы скоро увидимся.

Кочергинъ, (*вслѣдъ уходящему Сухожилову*). Валерьянъ Андреичъ! Двадцать пять и всѣ ваши промахи не въ счетъ! Время терпитъ: сыграемъ.

(*Сухожиловъ уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ Сухожилова.

Кочергинъ. Экой торопыга! А мочи нѣтъ хочется кій попробовать... Ну, да Богъ съ нимъ, за то онъ приведетъ намъ Стружкина... посмѣшитъ насъ!

Лидія. Отчего вы думаете, папенька, что онъ долженъ быть непремѣнно смѣшонъ?

Кочергинъ. Ха, ха, ха! Вѣдь это его занятіе.

Лидія. Въ театрѣ, а не въ гостяхъ.

Кочергинъ. Все равно... Еще-бы онъ сталъ серьозныя рожи корчить... Да тогда-бы его никто въ домъ-то непустилъ... Ну, объ немъ послѣ, а теперь, скажи-ка мнѣ откровенно, довольна-ли ты женихомъ, котораго я тебѣ пріискалъ?

Лидія. Очень довольна; лучше этой партіи я не желала.

Кочергинъ. Постой, постой... Вишь-ты очень торопліва. 59-ть еще не партія! Вотъ какъ васъ обвѣнчаютъ, да на другой день поздравятъ съ добрымъ утромъ, вотъ тогда ты партію-то съ нимъ съ удару кончишь. Жаль, умерла моя покойница; она-бы научила тебя, какъ жить съ мужемъ. Я не могу дать тебѣ наставленій; а, пожалуй, разскажу, какъ со мной жила моя жена; можетъ быть тебѣ понравится и ты послѣдуешь ея примѣру.

Два мѣсяца мы жили очень мирно,
На третій, вдругъ вздурилася жена.
Вскочивши, я скомандовалъ ей «*смирно!*»
Тарелкой въ лобъ пустила мнѣ она.
И съ той поры не становилась тише;
Все на меня сердилась ночь и день
И ужъ къ себѣ не подпускала ближе
Какъ на одну печатную сажень.
Мнѣ это страхъ какъ было нездорово,
День ото дня ставало тяжелѣй —
И наконецъ, чтобъ сблизиться съ ней снова,
Былъ принужденъ я покориться ей.
Такъ шли дѣла; въ два мѣсяца, недальше,
Покорнымъ быть я ей во всемъ привыкъ...
Она себѣ жить стала генеральшей,
А я у ней былъ точно какъ денщикъ!

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Сухожиловъ и Стружкинъ.

Кочергинъ. А! а! Шумъ! Видно пріѣхали... ну, слава Богу... теперь мы не умремъ со скуки...

Сухожиловъ. Вотъ, рекомендую вамъ моего пріятеля Ореста Петровича Стружкина.

Кочергинъ. Очень пріятно... очень пріятно...

Стружкинъ. Валерьянъ сказалъ мнѣ, что вы хотѣли со мной познакомиться: благодарю васъ за честь.

Кочергинъ. И я благодарю, чудесно! (*въ сторону*). Сейчасъ видно сокола по полету!

Сухожиловъ (*Стружкину*). А вотъ рекомендую тебѣ мою невѣсту... Лидія Степановна...

Стружкинъ. Очень радъ, сударыня, за моего пріятеля: Богъ надѣляетъ его прекрасной женой.

Лидія. Вы мнѣ льстите...

Стружкинъ. А скоро будетъ свадьба?

Кочергинъ. А вамъ на что? ха, ха, ха! Сострить?

Сухожиловъ. Да вотъ, какъ скоро пріѣдетъ матушка; ты знаешь, что она скоро обѣщала быть... однако я иду... надо оканчивать дѣла.

Лидія. Пойдемте, я покажу вамъ мою работу... (*Сухожиловъ и Лидія уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Стружкинъ и Кочергинъ.

Стружкинъ. Вы, я думаю, съ нетерпѣніемъ ожидаете матушки Сухожилова, чтобъ кончить дѣло. Хорошая она женщина?..

Кочергинъ. А кто ее знаетъ. Я ее съ роду не видалъ... должно быть, хорошая. Ну, да что о такихъ пустякахъ толковать; лучше-бы что нибудь повеселѣе...

Стружкинъ. А, вы любитель веселаго... веселое нынче въ свѣтѣ очень рѣдко; все избилось, истаскалось; что было прежде геніально—теперь только что сносно; что было забавно—теперь никуда не годится... легче достать птичьяго молока, чѣмъ настоящаго, неподѣльнаго веселья, если его нѣтъ въ самомъ характерѣ человѣка...

Кочергинъ. Ха, ха, ха! Какъ вы сказали, почтеннѣйшій?.. Птичьяго молока! Славно, ха, ха!

Стружкинъ. Что вы говорите?

Кочергинъ. Чѣмъ вы занимаетесь теперь; то есть, что подѣлываете?

Стружкинъ. Мои занятія, я думаю, вамъ извѣстны... поутру роли, потомъ репетиціи, потомъ спектакль, а потомъ опять роли и опять репетиціи и опять спектакль...

Кочергинъ (въ сторону). Ха, ха, ха! Вотъ ужъ началъ, началъ; такъ у него и выливается!..

Стружкинъ (въ сторону). Что онъ все смѣется и смотритъ на меня, какъ на звѣря!

Кочергинъ. Какъ это вы попали, любезнѣйшій, въ такую должность?

Стружкинъ. Любовь къ театру заставила меня посвятить себя благородному званію артиста.

Кочергинъ. Ха, ха, ха! Да съ нами не умрешь со скуки. Ха, ха!

Стружкинъ. Что такое?

Кочергинъ. Ну, любезнѣйшій, благородному званію...

Стружкинъ. Я горячо полюбилъ театръ и сталъ ревностно изучать образцы.

Кочергинъ (смѣется). Оно такъ и надо, конечно, всякой молодецъ на свой образецъ!

Стружкинъ (особо). Онъ не перестаетъ смѣяться; чтобъ это значило... ужъ нѣтъ-ли тутъ чего?

Кочергинъ. И надо признаться, что вы собаку съѣли въ своемъ ремеслѣ!

Стружкинъ. Искусствѣ, а не ремеслѣ!

Кочергинъ. Ха, ха! Все равно... искусствѣ... славно, славно... какъ вы вошли, я чуть-чуть не фыркнулъ...

Стружкинъ, (вскакивая). Что такое?

Кочергинъ. Ха, ха, ха! Какую вы серьозную рожу скорчили... браво! ха, ха!

Стружкинъ. Что... чуть не фыркнулъ?.. Такъ я васъ насмѣшилъ...

Кочергинъ. Да какъ-же, любезнѣйшій; вы и теперь смѣшите, ха, ха, ха! Да полноте притворяться? Право, другой подумаетъ, что вы въ самомъ дѣлѣ разсердились!

Стружкинъ. Вы ошибаетесь... я вовсе не думалъ васъ смѣшить... я не шутъ, государь мой, артистъ... это такая разница, какъ небо и земля!.. Шутомъ можетъ быть всякой дуракъ... а артистомъ только человѣкъ съ дарованіемъ...

Кочергинъ. Ха, ха, ха! Ну, не даромъ-же мнѣ Валерьянъ Андреичъ сказалъ, что вы меня распотѣшите... ха, ха!

Стружкинъ. Какъ? Такъ это вамъ сказалъ Валерьянъ Андреичъ? Онъ для того меня познакомилъ?

Кочергинъ. Ха, ха, ха!

Стружкинъ. Сдѣлайте одолженіе, перестаньте смѣяться!

Кочергинъ. Нечего сказать; я этого не ожидалъ... Вы мастеръ своего дѣла... благодарю, благодарю... навѣщайте насъ,

пожалуйста, почаще... люблю посмѣяться! ха, ха!

Стружкинъ. Теперь я все понимаю! Такъ вы-меня за тѣмъ пригласили, чтобъ я смѣшилъ, потѣшалъ васъ... И это сдѣлалъ человѣкъ, котораго я считалъ другомъ! Вы приняли меня за уличнаго паяццо, за фигляра?

И вотъ какъ у насъ понимаютъ искусство!
Вотъ какъ на жрецовъ его люди глядятъ:
Ты тратишь и силы и душу и чувства,—
За то тебя именемъ шута клеймятъ!
Талантъ твой считаютъ за ложь и обманы;
Понять его,—выше ихъ силъ и ума.
Имъ нѣтъ въ немъ святыни; для нихъ шарлатаны,
И Гаррикъ, и Кинъ, и Лекень, и Тальма!

Кочергинъ. Очень хорошо!.. Удивительно! Вотъ у насъ каждый день шарманщикъ останавливается... собачки у него пляшутъ въ фартукахъ... и самъ, каналья, танцуетъ... да нѣтъ! Все не то! Я еще никогда такъ не смѣялся, какъ сегодня... какъ на васъ взгляну... ха, ха, ха, ха?

Стружкинъ. Нѣтъ, это выше силъ! Говорятъ вамъ, я не затѣмъ явился сюда. Этотъ Валерьянъ, этотъ повѣса, солгалъ вамъ. Я же его проучу... я покажу ему, что значитъ актеръ... я отплачу ему за его похвальную рекомендацію... (*Уходя*) Мое почтеніе.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кочергинъ. Куда-же вы... вотъ-бы мы партійку сыграли... Ну молодецъ!.. Да что онъ, вправду, что-ли разсердился? Ха! ха! ха! Какъ-бы то нибыло, а потѣшилъ... жаль, если онъ не придетъ опять... у него и голосъ двѣ капли воды на шарманку походитъ. А если еще онъ можетъ усовершенствоваться,—такъ надо ожидать, что подъ потолокъ будетъ подскакивать... только странно, за что онъ разсердился?.. Не находитъ-ли на него дурь? Спрошу ужо у Валерьяна Андреича... а теперь... эхъ, скучно стало!.. Такъ славно удалось кій подпилить, можно-бы съ удару партію кончить...

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кочергинъ и г-жа Сухожилова.

Сухожилова. Эко неопрятство какое, Господи Боже мой: въ прихожей ни одного холопа нѣтъ... Чай всѣ по заведеніямъ разбѣжались...

Кочергинъ. А? Откуда вы! Вамъ кого нибудь угодно?

Сухожилова. Вѣстимо, не даромъ пришла... ахъ!.. дай Богъ память, фамилія, эдакъ... на помело либо на ухватъ похожа...

Кочергинъ. Что такое?

Сухожилова. Да, да вспомнила... кочерга... Гдѣ мнѣ найти г. Кочергина?

Кочергинъ. Ха, ха! Да чего спрашиваете, вѣдь я-то и есть Кочергинъ; а вы то ужъ не Аксинья-ли Дмитревна Сухожилова?

Сухожилова. Статочное дѣло, сударикъ...

Кочергинъ. Ахъ, такъ вы-то и есть... ха, ха! Здравствуйте, матушка Аксинья Дмитревна... ужъ какъ мы васъ ждали-то... позвольте поздороваться. (*Цѣлуетъ ея руку*).

Сухожилова. Ждали... что-же мнѣ, сломя голову скакать прикажете... растрясти стариковскія кости... Я же, отецъ мой, люблю экономію, не по вашему... велѣла въ домашнюю колымагу запречь въ корень пѣгашку, а сивку на пристяжку,—да и въ Питеръ; вотъ отъ того и долго... Что это у тебя за палка въ рукѣ? Дворню, что-ли, муштруешь?.. не ловко, не ловко... вотъ у меня плетка сдѣлана... такъ ужъ больно сподручно.

Кочергинъ. Нѣтъ, это кій, матушка, для игранія на билліардѣ...

Сухожилова. Въ первый разъ слышу... однако, нѣкогда толковать о белендрясахъ; ты мнѣ лучше скажи, какъ вы тутъ сынишку-то моего просватали?..

Кочергинъ. Все послѣ узнаете, матушка Аксинья Дмитревна; а теперь не угодно-ли сперва закусить, да отдохнуть съ дороги.

Сухожилова. Что? Отдохнуть... вишь, выдумщикъ какой. Ужъ не умыслы-ли какіе? нѣтъ, не дамся въ обманъ... проучили меня, батюшка, ужъ довольно!.. Чтобъ я стала закусывать... когда мое дѣтище обманываютъ; нѣтъ, закуской меня не купишь... кусокъ въ горло не пойдетъ.

Кочергинъ (въ сторону). Ну, съ ней кажется придется языкъ закусить! (*ей*) Помилуйте, чего вы сердитесь...

Сухожилова. Нечего батюшка, подласчиваться то... нечего бобы разводить... говори, что ты даешь за своей дочкой-то?.. коли хорошо — ладно; а нѣтъ такъ вѣдь у меня не долго... и простимся какъ разъ...

Кочергинъ (въ сторону). Эге! какая задорная!

Сухожилова. Давай-же росписаніе-то.

Кочергинъ. Еще не готово, а что поважнѣе, то я такъ скажу, если вамъ хочется.

Сухожилова. Ну, говори; да не криви душой: узнаю всю подноготную... отъ вѣнца оторву, если надуешь...

Кочергинъ. Помилуйте... во первыхъ, я даю за дочерью двадцать пять душъ не заложенныхъ мужеска пола, въ Саратовской губерніи...

Сухожилова. Что? 25 душъ! Только! Ахъ ты, голь Саратовская... чтобъ я позволила моему сыну... нѣтъ, голубчикъ! Онъ у меня одинъ, какъ порохъ въ глазѣ... вишь вы его околдовали тутъ! Опоздай я — вы-бы погубили... 25 душъ моему сыну... да есть-ли въ тебѣ душа-то!

Кочергинъ. Позвольте, позвольте, сударыня; вы прежде выслушайте все...

Сухожилова. Да что слушать... ужъ видно обмануть хотѣли... ну, говори, что еще?

Кочергинъ. Сорокъ три души въ Олонецкой губерніи...

Сухожилова. А! Ну, не што!

Кочергинъ. По силѣ духовной, немедленно послѣ переселенія моего въ жизнь вѣчную...

Сухожилова. Что? Послѣ переселенія... прошу прислушать... эдакъ онъ морочитъ меня, вдову безпомочную. Да Господь знаетъ, когда ты съ душенькой своей разстанешься... можетъ и ни-вѣсь сколько проживешь... Хитеръ! больно хитеръ!.. Вишь ты какой боченокъ, развѣ, что параличемъ хватитъ, а то... Ну, нашелъ мой сынишко сокровище!.. Да нѣтъ; не видать тебѣ моего сына; сейчасъ-же выкинь дурь изъ головы и скажи своей дочкѣ... не бывать ей за моимъ сыномъ...

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Лидія.

Лидія (заглядывая въ дверь). Что здѣсь за шумъ?

Кочергинъ. Что вы кричите... Уймитесь! 45 и никого!

Сухожилова. Не уймусь... буду кричать... А! это что за нѣженка... не она-то-ли и невѣста... хороша, больно хороша... больно красива... тонконожка, бѣлоручка поджарая... Слышишь, голубушка! Выкинь взоръ-то изъ головы, не бывать тебѣ за Виктошинькой... ищи другаго.

Лидія. Что такое?

Кочергинъ. Чѣмъ-же вамъ моя дочь не нравится...

Она скромна, заботлива,
Послушна, хороша,
Любезна и расчетлива,
Въ ней добрая душа.

Съ такой красоткой ангельской
Женитьба — просто честь!

СУХОЖИЛОВА.

У насъ, сударь, въ Архангельской
Почище этой есть.

Вишь расхвастался своимъ добромъ... разбойникъ... съ ума спятилъ... да еще тараторитъ... Знайте-же, что сыну моему не бывать мужемъ вашей дочки; не быть, не быть и не быть! Не будь я—не быть! Не видать вамъ его, какъ ушей своихъ, обманщики! (*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кочергинъ и Лидія.

Кочергинъ. Правду говорятъ: не узнаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. И меня привелъ Господь на своемъ вѣку настоящаго чорта увидѣть, а я ужъ думалъ, что хуже мой покойницы и быть не можетъ, куда! Она и въ подметки этой не голится! Ужъ покричи она еще... я бы просто кіемъ такой карамболь сочинилъ!.. Да жаль кія-то... объ эдакую колдунью и желѣзный ломъ переломишь... Нѣтъ, слуга покорный породниться съ такимъ дьяволомъ! И такъ на душѣ грѣховъ много, а тогда ужъ прямо въ адъ ступай... а она и дорогу покажетъ!

Лидія. Помилуйте, не сердитесь, папенька... можетъ быть вы ее сами разсердили...

Кочергинъ. Вотъ-те на... двадцать одинъ и никого!... Я разсердилъ! Ну на что чорта сердить... въ немъ и такъ злости-то въ сороковую бочку не вольешь. Хорошъ Валерьянъ Андреичъ! И ничего мнѣ не сказалъ!

Лидія. Простите его, папенька!

Кочергинъ. Ну полно, нечего тутъ хныкать... простите! Ступай въ свою комнату, да выкинь дурь изъ головы... Свадьбѣ не бывать, эта партія кончилась промахомъ! А эта старая чертовка пусть навѣкъ отправиться къ чорту или навсегда въ Архангельскую губернію!

(*Лидія уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Кочергинъ и Татаринъ, съ тюкомъ товаровъ.

Татаринъ (заглядывая въ дверь). Халаты, шали, платки бухарскіе, матерія отличная, хорошей доброты, знатной, самой лучшей доброты; неугодно-ли купить, барынъ? Товаръ хорошъ... купы, купы!

Кочергинъ. Ба! Это что за физіономія! Ахъ, татаринъ! За чѣмъ чортъ принесъ... правду пословица говоритъ: не въ пору гость хуже татарина, а ужъ татаринъ не во время долженъ быть хуже самаго чорта!

Татаринъ. Что, судыръ?.. Напрасно обижаете — татаринъ, такой-же человѣкъ... честный человѣкъ... бываетъ и русской человѣкъ, а поступаетъ по-татарски...

Кочергинъ. Какъ ты сюда попалъ? Кто тебя звалъ, любезный?..

Татаринъ. Самъ прышолъ, барынъ; самъ прышолъ; должность наша такая... кому звать...

Во всѣ дома вхожу свободно,
Съ вопросомъ: что купыть угодно?
Я все сейчасъ продать готовъ:
Халатовъ много и платковъ,
Матерья есть хорошъ бухарска!
Натура ужъ такой татарска:
Ужасно хочется продать,
Да за товаръ побольше взять!

Кочергинъ. Вишь какой! ха, ха, ха! Побольше взять! Даромъ, что татаринъ, а у тебя губа-то не дура: любишь денежки!

Татаринъ. Колы не любитъ, судыръ, деньги вешь хорошая... все хорошее любыть можно... мы такіе-же люди, сударъ...

Кочергинъ. Вотъ что! Ну, а что ты больше-то всего любишь?

Татаринъ. Ну а что вы больше всего любите? что весь свѣтъ больше всего любишъ?..

Кочергинъ Разумѣется, у всякаго свой вкусъ...

Татаринъ. Анъ нѣтъ, судыръ... я вамъ лучше скажу... весь свѣтъ вмѣстѣ и кажда человѣкъ по одиначкѣ больше всего любытъ деньга...

Кочергинъ. Ха, ха, ха! Такъ и ты значитъ больше всего любишь деньги?

Татаринъ. Вѣстымо, судыръ. Кто деньга любытъ, тотъ значитъ все хорошеелюбытъ, потому что на деньга можно достать что есть наилучшаго въ свѣтѣ, судыръ.

Кочергинъ. Вотъ что! Умно разсудилъ, даромъ что татаринъ.

Татаринъ. Не занимать стать у васъ ума, судыръ... Эхъ! кабы у меня деньга были... не ходылъ-бы я съ утра до темной зоры, не нуднлъ-бы себя... а то вотъ теперь и возишься съ товаромъ, бѣгаешь, какъ угорѣлый съ утра до ночи, чужія дѣла облѣлываешь... охъ, деньга, деньга! Ходишь по улицамъ да думаешь, какъ-бы рубликъ или полтину зашибить, судыръ, право, вотъ-те Аллахъ, право!

Родомъ я не знатный баринъ;
Все что есть—съ собой ношу...
Просто, судыръ, я татаринъ,
Господамъ большимъ служу...
Знаютъ всѣ меня въ столицѣ;
Я хожу во всѣ дома;
Дамы, судыръ, и дѣвицы
Отъ меня всѣ безъ ума.
Всѣ товаръ мой выхваляютъ,
Смотрятъ шали и платки,
Не торгуясь покупаютъ; —
А инѣ это и съ руки!
Малой, судыръ, я не промахъ,
Знаемъ гдѣ стоять, гдѣ сѣсть,
Какъ вести себя въ хоромахъ,
Какъ въ прихожей дружбу свесть;
Мы товаръ другихъ не хуже
Продавать научены
Для жены—тайкомъ отъ мужа,
Мужу—тайно отъ жены;
Про невѣстъ наводимъ справки,
Какъ стакнемся съ женихомъ,
Отъ булавки до булавки
Все приданое сочтемъ.
Если въ барыню влюбиться
Вздумалъ судыръ до ушей,
Да не знаетъ какъ открыться —
Мы найдемъ дорогу къ ней.
Все откроемъ на отчистку
И подарокъ ей вручимъ,
При подаркѣ и записку,
Судыръ, ей передадимъ!
Передъ нами всякъ спасуетъ—
И купецъ, и господинъ;
А татарина надуетъ
Развѣ, судырь, жидъ одинъ!

Купы-же, барынъ... вотъ халатъ хорошъ на турецкой подкладка...

Кочергинъ. Ну, развертывай дальше, что у тебя еще есть.

Татаринъ. Посмотрите халатъ... право останетесь довольны; будете носить, да вспоминать. (*Развертываетъ халатъ*).

Кочергинъ. Хорошо, хорошо; да халата мнѣ не надо... недавно купилъ... показывай, что еще...

Татаринъ, (*развертывая вещи*). Вотъ шали персидскія... настоящія... отличной доброты...

Кочергинъ. Вижу, вижу.

Татаринъ. Которую угодно... любую возьмите... (*Откидываетъ одну шаль въ сторону*).

Кочергинъ. А это что?

Татаринъ. Шаль богатая, въ три тысячи...

Кочергинъ. Что жъ ты прячешь... показывай, я посмотрю... можетъ быть куплю...

Татаринъ. Нельзя, сударъ, ужъ продана... я несу ее одному молодому барыну... Валерьяну Андреичу...

Кочергинъ. Какому Валерьяну Андреичу?

Татаринъ. Господину Сухожилову.

Кочергинъ. Вотъ что! А на что ему?

Татаринъ. Невѣстѣ подарыть... невѣстѣ...

Кочергинъ. А... понимаю... шаль хорошая.

Татаринъ. Я ему невѣсту сватаю... хорошая барышня... такая красывая...

Кочергинъ. Ты ему невѣсту сватаешь... что ты говоришь?

Татаринъ. Да, барынѣ, невѣсту.

Кочергинъ. Да у него ужъ есть невѣста! *Сорокъ пять и никого!*

Титаринъ. И полна, судырь, какая невѣста... бѣдная... шутитъ онъ... ему надо богатая невѣста.

Кочергинъ. Вотъ что! Ты правду говоришь?

Татаринъ. Да колы жъ неправду, барынъ... онъ самъ просылъ меня...

Кочергинъ. А давно ли это было?

Татаринъ. Да вотъ на дняхъ...

Кочергинъ. Ай, ай, ай! Вотъ штука!

Татаринъ. Я вотъ и нашелъ ему невѣсту... ужъ такая красавица, да богатая... а это онъ такъ, шутемъ, гдѣ-то посватался.

Кочергинъ. Шутемъ!

Татаринъ. Ему нельзя безъ меня жениться...

Кочергинъ. Почему?

Татаринъ. Вотъ видишь, барынъ, онъ мнѣ много долженъ, да и моимъ товарыщамъ.

Кочергинъ. Много долженъ? За что?

Татаринъ. Вѣстимо за что, барынъ.... дѣло молодое... той платочикъ подарыть надо, той шаль, тамъ матерія на платье... красавицы любятъ подарки...

Кочергинъ (*въ сторону*). Такъ вотъ каковъ мой будущій зятекъ! Красавицы! Ай, ай, ай!

Татаринъ. Оно не замѣтно, да вотъ мнѣ одному задолжалъ тысячь шесть.

Кочергинъ. Шесть тысячь!..

Татаринъ. Да другимъ нашымъ тысячь пятокъ будетъ.

Кочергинъ. Шесть да пять — одинадцать тысячь! Уфъ! Двадцать одинъ и никого!

Татаринъ. Такъ вотъ, барынъ, чтобъ честно раздѣлаться, я и ищу ему богатую невѣсту... Какъ онъ женится, вотъ первому мнѣ и заплатитъ... Да что вы, сударь, больно страшно на меня смотрите?

Кочергинъ. Нѣтъ! Я не могу болѣе терпѣть! Иди, любезный; спасибо тебѣ... заходи въ другое время, я у тебя куплю что нибудь, теперь нѣкогда... а! Чортъ возьми! Меня такъ обманывать!.. такъ онъ самъ просилъ?

Татаринъ. Да, когда-же не самъ... вотъ сегодня понесу къ нему шаль... Онъ подарытъ и зговоры будутъ... кабы поскорѣе!.. больно деньги нужны... только и молимся, чтобъ женить его... до суда доводить дѣла не хочется...

Кочергинъ. Ну, ступай съ Богомъ... У него есть другая невѣста!

(*Татаринъ, уходитъ; за дверью слышенъ его голосъ*). Халаты разны, разны, матеріи бухарски, платки, шали!

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Кочергинъ, Лидія, потомъ Сухожиловъ.

Кочергинъ. Что я узналъ!..

Лидія (*входя*). Папенька, я зашила свою подушку!

Кочергинъ. Подушку... напрасно торопишься съ подушкой; я ужъ сказалъ, что тебѣ не быть за этимъ плутомъ Сухожиловымъ...

Лидія. Вотъ вы опять разсердились.. Въ чемъ онъ провинился, папенька?

Кочергинъ. Онъ негодяй!

Сухожиловъ (*входитъ*). Ну, вотъ, слава Богу, я отдѣлался... теперь я могу побыть съ вами, съ моей милой Лидіей... (*Подходитъ къ ней*).

Кочергинъ. Прочь! я не позволяю...

Сухожиловъ. Что такое? Почему?

Кочергинъ. Не позволяю да и только. Чтобы нога ваша не была въ моемъ домѣ... слышите?

Сухожиловъ. Что это значитъ? Помилуйте...

Кочергинъ. Ступайте вонъ и больше ничего... Ищите себѣ татарскую невѣсту въ другомъ мѣстѣ! Сорокъ пять и никого!

Сухожиловъ. Степанъ Глѣбычъ?

Лидія. Батюшка?

Кочергинъ. Что Валерьянъ Ардреичъ? Что матушка? Вишь какую рожу скорчилъ... а ты что смотришь, точно голодная сивица... ступай въ свою комнату...

Сухожиловъ. Да, объяснитесь...

Кочергинъ. Ничего... вонъ, вонъ! Или я призову людей, призову полицію! Васъ вытолкаютъ...

Сухожиловъ. Боже мой! Что это значитъ? Я былъ на верьху блаженства и вдругъ...

Кочергинъ. Да, уйдете ли вы отсюда?.. Или... (*Схватываетъ кій и грозитъ*). Вотъ Богъ, а вотъ порогъ!

Сухожиловъ. Онъ съума сошелъ! (*Уходитъ*).

Кочергинъ. А! выпроводилъ молодца... ха, ха, ха! Слава Богу! Поди къ своей окаянной матушкѣ! (*За кулисами слышенъ шумъ отъ паденія бюстовъ*).

Итальянецъ, (*за кулисами, съ гнѣвомъ*). Morbleu! Что вы дѣлай! Vous avez perdu la tête! Вы разбили мой статуй; отдайте мнѣ деньга... Это не корошо, синьоръ... Сюда?.. карашо!

Кочергинъ. Что еще тамъ такое?

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Кочергинъ и Итальянецъ, у него на головѣ лотокъ со статуями, изъ которыхъ нѣкоторыя разбиты.

Итальянецъ. Parbleu!.. Мой Вольтеръ разбилъ... два двугривенникъ... Donnez moi l'argent... отдайте мнѣ деньга... деньга...

Кочергинъ. Какіе тутъ ржавыя деньги, что ты толкуешь?..

Итальянецъ. За Наполеонъ два двугривенникъ... за Вольтеръ два съ полтинъ... у меня бюсты корошъ... настоящія гипсовыя... отдайте, синьоръ, деньга...

Кочергинъ. Что такое?.. За Наполеона два двугривенныхъ, за Вольтера два съ полтиной? я ничего не понимаю.

Итальянецъ. Какъ не понимай! Отсюда бѣжитъ молодой человѣкъ... закричалъ стара дуракъ...

Кочергинъ. А! это Сухожиловъ... онъ еще ругается.

Итальянецъ. Я совсѣмъ не стара... совсѣмъ не дуракъ... онъ толкай меня, э... разбилъ мой Наполеонъ... мой Вольтеръ... нога сломай Тальони... ну куда безъ ноги годитсь Тальони... возьмите себѣ... Вольтеръ... деньга полай, деньга за мой бюсты!

Кочергинъ. Да мнѣ-то что за дѣло? За чѣмъ ты сюда пришолъ, чортъ возьми!

Итальянецъ. Какъ на что! Деньга... онъ показалъ мнѣ на вашу дверь... Вотъ мой статуй (*снимаетъ и разсматриваетъ*). Ай, ай?

Кочергинъ. Да не кричи такъ! *Семьдесятъ пять и никого!*

Итальянецъ. Ce n'est pas bien... обижать такъ честна итальянца... мой намъ ничего не сдѣлай...

Кочергинъ. Да замолчишь ли ты, дуракъ... говори, въ чемъ дѣло, пустая голова.

Итальянецъ. Что... вы ругай... не карашо, синьоръ, ругать честна итальянецъ... Я не дуракъ! Не пуста голова.

Ма—зачѣмъ вы такъ бранитесь,
Я не глупа человѣкъ:
Regardes-vous, осмотритесь —
Я съ умомъ ношусь весь вѣкъ.
Билъ я прежде лазарони,
Да на разумъ вдругъ попалъ:
Продавать не макароны,
A les grands синьора сталъ.
У меня карманы пусты,
Такъ фортуна чтобъ нажить —
По домамъ носить сталъ бюсты
Сталъ чужою слава жить.
У меня есть Шиллеръ, Гете...
Всѣ о комъ извѣстна я
Tout ce qu'ilya ума на свѣтѣ
Все на голова моя!

Кочергинъ. Ха, ха, ха! А все-таки я ничего не понимаю...

Итальянецъ. Какъ не понимай... вилитъ... (*Показывая на лотокъ*). Il a cassé mes statues... разбилъ... отдайтъ мнѣ деньга, синьоръ... не хорошо обижалъ бѣдна итальянца...

Кочергинъ. Ну, хорошо, отдамъ, отдамъ, только не кричи... Ты, какъ я нижу, малой горячій.

Итальянецъ. Будешь горяча малой... когда обижай... что мнѣ теперь дѣлай съ моей статуй разбитой... купите, синьоръ, что нибудь.

Кочергинъ. Ну, сколько-же тебѣ надо за разбитыя статуйки...

Итальянецъ. Мой ужъ сказалъ ви... за Гете рубль сорокъ копѣйка, за Вольтеръ два рубли пятьдесятъ копѣйка, за Таліони три рубль...

Кочергинъ. Что дорого?.. Ты говори настоящую цѣну... я у тебя можетъ быть и для себя что нибудь куплю...

Итальянецъ. Нельзя дешевле, синьоръ, никакъ нельзя... ужъ такъ положено...

Наша братъ такой товаромъ
Карашо вся цѣна знай,
Можно все продай за-даромъ,
Только деньга намъ давай.
Trois рубль за Шиллеръ съ Гёте,
Много ль тутъ за два синьоръ?
Матеріалъ возьми въ расчетъ,
Выйдетъ вздоръ parole d'honneur!
За Сенека, за Горацій,
За Сократъ и за Платонъ
По полтина ассигнацій
Можно взять за chaque personne.
Нынче древняя персона
Очень дурно сходитъ съ рукъ,
А вотъ Эльслеръ и Тальона
По цѣлкова кажда штукъ.
За пять рубль отдамъ Венера
И большой Наполеонъ;
Два съ полтиной за Вольтера
За Руссо и Апполонъ.
Меньше взять нельзя почести
За такой большой людей,
А гуртомъ отдамъ всѣхъ вмѣстѣ
За четырнадцать рублей.

Кочергинъ. Вотъ какъ! Отъ чего-же это за Наполеона-то два двугривенныхъ, а за эту, какъ ее...

Итальянецъ. Таліони...

Кочергинъ. Да, за эту мадамъ три съ полтиной? Что ей за честь такая?

Итальянецъ, (*ставя два бюста рядомъ*). Вотъ что-съ! Regardez... это Таліони немножко по выше; а Наполеонъ по ниже..., вотъ разнисъ...

Кочергинъ. Понимаю... кто больше, тотъ и дороже.

Итальянецъ. Точно такъ, синьоръ. Пожалуй же деньга мнѣ... Всего шесть рублей безъ десять копѣйка... этотъ молодой персонъ, который выбѣжалъ отсюда изъ двери какъ il furioso и скажи мнѣ, что я здѣсь получитъ...

Кочергинъ. На нотъ, будетъ съ тебя; тутъ пять рублей; вѣдь за другаго плачу, только жаль тебя... ступай съ Богомъ.

Итальянецъ. Благодарю... А больше, синьоръ, ничего не купитъ? Rien?

Кочергинъ. Нѣтъ ничего не надо... ступай.

Итальянецъ, (уходя). Возьмитъ, синьоръ, хоть Сократа; такой тяжелый... голова болитъ! Prenez...

Кочергинъ. Ничего не надо, ступай... впередъ не таскай такихъ тяжелыхъ болвановъ, отъ которыхъ голову ломитъ. (*Итальянецъ уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Кочергинъ, потомъ Сухожиловъ.

Кочергинъ. Вотъ еще молодецъ! Затѣмъ пришолъ въ Россію, чтобы болванами торговать; точно Русскіе не могли бы того же дѣлать... впрочемъ, у всякаго человѣка свое пропитаніе... (*Входитъ Сухожиловъ*). Ба! Вы зачѣмъ пожаловали... я вѣдь васъ просилъ не посѣщать насъ больше.

Сухожиловъ. Знаю. Я ушелъ отъ васъ съ твердымъ намѣреніемъ исполнить ваше требованіе; но я пораздумалъ и воротился къ вамъ... по крайней мѣрѣ узнать причину вашего гнѣва... оправдаться...

Кочергинъ. Оправдаться... Ха, ха, ха! Поздно! поздно!

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Лидія.

Кочергинъ. Ты зачѣмъ?

Лидія. Ахъ, папенька... Я услышала голосъ моего Валерьяна... онъ почти плачетъ...

Качергинъ. Нечего нѣжничать; я ужъ сказалъ, что между нами все кончено... *Сорокъ пять и никого!*

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, и Слуга.

Слуга. Письмо отъ г. Стружкина. (*Отдаетъ письмо Кочергину и уходитъ. Кочергинъ беретъ письмо. Сухожиловъ украдкой подходитъ къ Лидіи и они вмѣстѣ плачутъ*).

Кочергинъ. Отъ Стружкина?.. (*Читаетъ*). «Милостивый государь! Валерьянъ Андреичъ нисколько не виноватъ въ томъ, въ чемъ его сегодня передъ вами обвинили... потому-что подъ видомъ этихъ обвинителей—татарина, старухи и итальянца — былъ я»... Что такое? «Онъ поступилъ со мною не благородно, выдавъ меня передъ вами за паяца, такъ, что я подвергался нашимъ насмѣшкамъ. Я хотѣлъ отмстить ему тѣмъ-же. —Вы не узнали меня и я достигъ своей цѣли, но я не хочу продолжать моей мести и открываю вамъ все. Валеріянъ любитъ вашу дочь; пусть онъ будетъ съ нею счастливъ и научится впередъ пообдуманнѣе оцѣнять людей! Прилагаю при семъ и ваши 5 р., взятые мнимымъ итальянцемъ.»

Сухожиловъ. Что я слышу? Боже мой!

Кочергинъ. Ха, ха, ха, ха, ха! Такъ это былъ онъ! И я не узналъ его... Вотъ когда надо было смѣяться, а не давича... Точно, мы его обидѣли... ха, ха, ха! Молодецъ!..

Сухожиловъ. Слава Богу! Наконецъ объяснилось... Я точно виноватъ передъ Стружкинымъ и сейчасъ пойду просить прощенія... Онъ благородный малой.

Кочергинъ. Ха, ха, ха! Вотъ комедія... не плачьте-же... подите ко мнѣ... ничего не бойтесь... ха, ха, ха! (*Обнимаются*). Только, чуръ, пойдемъ играть на билліардѣ: ужъ я и такъ сегодня цѣлый день моціону не имѣлъ... Ахъ какъ онъ насъ обморочилъ! Ха, ха, ха!

Ха, ха, ха! Должно признаться,
Онъ насъ очень насмѣшилъ
И отъ смѣха удержаться
Не стаетъ ужъ нашихъ силъ.

(Къ публикѣ).

Но для насъ всего важнѣе
Вашъ серьозный приговоръ, —
Такъ рѣшите поскорѣе
Насмѣшилъ-ли васъ актеръ?

НОВЫЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. ПОЛЯКОВА,

Въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, № 17, поступили въ продажу:

КОМАРЫ.

Всякая всячина, *Ѳ. В. Булгарина.* Рой первый. СПб. Ц. 1 р. 43 к. сер.

НАРОДНОЕ РУКОВОДСТВО

ВЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Сос. г. *Шелеховымъ.* Два тома съ многими рисунками машинъ, земледѣльческихъ орудій и планами поле-измѣненій, съ приложеніемъ формъ, для вѣдомостей и отчетовъ по сельскому управленію. СПб. Ц. 4 р. серебр.

КУРСЪ

ОПЫТНАГО РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

Соч. *Д. Шелехова.* Чтеніе 1, 2, 3, 4, 5 и 6. Ц. каждому чтенію 60 к. сер.

Иногородныя особы благоволятъ адресоваться какъ за сими, такъ и за другими книгами, журналами и газетами, издаваемыми на 1842 годъ, и публикуемыми прочими издателями и книгопродавцами, на имя Василья Петрова Полякова.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

1. **СГАНАРЕЛЬ** или **МНИМЫЙ РОГОНОСЕЦЪ**, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *Мольера*, переводъ *Н. И. Филимонова*.
2. **ЛИЛА**, сочиненіе *Гете*, переводъ *Г. Леонтьева*.

II. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:

1. **СТРАШНОЕ ПРОЩАНІЕ**. Разсказъ *А. Иванова*.

III. ИСТОРІЯ ТЕАТРА:

1. **ИСПАНСКІЙ ТЕАТРЪ**. О чести какъ о главномъ основаніи драмы. Театръ Кольдерона, Рохаса и др. Статья. *Л. де-Вьель-Кастеля*.

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:

1. **ИЗМѢНА МИЛОЙ**. *Н. Вуича*. 2. **НЕГОДОВАНІЕ**. *Н. Третьякова*. 3. **ОПЫТЪ**. *Его же*. 4. **МОГИЛА**. *Его же*. 5. **ОБЛАКА**. *Н. Грекова*. 6. «**БЫВАЕТЪ ПОРОЮ**». *Его же*. 7. **МЕЛОДІЯ**. *Его же*. 8. **ЭЛЕГИЧЕСКИМЪ ПОЭТАМЪ**. *Н. Голубина*. 9. **НА СПУСКЪ КОРАБЛЯ «ВЫБОРГА», 30 ІЮЛЯ, 1841**. *К.....ни*.

V. КАЛЕЙДОСКОПЪ:

1. **О ТЕАТРАХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ ПРИ ШЕКСПИРѢ**. Внутренность театровъ. Сцена. Декораціи. Актеры. О зрителяхъ. Объ Авторахъ. Музыка. Прологи и Эпилоги. Смѣсь. 2. **ЗНАМЕНИТЫЕ АНГЛІЙСКІЕ АКТЕРЫ И АКТРИСЫ, ПРОСЛАВИВШІЕСЯ ВЪ ШЕКСПИРОВСКИХЪ РОЛЯХЪ**. Беттертонъ Бутъ. Гарникъ. Маклинъ. Джонъ Кэмблъ. Мистриссъ Бэрри. Мистриссъ Притчардъ. Мистриссъ Сиддонсъ. 3. **КАЛОШИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА**. Разсказъ *А. Г.* 4. **ИСТОРІЯ МАКБЕТА**. 5. **ДЖІАКОМО МЕЙЕРЪ-БЕРЪ**. 6. **ВЫДЕРЖКА ИЗЪ МОЕГО ДНЕВНИКА**. 7. **ТРИ ПОДРУГИ ЭКУЕНСКАГО ИНСТИТУТА**. 8. **НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАРОДНЫХЪ КОМЕДІЯХЪ**. Соч. *С. П. Глинки*.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. № 8-й «**ТЕКУЩАГО РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ**», въ которомъ находится:

АКТЕРЪ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи *П. А. Перепельскаго*.

2. **КАРТИНКИ**: *1 Гробница Данта въ Равеннѣ. 2. Мастерская Рафаэля въ Римѣ.*

Печатать позволяется, 12 іюня, 1842 г. *Цензоръ П. Корсаковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМ.